

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

24
2020
ЧАСТЬ V

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 24 (314) / 2020

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук
Жураев Хусниддин Олгинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азиз Боситович, доктор философии (PhD) по педагогическим наукам (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, кандидат архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагитбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, кандидат педагогических наук, декан (Узбекистан)
Кайгородов Иван Борисович, кандидат физико-математических наук (Бразилия)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Ласло Ловас* (1948), венгерский математик, известный своими работами по комбинаторике.

Ласло Ловас родился в Будапеште (Венгрия) в семье хирурга. Значительное впечатление на него оказали статья и личная встреча с Палом Эрдёшем, известным венгерским математиком. Во время учебы в школе Ловас трижды выигрывал золотые медали на международных математических олимпиадах. Он получил степень кандидата наук от Венгерской академии наук. Его научным руководителем был Тибор Гала.

В течение 1990-х годов Ласло работал в должности профессора в Йельском университете и сотрудничал с исследовательским центром Microsoft. Затем он вернулся в Будапештский университет на должность директора института математики.

Ловас был президентом Международного математического союза в 2007–2010 годах.

Он является соавтором шести статей, написанных совместно с Палом Эрдёшем, благодаря чему обладает числом Эрдёша, равным 1.

В статье 1979 года «О емкости Шеннона графа» Ласло Ловас впервые ввел число Ловаса графа — вещественное число, которое является верхней границей емкости Шеннона графа. Число Ловаса известно также под названием «тета-функция Ловаса» и обычно обозначается как $\theta(G)$.

Локальная лемма Ловаса — лемма в теории вероятностей. Если некоторое количество событий не зависят друг от друга и вероятность каждого меньше 1, то веро-

ятность того, что ни одно из событий не произойдет, положительна. Локальная лемма Ловаса позволяет ослабить условие независимости: пока события «не сильно зависимы» друг от друга и по отдельности не слишком вероятны, то с положительной вероятностью ни одно из них не произойдет. Этот результат чаще всего используется в вероятностном методе, в частности для доказательства существования. Существует несколько версий леммы. Симметричная версия, приведенная выше, является самой простой и наиболее часто используемой. Более слабая версия была доказана в 1975 году Ласло Ловасом и Палом Эрдёшем в статье «Проблемы и результаты по 3-хроматическим гиперграфам и некоторые смежные вопросы».

Ласло Ловас получил грант от Европейского исследовательского совета. В 2008 году он сделал пленарный доклад на Европейском математическом конгрессе. Избран иностранным членом Российской академии наук, Шведской королевской академии наук, почетным членом Лондонского математического общества. Находится в списке самых цитируемых исследователей ИНИ. Является действительным членом Американского математического общества.

За свои работы в комбинаторике Ловас был удостоен премии Вольфа и Кнута, премии Киото по фундаментальным наукам, а также множества других премий и наград.

Екатерина Осянина, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Наумов И. В.

Гринмейл как форма злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях 309

Новоселова Ю. С.

Отдельные вопросы рассмотрения комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав дел об административных правонарушениях..... 311

Ордашов А. С.

История коррупции313

Покузиева Ю. А.

Злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях..... 317

Полтавский В. Д.

Роль оператора электронной площадки в ходе проведения аукциона 319

Пономаренко А. В.

Функции надзорного производства в гражданском процессе..... 322

Пономаренко А. В.

Особенности кассационного производства в гражданском процессе 323

Попов В. А.

Генезис института защиты в уголовном процессе..... 325

Попов В. А.

Профессиональная тактика деятельности адвоката в уголовном процессе327

Попов В. А.

Вопросы правоприменительной практики процесса собирания и представления доказательств адвокатом в рамках уголовного дела 330

Попов В. А.

Проблемы допуска участия адвоката в уголовном процессе как факторы, сдерживающие правозащитный потенциал института защитника..... 332

Солодилова Ю. Л.

Особенности оспаривания сделок должника в процедурах банкротства в специальном порядке 334

Солодуненко А. С.

Допустимость и целесообразность признания носителя искусственного интеллекта субъектом правоотношений 336

Стадникова Е. А.

Критерии добросовестности и разумности в косвенных исках, предъявляемых к единоличному исполнительному органу коммерческой корпорации 338

Сухарева А. В.

Цифровизация правоприменения..... 340

Тапхаров А. С.

Соотношение прокурорского надзора и ведомственного контроля на досудебной стадии уголовного судопроизводства 342

Тимофеева Е. А.

Проблемные аспекты проведенной реформы по созданию в системе судов общей юрисдикции новых апелляционных судов 343

Царегородцев Б. М.

К вопросу о характеристиках рассеивания дроби № 3 при стрельбе патронами 12/70 с пыжом-контейнером и влияния на них некоторых типов дульных сужений гражданского гладкоствольного огнестрельного оружия 346

Цилин А. А.	
Фиксация и оценка хода и результатов осмотра места происшествия	351
Цыбульская А. Д.	
Проблемы реализации наследственных прав детьми-наследниками, зачатыми при помощи вспомогательных репродуктивных технологий	355
Чебанюк Ю. Е., Степаненко Д. А.	
Личность убийцы как ключевой элемент криминалистической характеристики серийных убийств	357
Шпилова А. В.	
Проблемы признания должника-гражданина банкротом	361
Шмачкова К. Т., Меркуль С. Е.	
Проблемы российского патентного права	363

ИСТОРИЯ

Борисов В. В.	
Становление летних видов спорта в Петрограде-Ленинграде на примере баскетбола (1917–1930 годы)	365

Гунин О. В.	
Советская медиевистика накануне Великой Отечественной войны: антигерманский аспект	367
Дикарев Д. Н., Штепа А. В.	
Козельские засеки в оборонной системе Московского государства в XVI–XVII вв.	374
Крыжановская В. А.	
Асимметричная модель деволюции Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии	376
Мызгина А. В.	
Наука и образование в утопиях Томаса Мора и Фрэнсиса Бэкона	378
Пасечников А. А.	
Особенности организации и функционирования колхозов Ленинградской области в 1938 году.	380

ПОЛИТОЛОГИЯ

Анохин Д. А.	
Эволюция НАТО в постбиполярный период	384

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Гринмейл как форма злоупотребления правом в корпоративных правоотношениях

Наумов Илья Викторович, студент магистратуры

Научный руководитель: Есенова Валентина Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье отстаивается позиция, что для определения основных мероприятий по предотвращению и противодействию злоупотреблением правом в корпоративных правоотношениях, необходимо не только исследовать особенности данного правового явления и причин его возникновения, но также важно охарактеризовать основные схемы, виды, формы и механизмы, используемые для осуществления злоупотребления правом.

Цель настоящей статьи — анализ правовой формы корпоративного шантажа, причин его возникновения и выявление его отличий от рейдерства.

Ключевые слова: злоупотребление правом, гринмейл, рейдерство, захват, корпорация, корпоративные отношения, корпоративный шантаж.

Greenmail as a form of abuse of law in corporate relations

To determine the main measures to prevent and combat abuse of rights in corporate relationships, it is necessary not only to study the features of this legal phenomenon and its causes in the historical context, but also very important to describe the main schemes, types and forms and mechanisms used for and during abuse of rights.

Keywords: greenmail, raiding, capture, corporation, corporate relations.

На протяжении многих лет крупные и средние промышленные предприятия России сталкивались с проблемой криминального рейдерства, которое, зачастую, заканчивалось не просто продажей предприятия или передачей прав на него третьим лицам, но и физической смертью владельцев. Сейчас, по словам экспертов, лицо рейдерства изменилось — на смену ему пришел «гринмейл» [1]. Гринмейл — это форма злоупотребления корпоративными правами миноритарным акционером через причинение вреда обществу путем осуществления шантажа с целью заставить акционеров или общество приобрести акции по завышенной цене и/или захвата общества. Практика гринмейлинга впервые была применена за рубежом, в США.

Гринмейл — практика корпоративных слияний и поглощений. Это деньги, выплачиваемые агрессору, чтобы

остановить акт агрессии. В случае гринмейла агрессор — это инвестор, пытающийся захватить корпорацию путем скупки большинства ее акций. Атакованная корпорация платит завышенную цену, чтобы купить акции у агрессора, известного как корпоративный рейдер. Исторически гринмейл был реакцией миноритарных акционеров (или их фракций) на произвольное поведение мажоритарных участников и руководства корпораций, которое имело место в самом начале акционерного движения. Однако он не получил широкого распространения из-за серьезного ограничения прав отдельных акционеров. Например, в удовлетворении иска будет отказано, если голосование акционера не могло повлиять на результаты принятого решения¹. Некоторые авторы полагали, что долгое время суды выступали против «признания независимого права отдельного акционера на судебное преследование», что не

¹ См.: абз. 1 части 7 статьи 49 Федерального Закона «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 04.11.2019) – «Суд с учетом всех обстоятельств дела вправе оставить в силе обжалуемое решение, если голосование акционера не могло повлиять на результаты голосования, допущенные нарушения не являются существенными и решение не повлекло за собой причинение убытков данному акционеру» // СПС «КонсультантПлюс».

совсем корректно. Конец 90-х годов XX века и начало нулевых развитие акционерных отношений иногда именовались «парадом миноритариев».

В Россию «гринмейл» пришел в 90-е годы вместе с приватизацией и появившейся в ее результате частной собственностью. Знаменитый Кеннет Дарт устроил борьбу за нефтяные российские активы. В 1997 году его компания «Dart Menagement» получила примерно по 10 % активов «Юганскнефтегаза», «Самара-нефтегаза» и «Томскнефти» [2].

В отличие от обычного вымогательства, гринмейлера крайне сложно привлечь к ответственности. Эта проблема давно изучена в западных странах, где деятельность в области гринмейла обычно пресекается с помощью установления крайне высоких налоговых ставок на подобные сомнительные доходы [3].

Сущность корпоративного шантажа заключается в том, что акционер, владеющий пакетом акций, размер которых не позволяет существенно повлиять на процесс управления акционерным обществом (принятия управленческих решений), путем злоупотребления своими корпоративными правами существенно затрудняет деятельность этого общества.

Корпоративный шантаж, как правило, осуществляется в рамках действующего законодательства. Если рассматривать деятельность гринмейлеров с юридической точки зрения, то эти действия должны иметь законный характер, поскольку они трактуются как защита законных прав. Хотя на самом деле это не что иное, как продуманные и хорошо спланированные действия злоупотребления акционером или группой акционеров корпоративными правами.

Для быстрого и эффективного обогащения гринмейлеру необходимо:

- 1) проанализировать состояние распределения акций (определить и ознакомиться с биографиями лиц, имеющих контрольный пакет акций; обратить особое внимание на акционеров, обладающих значительным пакетом акций (более 10 %), определить степень распыленности капитала (чем больше рассеяны акции между мелкими акционерами, тем труднее организовать общее собрание акционеров и соответственно принять решение);

- 2) быть хорошо осведомленным в сфере деятельности предприятия-жертвы (основательно изучить финансовую отчетность компании, определить и сосредоточить внимание на «слабых местах» компании);

- 3) обратить внимание на факты нарушения корпоративных прав акционеров, которые в дальнейшем могут стать союзниками при осуществлении гринмейла или даже рейдерской атаки).

Корпоративный шантаж «гринмейл», существенно причиняя ущерб интересам коммерческой корпорации, отличается от другой формы злоупотребления правом — от рейдерства, которое представляет собой недружественное поглощение имущества, земельных комплексов и прав собственности, осуществляется с использова-

нием недостатков, пробелов законодательства и/или коррупционным использованием государственных, административных ресурсов и силовых методов. Рейдерство как форма злоупотребления правом осуществляется с использованием законных или псевдозаконных методов. Представляет собой цепочку сложных операций, в результате которых благодаря многозначительному толкованию закона: происходит изменение законного владельца без согласия участников общества, а также вывод активов из его владения.

Рейдерство может заключаться: в перехвате управления обществом, в завладении имущественным комплексом корпорации, в консолидации пакета акций или долей общества, в заработке на разнице стоимости акций и стоимости имущества поглощаемого общества, которое после захвата может распродаваться по частям, разделении (выделении) общества и др. Корпоративный шантаж не имеет такой сложной структуры, поскольку для него характерно, прежде всего, получение необоснованно высокой цены за выход акционера (участника) из состава акционеров или участников общества. Высокая цена — средство прекращения гринмейла, например при голосовании в тупиковой ситуации (когда голоса разделились 50 % на 50 %).

Очень часто корпоративный конфликт не идентифицируется именно в форме шантажа. Внешне все выглядит как последовательное отстаивание акционером своих законных прав. Гринмейл используется не только для того, чтобы заставить компанию выкупить ценные бумаги, принадлежащие гринмейлерам. Такая форма реализации акционерных прав применялась в корпоративных отношениях США, чаще всего как средство защиты от недружественного поглощения корпорации. В некоторых случаях корпоративный шантаж может быть и способом защиты своих прав мелким акционером.

Данным видом деятельности преимущественно занимаются инвестиционные компании, осуществляющие свой бизнес в рамках проектов по недружественного поглощения. В их штате высококвалифицированные юристы, экономисты, психологи, специалисты по PR и GR.

Следует отметить, что на сегодняшний день в отечественном законодательстве отсутствует определение корпоративного шантажа, механизмов его выявления и пресечения, оценки ущерба для мажоритарных акционеров, ответственности гринмейлеров перед законом и т. п.

Вопрос соотношения гринмейлинга с рейдерством является дискуссионным, их специфика широко обсуждается в современной теории корпоративного права, поскольку данные понятия не урегулированы законодательством. Вышеуказанные явления являются родственными, но не являются тождественными, поскольку отличаются конечной целью. Целью гринмейла является побуждение лица, в отношении которого направлены недружественные действия, к уплате вознаграждения за их прекращение, тогда как целью рейдерства является приобретение лицом прав на имущество, или контроль над предприятием. Но гринмейл также используется в каче-

стве части юридической схемы, направленной на реализацию недружественного поглощения одной компанией другой. В некоторых случаях, к технологиям гринмейла могут прибегать для защиты своих прав мелкие акцио-

неры. Однако, в любом случае, вся эта деятельность, по меньшей мере, является злоупотреблением правом. На основе вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что указанные понятия родственные, но не тождественны.

Литература:

1. [Электронный ресурс] «Гринмейл» — разрушительный инструмент развития экономики России // eizh.ru URL: <http://www.eizh.ru/articles/analitika/grinmeyl-razrushitelnyy-instrument-razvitiya-ekonomiki-rossii/> (дата обращения: 04.06.2020).
2. [Электронный ресурс] «Гринмейл»: что надо знать о корпоративном шантаже // adv-simfi.ru URL: <https://adv-simfi.ru/grinmeyl-chto-nado-znat-o-korporativnom-shantazhe.html> (дата обращения: 04.06.2020).
3. [Электронный ресурс] Корпоративный шантаж (гринмейл) // kuzin-partners.ru URL: <http://www.kuzin-partners.ru/node/387> (дата обращения: 04.06.2020).

Отдельные вопросы рассмотрения комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав дел об административных правонарушениях

Новоселова Юлия Сергеевна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — комиссии) в своей деятельности используют правовые акты действующего законодательства Российской Федерации: Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Семейный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), иные нормативные правовые акты Российской Федерации и субъектов Российской Федерации [4].

Согласно КоАП РФ, административные материалы в отношении несовершеннолетних лиц рассматриваются на заседаниях комиссии, где решается вопрос о привлечении несовершеннолетних к административной ответственности. К сожалению, в последнее время наблюдается рост числа административных правонарушений среди несовершеннолетних, ответственность за которые предусмотрена главой 12 КоАП РФ. Чаще всего к таким правонарушениям относятся: управление транспортными средствами без права управления транспортным средством соответствующей категории, а также управление мотоциклом или мопедом без мотошлема.

При рассмотрении административных материалов, предусматривающих управление автомобилем несовершеннолетним без водительских прав, вопросов у членов комиссии при назначении административного наказания обычно не возникает, так как данные ситуации не пред-

полагают различных трактовок соответствующей статьи КоАП РФ. Тогда как рассмотрение административных материалов, связанных с управлением несовершеннолетними мотоциклом или мопедом, часто имеет свои особенности.

Во-первых, в Правилах дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров — Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (далее — ПДД РФ), терминами «мотоцикл» и «мопед» обозначаются разные транспортные средства с соответствующими техническими характеристиками, от наличия которых порой зависит административное наказание лица, управляющего данными транспортными средствами.

Понятие «мотоцикл» в ПДД РФ применяется к двухколесному механическому транспорту, у которого имеется боковой прицеп (или без прицепа). Объем двигателя транспортного средства должен быть выше 50 см³, максимальная скорость конструкции — более 50 км/ч [2]. При таких технических особенностях механическое средство передвижения считается мотоциклом.

В соответствии с ПДД РФ, мопедом (или скутером) называется двух- или трехколесное механическое транспортное средство, которое имеет бензиновый двигатель малого объема (до 50 см³) или электродвигатель небольшой мощности (от 0,25 до 4 кВт), а также небольшую максимальную скорость движения (до 50 км/ч) [2].

Во-вторых, лица, управляющие мотоциклом или мопедом, могут иметь одну из следующих 3-х категорий водительских удостоверений:

— категория «А» — открыта для мотоциклов. Водительское удостоверение категории «А» позволяет управ-

лять любыми мотоциклами, в том числе и мотоциклами с коляской, а также мопедами.

подкатегория «А1» — действует на легковые мотоциклы, к которым относятся мотоциклы с рабочим объемом двигателя внутреннего сгорания, не превышающим 125 см³, и максимальной мощностью, не превышающей 11 кВт [2].

Водители, имеющие в водительских правах категорию «А» могут управлять и транспортными средствами подкатегории «А1». Важное отличие подкатегории «А1» от категории «А» состоит в том, что ее можно открыть в возрасте 16 лет [3].

категория «М» — относится к мопедам. Данная категория введена с 5 ноября 2013 года. Она позволяет управлять мопедами и легкими квадрициклами [2]. Управлять мопедами также могут и водители, у которых нет водительских прав категории «М», но есть любая другая категория водительских прав, например, «А» или «В».

На заседании комиссии при рассмотрении дела об административном правонарушении в отношении несовершеннолетнего, управлявшего мопедом, определенную сложность вызывает тот факт, когда инспекторы ГИБДД при оформлении протокола об административном правонарушении зачастую не указывают, какой именно категории водительских прав не имеет несовершеннолетний правонарушитель, и к административным материалам не всегда прилагают все характеризующие документы на транспортное средство, в которых указывается объем двигателя. В этих случаях членам комиссии при рассмотрении материалов административного дела бывает довольно проблематично определить категорию транспортного средства и, соответственно, определить вид административного наказания несовершеннолетнему лицу.

Рассмотрим пример. В комиссию поступили материалы административного дела в отношении подростка в возрасте 16 лет, который управлял мопедом, не имея соответствующего водительского удостоверения. При рассмотрении материалов на заседании комиссии было установлено, что данное транспортное средство относится к мотоциклам с небольшим объемом двигателя и небольшой максимальной мощностью, управление которыми предусматривает наличие водительского удостоверения подкатегории «А1». В этом случае несовершеннолетний уже мог бы пройти обучение и получить водительские права подкатегории «А1», и, таким образом, избежал бы административного наказания, предусмотренного частью 1 статьи 12.7 КоАП РФ.

В-третьих, еще один нюанс при рассмотрении административных материалов в отношении несовершеннолетних, управляющих мопедами и мотоциклами — это необходимость наличия мотошлема при управлении и езде на двухколесных транспортных средствах.

На практике можно встретить водителей скутеров, которые отказываются от использования мотошлема. В большинстве случаев причинами отсутствия шлема являются халатное отношение водителя к собственной безо-

пасности, незнание правил дорожного движения, непонимание возможных последствий дорожно-транспортного происшествия [4].

Пункт 24.8 ПДД РФ гласит: «велосипедистам и водителям мопедов запрещается двигаться по дороге без застегнутого мотошлема (для водителей мопедов)» [2]. Важным уточнением является то, что данный пункт требует наличия застегнутого мотошлема только у водителя мопеда, то есть на пассажиров мопеда такое требование не распространяется.

При этом, водитель (согласно пункта 2.1.1 ПДД РФ) и пассажир мотоцикла (согласно пункта 5.1 ПДД РФ) при движении обязаны оба быть в застегнутых мотошлемах.

Поездка на мотоцикле или мопеде с незащищенной головой приравнивается к неправильному использованию ремней безопасности на автомобильном транспорте. Если водитель, управляющий транспортным средством на двух колесах, не надел защитный мотошлем — это является грубым нарушением ПДД РФ и влечет за собой административное наказание, предусмотренное статьей 12.6 КоАП РФ.

Статья 12.6 КоАП РФ «Нарушение правил применения ремней безопасности или мотошлемов» предусматривает административное наказание в виде штрафа в размере одной тысячи рублей за управление мотоциклом или мопедом либо перевозку на мотоцикле пассажиров без мотошлемов или в незастегнутых мотошлемах [5]. При этом наказания за езду без мотошлема для пассажира мопеда не предусмотрено. Фактически, что не запрещено, то разрешено.

Тонкая грань в технических характеристиках между мопедом и легковым мотоциклом, объем двигателя которого составляет немногим более 50 см³, при отсутствии техпаспорта или другого характеризующего документа на транспортное средство создает проблемы в правильном применении норм главы 12 КоАП РФ инспекторами ГИБДД.

К примеру, на заседании комиссии рассматривался следующий административный материал: двое несовершеннолетних (водитель и пассажир) в возрасте 16 лет ехали на мопеде, оба находясь без мотошлемов. Инспектор ГИБДД, остановивший подростков, составил на водителя мопеда административные протоколы, предусмотренные частью 1 статьи 12.7 КоАП РФ и статьей 12.6 КоАП РФ, а также на пассажира мопеда — административный протокол, предусмотренный статьей 12.6 КоАП РФ. Пассажиру вменялось нарушение пункта 5.1 ПДД РФ.

Но пункт 5.1 и пункт 24.8 ПДД РФ ясно гласят, что водитель и пассажиры при поездке на мотоцикле, а также водитель мопеда, должны быть в застегнутом мотошлеме [2]. Несовершеннолетний, являясь пассажиром мопеда, не обязан исполнять данное правило (согласно ПДД РФ). В итоге, рассмотрение материалов дела об административном правонарушении в отношении данного несовершеннолетнего на заседании комиссии было прекращено на основании пункта 2 части 1 статьи 24.5 КоАП РФ

в связи с отсутствием состава административного правонарушения [5].

Таким образом, при рассмотрении на заседаниях комиссии административных правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ, с целью всестороннего

и объективного исследования всех обстоятельств дела, выявления причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения [5], важное значение имеет наличие достаточных и полных материалов административного дела.

Литература:

1. Закон Кировской области от 25.11.2010 № 578 — ЗКО «О комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав в Кировской области» (с изменениями на 23.07.2019).
2. Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 (ред. от 26.03.2020) «О Правилах дорожного движения». — Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2709.
3. Категории и подкатегории водительских прав в 2020 году [Электронный ресурс] /Максим Калашников. — Электрон. журн. — 2018. — Режим доступа: <https://pddmaster.ru/voditelskie-prava/kategorii-voditelskix-prav.html>.
4. Нужен ли на скутер шлем? [Электронный ресурс] / Максим Калашников. — Электрон. журн. — 2019. — Режим доступа: <https://pddmaster.ru/pdd/skuter-shlem.html>.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. — Москва: Проспект, 2019. — 672 с.

История коррупции

Ордашов Александр Султанович, специалист

ГБПОУ «Колледж современных технологий имени Героя Советского Союза М. Ф. Панова» г. Москвы

В статье проведен анализ истории коррупции. Методология исследования — анализ научной литературы по заданной проблеме, а также практического отечественного опыта. Актуальность исследования заключается в возросшей степени влияния к коррупционной деятельности с целью ее ликвидации и минимизации последствий. Все это является основанием систематического изучения и исследования коррупции в историческом контексте, который позволит выявить насущные проблемы, перспективы в данной отрасли и направления работы.

Ключевые слова: коррупция, история, совершенствование, нарушение, образование, государство.

History of corruption

Ordashov Aleksandr Sultanovich, specialist

College of modern technologies named after Hero of the Soviet Union M.F. Panov, Moscow

The article analyzes the history of corruption. The research methodology is an analysis of the scientific literature on a given problem, as well as practical domestic experience. The relevance of the study lies in the increased degree of influence on corruption activities in order to eliminate it and minimize the consequences. All this is the basis for a systematic study and study of corruption in a historical context, which will identify urgent problems, prospects in this industry and areas of work.

Keywords: corruption, history, improvement, violation, education, state.

Если разобрать слово «коррупция» на части, то можно прийти к выводу о том, что их две: «corrumpere» и «corruptio». Первое слово переводиться, как «портить», а второе — «подкуп, продажность».

Данный термин обозначает превышение официальным лицом своих полномочий, использование своего статуса в корыстных целях, позволяющих получить выгоду путем мошенничества. Сюда же относится подкуп, заключающийся в передаче денежных средств должностному лицу с целью получения личной выгоды, в обход принятым нормам и законам.

История возникновения коррупции начинается издревле, она богата случаями, когда деятельность чиновников и власти выходила из-под контроля, а количество нарушений должностных обязанностей превышало все возможные границы. Именно поэтому многие государства стали вводить жестокое наказание за мошенничество и взяточничество. Некоторые из них были настолько суровыми, что пойманный за совершением должностного преступления человек немедленно приговаривался к смертной казни.

Отметим, что первые упоминания о практике взяточничества вполне возможно обнаружить в правовых документах, которые были написаны еще 14 веке. На тот период понятие «взятка» отсутствовало, однако повсеместно использовалось аналогичное по смыслу термин — «посул».

Необходимо отметить, что в период существования Древней Руси, на работу и содержание государственного механизма не выделялось регулярного жалования. Это привело к распространению такого явления, как «подношение». С его помощью, древнерусским чиновникам удавалось существенно улучшать свое финансовое положение в условиях отсутствия жалования от государства.

На практике подобное явление чаще всего предполагало, что жители подконтрольных чиновнику территорий кормили его, что привело к появлению в языке другого термина — «кормление», схожего по смыслу со взяткой.

Усиление практики взяточничества имело место в 15 веке, когда она получила повсеместное распространение среди судебных работников. К концу века, в 1497 году в «Судебнике» — сборнике законов, впервые была прописана ответственность за получение взяток работниками судебной системы.

Подобное нововведение было обусловлено учащимися случаями взяточничества, которые служили серьезным препятствием для свершения правосудия.

Решить проблему передачи и получения взяток позволило решение, принятое в 1556 году, благодаря которому, все получаемые подобным образом подати начали официально взиматься государством в виде налога, что положило конец практике «кормления».

В Древней Руси на тот период полностью отсутствовала регулярная армия, за исключением стрельцов, которые выполняли свои обязанности во время военных кампаний, а затем возвращались по домам. Некоторые из них «кормились» от конкретного поместья, в то время как другие — от вотчины. Подобная практика получила название «кормление ратных людей».

К 16 веку политическая система страны значительно преобразилась, что выразилось в создании централизованного госаппарата, что обусловлено возросшей бюрократией и, соответственно, ростом числа чиновников, получающих жалование от государства. Именно в этот период была сформирована совершенно новая схема платежей государственным служащим, которая положила конец практике «кормления».

Первым правовым актом, который предусматривал уголовную ответственность за взяточничество, представляется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных», которое было успешно разработано в 1845 году. В этом документе появилось сразу 2 термина «мздоимство» и «лихоимство», которые отличались друг от друга. Первый обозначает получение взятки для выполнения законных процедур, а второй — для противоправных.

Следующим этапом в борьбе с взяточничеством стало новое уложение, которое было разработано в 1903 году

и имело сразу несколько существенных отличий от предыдущей редакции подобного сборника законов. Основной целью новых законодательных норм стало препятствие для преступного обогащения многочисленных чиновников, которые нарушали безвозмездный принцип оказания услуг населению.

Кроме того, в новом «Уложении» термин взяточничество уже обозначал получение денежных средств или другого имущества, которое предлагается лиходателем добровольно, что соответствует современному пониманию этого слова.

Таким образом, переходя к вопросу об истории развития коррупции в СССР, можно сделать первый вывод о том, что она возникла достаточно давно: длительность ее исторического пути можно приравнять к началу образования самых первых государств. Тем не менее, не следует забывать о том, что коррупция является серьезной угрозой для безопасности нации.

На сегодняшний день учеными, занимающимися исследованиями в данном направлении рассматривается четыре основных периода, которые предшествовали развитию коррупции в СССР. Они играют ключевую роль, являясь причиной дальнейшего развития событий. [3]

Первый из них — древний. Данный этап охватывает развитие Российской империи начиная с 9 по 15 века. Следующий этап охватывал с 16 по 19 век. Его также подразделяют на две небольшие категории: дореформенную и пореформенную. Советский период охватывает собой практически весь XX век. Активное развитие коррупции в этом периоде было положено в 1917 году, а завершающим стал 1991 год. Последующее время носит название «постсоветское». Его начало датируется 1992 годом, оно продолжается и в настоящий момент. Данную классификацию предлагает такой автор, как Н. И. Босецкий.

Другим ученым, занимающимся исследованиями в данной сфере, предлагается несколько отличающаяся сроками периодизация. Так, первый из периодов, по мнению А. В. Башана, носит название ранний. Для него характерно принятие первых актов законодательства, в которых прописываются мера наказаний за коррупционные действия. Данный период продолжался начиная с начала 15-го, заканчивается концом 16-го века. Форменный и пореформенный этап был определен указом Петра I. Данный период охватил 17 и 18 век. Советский период, в соответствии с классификацией данного историка, охватывает время с 1918 по 1992 год. В этом промежутки было принято и уголовно-исполнительное законодательство. Постсоветский период — это четвертый этап, который предлагает рассматривать данный автор. Его начало было положено в 1993 году, в момент принятия закона «Об учреждениях и органах исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». Данный период не завершился, он продолжается и сейчас, как отмечают в своих работах А. В. Башан. [4]

Интересным промежуток, с точки изучения особенностей проявления и развития коррупции, можно на-

звать время правления И. В. Сталина. Существование данного феномена в эти годы можно назвать двойственным. Дело в том, что Сталин ужесточил наказание за подобного рода преступления. Здесь речь идет о смертной казни в отдельных, особо сложных случаях. Но при этом, образовался особый класс неприкосновенных, которые находились вне контроля. Так представители номенклатуры могли не опасаться строгого наказания, образуя собой отдельный слой общества, наделенный особой властью и полномочиями. Факты свидетельствуют о том, что борьба с коррупцией в те годы носила скорее показательный характер. Достаточно часто возникали ситуации, когда объектом подозрения являлись авторитетные люди, ставшие частью политических игр. Иными словами, ложные показания становились инструментом, позволяющим отстранить от власти неугодных лиц.

Если проводить исторический анализ периода советского времени, то можно найти немало доказательств того, что коррупция не могла бы процветать без содействия со стороны чиновников. Если рассматривать более подробно любое крупное уголовное дело тридцатых годов, связанное с коррупцией, то помимо основного виновника всегда можно было выйти на еще нескольких должностных лиц. Они становились участниками противозаконной деятельности, прикрывая ее в собственных корыстных целях. [5]

Во многом причиной резкого роста количества случаев коррупции в стране можно объяснить увеличением числа чиновников на этом этапе, по сравнению с дореволюционным периодом. Так, на одну тысячу жителей приходилось пять чиновников (данные 1922 года), а в 1913 году — не более одного или двух. В 1928 году их количество уже превышало цифру шесть. Рекордным стал 1940 год, когда группа чиновников на одну тысячу населения достигла девяти участников.

После завершения периода НЭПа начал формироваться так называемый «теневой бизнес». Во многом этому послужило отсутствие легального и разрешенного со стороны государства частного предпринимательства. Особенностью этой обособленной группы людей являлось наличие неформальных отношений с теми лицами, которые находятся на высоких должностях, тайная договоренность с контролирующими организациями и правоохранительными органами. Первыми основателями теневого бизнеса являлись братья Зильберги, Яков Глухой и Яков Рейх.

Интересная деталь заключается в том, что коррупции были подвержены и органы НКГБ — МБГ. Как правило, это проявлялось в злоупотреблении собственным положением во время проведения арестов и конфискации. Это скорее напоминало грабеж, в отдельных случаях было возможно и взяточничество. Причиной тому послужило достаточно сложное положение сотрудников этой организации. Дело в том, что в эти тяжелые годы многие оставались без зарплаты и какого-либо пайка. В каком-то смысле Дальбюро ЦК РКП (б) подтолкнуло своих подчиненных к совершению должностных преступлений.

В последующие годы коррупция в органах государственной безопасности начинает приобретать все более изощренные и разнообразные формы, затрагивая самые высокие чины. Например, в тридцатые годы был открыт специальный магазин для реализации конфискованных вещей, которые приобретались за бесценок самими же представителями государственных организаций. Данный магазин был расположен в Тбилиси, о нем знала лишь небольшая группа имеющих соответствующую должность людей. Просто так попасть было туда случайному человеку было невозможно.

Органы власти категорически отрицали подобные инциденты. Более того, на само слово «коррупция» было наложено негласное табу. Появление данного термина можно отметить лишь в конце восьмидесятых годов XX века. До этого момента предпочтение отдавалось таким определениям, как «попустительство», «превышение должностных прав». Это позволяет сделать вывод о том, что органами власти предпринимались попытки максимально засекретить любые инциденты, связанные с коррупционными действиями.

На рубеже шестидесятых годов XX века отмечается резкое увеличение количества дел, связанных с коррупцией. Особенно это касалось южных национальных республик. Именно поэтому для того, чтобы предотвратить дальнейшее усугубление ситуации, достаточно часто происходила смена руководства.

Интересным фактом с точки зрения историков является то, что многие связывают крах советского режима именно с безуспешной борьбой с коррупционными явлениями в стране.

Несколько изменилась форма правления в те годы, когда во главе власти был назначен Б. И. Ельцин с его радикальными либеральными взглядами. Несмотря на то, что политик заявлял о необходимости борьбы с нарушением должностных обязанностей и взяточничеством, данные инциденты продолжали происходить регулярно. На это могли оказать влияние некоторые особенности и нововведения, которые были внесены сменившимся руководителем. Например, Б. И. Ельцин значительно сократил доходы государственных чиновников. Но при этом без их разрешения было невозможно открытие какого-либо дела или предприятия. Это неизбежно стало причиной вымогательства со стороны чиновников, увеличения числа преступлений, связанных с получением и передачей взяток. К тому же, в те годы особенно актуальной стала приватизация. Но для того, чтобы ее оформит многим приходилось отдавать весомую сумму денег для того, чтобы получить нужную подпись и печать в кратчайший срок.

Одним из самых громких дел о коррупции на этом историческом этапе являются многочисленные процессы, направленные против судебных органов с 1948 по 1949 год. Судебные заседания были закрытыми, до последнего момента сохранялись в тайне. Прокуратурой СССР были раскрыты многочисленные злоупотребления со стороны судебных органов таких городов, как: Москва, Уфа, Крас-

нодар и Киев. Выяснилось, что множество раскрытых ими дел были фиктивными, вынесенные приговоры коснулись невиновных людей. Интересным фактом является то, что данное дело раскрыло несовершенство судебной системы. Нарушение были найдены не только в областных судах, но и в верховном суде СССР. По этому громкому делу только лишь в одной Москве арестовали 111 человек, из которых было 30 судебных работников. Кроме того, выяснилось, что участниками данной мошеннической схемы стали многие чиновники, которыми передавалась взятка должностным лицам. [2]

Еще одним прогремевшим коррупционным инцидентом в СССР является «Хлопковое дело». Здесь речь идет о воровстве в особо крупных масштабах, которое скрывалась начальниками данного предприятия. Было возбуждено рекордное количество уголовных дел, которых было насчитано более восьми сотен. По данному делу проходило свыше 4000 человек обвиняемых. Для того, чтобы разобраться в этой сложной и запутанной схеме понадобилось 19 лет. Судебные заседания начались в 1970 году, а завершились лишь в конце 1989 года. В 1983 году при получении взятки был пойман с поличным начальник бухарского облсполкома Музаффаров. При проведении обыска у него была обнаружена просто астрономическая по тем временам сумма денег — более одного миллиона рублей. Не говоря уже о множестве изделий из чистого золота. Для простого советского человека такие суммы были заоблачными. В итоге Музаффарову не оставалось ничего иного, как написать явку с повинной. После судебных разбирательств всплыли новые участники дела, которых было более 100 человек. [7]

Нашумевшим судебным процессом, произошедшим уже под конец периода СССР является дело «Моспродторга». После проведения тщательного расследования

был расстрелян директор «Елисеевского» гастронома Юрий Соколов. После его задержания, в результате проведения допросов, было выявлено более сотни замешанных в коррупции лиц. Суммы были настолько велики, а количество нарушений таким огромным, что судом было вынесено самое строгое наказание для Соколова — расстрел, с последующей конфискацией всего имущества, лишение всех имеющихся наград и званий. Остальные участники данного громкого дела были приговорены к 15–20 годам лишения свободы. [6]

Получившим широкий общественный резонанс коррупционным скандалом, который пришелся на период советской власти является «Азербайджанское дело». Его суть заключается во взяточничестве, целью которого являлось приобретение государственных должностей. Из уголовных дел доподлинно известно, что стоимость получения места судьи составляла 30.000 рублей. Должность секретаря райкома требовала гораздо большей суммы — за нее было необходимо отдать около 100.000. В том случае, если человек захотел стать директором магазина, ему необходимо было предоставить от 10 до 30.000 рублей (сумма определялась товарооборотом: чем выше была прибыль предполагаемого магазина, тем больше была и сумма взятки). Для того, чтобы понять масштабы этого дела, следует упомянуть среднюю зарплату по стране в тот исторический период: она была чуть больше 100 рублей в месяц.

Оглядываясь в прошлое, можно сделать выводы о том, что коррупция неизменно сопровождала каждый из исторических этапов. Независимо от того, насколько строгим было наказание, так или иначе данные инциденты имели место быть. Виной возникновения данного феномена является человеческая алчность, побороть которую — весьма непростая задача, требующая долгих разбирательств и тщательного поиска виновных лиц.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Москва.: Кодекс, 2019. 30 с.
2. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2018. 30 декабря. № 4823.
3. Dan Hough. Here's this year's (flawed) Corruption Perception Index. Those flaws are useful. Available at: <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2016/01/27/how-do-you-measure-corruption-transparency-international-does-its-best-and-thats-useful/>
4. Russia Nations in transit. Available at: <https://www.freedomhouse.org/report/nations-transit/2015/russia>
5. Ukraine Nations in transit. Available at: <https://www.freedomhouse.org/report/nations-transit/2015/ukraine>
6. Worldwide Governance Indicators. Available at: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/index.aspx#home>
7. Антикоррупционная политика. М.: РА «СПАС», 2014. 368 с.
8. Борзенков, Т. Н. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Сер. 11.2017. № 1. с. 30–31.
9. Волженкин, Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2018. 560 с.
10. Генпрокуратура зафиксировала рост преступности // Известия. 2015. 1 сентября.

Злоупотребление правом в корпоративных правоотношениях

Покузиева Юлия Анатольевна, студент магистратуры
Российский государственный университет правосудия (г. Москва)

В статье раскрывается правовая сущность корпоративных конфликтов, на основе наиболее распространенных практических примеров с применением системного подхода и методов систематизации. Представлен анализируемый практический и теоретический материал, в качестве основы для практических рекомендаций относительно дальнейшего совершенствования корпоративных правоотношений и предотвращения конфликтных ситуаций между участниками юридических лиц с корпоративной структурой.

Ключевые слова: корпоративное право, корпоративные правоотношения, злоупотребление правом, гражданские правоотношения, юридическое лицо, правовые границы, правовой конфликт.

Такие формы существования юридических лиц как организация, предприятие, акционерное общество и т. д. являются одними из самых распространенных в практике гражданских правоотношений, поэтому законодатель обязан обеспечивать слаженные механизмы взаимодействия между участниками обозначенных форм по той причине, что корпоративные правоотношения чаще всего проявляют себя как одни из самых конфликтных.

Российская экономика постсоветского периода находится на активной стадии становления рыночных отношений, в связи с чем вопросы грамотного правового регулирования взаимоотношений участников обозначенного процесса крайне важны. Кроме того, законодатель обязательно должен проводить регулярные проверки на предмет выявления возможных правонарушений и злоупотреблений между субъектами сферы экономики, которая, в свою очередь, включена в сферу действия гражданского законодательства. Так, в последние годы широкое распространение получают корпоративные взаимоотношения, объединяющие под собой, согласно ст. 65 ГК РФ [1], круг лиц которые обладают всей полнотой прав на управление созданным юридическим лицом в форме корпорации, принимая ключевые решения, планируя текущую деятельность, распределяя между собой полученную прибыль и т. д. Иными словами каждый член корпорации (акционер, член совета директоров) после обладает всей полнотой прав связанных с созданием, реорганизацией, ликвидацией, внутренними процессами корпоративного юридического лица.

Подобное положение в полной мере подкрепляется нормами Конституции РФ, которая является основным источником корпоративного права в стране. Согласно ч.1 ст. 34 если предпринимательская или иная деятельность, связанная с распоряжением имуществом и финансами не запрещена законом, лица, принимающие в ней непосредственное участие, наделяются полным перечнем прав по распоряжению данным имуществом. Также ст. 30 даёт разрешение на образование объединений и, в том числе, корпоративного характера. Объединения имеют право, в том числе, на судебную защиту (ст. 45, 46), свободу поиска, пользования и передачи информации имеющей отношение к деятельности объединения (ст. 29).

С одной стороны широкий перечень прав позволяет организациям эффективно выполнять текущие задачи и динамично развиваться, но в то же время подобная свобода зачастую становится почвой для возникновения конфликтных ситуаций, которые чаще всего правоведами квалифицируются как злоупотребление. В Конституции РФ в ч.2 ст.34 дается общее пояснение относительно недопустимости действий связанных с монополизацией и недобросовестной конкуренцией [2]. Конституционная норма раскрывается конкретнее в Гражданском Кодексе РФ, где обозначенное правонарушение трактуется как «злоупотребление корпоративными правами» (ст.10) [3].

В связи с этим частые случаи злоупотребления правом могут причинить достаточно весомый вред деятельности юридического лица и сказаться в виде негативных последствий с длительным эффектом. Таким образом, применяемые права могут и должны находиться в определенных границах, за которые лицо ими наделённое не должно переступать. Гражданское законодательство для этого использует специальную формулировку которая звучит как «пределы осуществления гражданских прав». Как утверждает Н. А. Механошина смешение понятий «злоупотребление правом» и «правовые пределы» совершенно недопустимо по той причине, что в чистом виде член корпоративного юридического лица имеет все основания пользоваться наделёнными правами по своему усмотрению, но тогда когда в его действиях читается злой умысел следует однозначно указывать на наличие правонарушения, за которое виновный понесет наказание [4].

Злоупотребление правом на участие в общем собрании акционеров получает на практике самые разнообразные формы. Так, это может быть неявка на общее собрание, либо как мы уже упоминали раньше голосование против какого-либо решения. Однако сам процесс голосования по своей сути противоречив, так как в ряде случаев трактуется как соблюдение собственных гражданских прав акционера согласно п. 2 ст. 1 ГК РФ, но сам акционер является членом корпоративного общества и, вступая туда, обязан учитывать его интересы в том числе, а голосование «против» пусть даже произнесённое в целях соблюдения собственных гражданских прав может нанести вред обществу и это недопустимо.

К злоупотреблению корпоративным правом при проведении процедуры голосования в организации, кроме того можно отнести злоупотребления при выдвижении кандидатов на два или несколько ключевых постов, нахождение на которых определяет вектор ее финансового развития. К таким должностям относятся: членство в совете директоров или место в ревизионной комиссии организации. Если акционеры назначают на одного и того же кандидата на указанные должности, это согласно действующему законодательству будет относиться к злоупотреблению корпоративным правом. В п.6 ст.85 Федерального Закона «Об акционерных обществах» [5] одним и тем же лицам запрещается занимать руководящие должности и в том числе должность ревизора, члена наблюдательного совета и т. д. Попытки выдвижения кандидата на две или более указанных в законе должности, автоматически попадает под сферу действия ст.10 ГК РФ [1].

Зачастую неуверенная позиция в совете директоров корпоративной организации может стать поводом не только для понижения эффективности ее текущей деятельности, но так же способствовать укреплению ее или вовсе прекратить существование организации. Поскольку в условиях острой конкурентной борьбы «блокировка» одного или нескольких акционеров корпоративных организаций расценивается как злоупотребление корпоративным правом. Таким образом посредством стимулирования неоднозначной ситуации в составе совета директоров компании, может быть спровоцирована ситуация банкротства и фактического развала компании [6].

Наглядным примером в этом случае является завершившееся годом ранее арбитражное разбирательство по делу банкротства одной из старейших авиакомпаний Российской Федерации — «Трансаэро». По мнению экспертов, стремительный переход компании в состояние банкротства не обошлось без факта злоупотребления корпоративными правами со стороны членов собрания акционеров компании. В 2014 г., когда был впервые обозначен риск возникновения ситуации банкротства, компания, не смотря на опасность, продолжила расширять авиапарк. Решения собрания акционеров прямо противоречили финансовому благополучию «Трансаэро», блокируя раз за разом решение против сокращения авиапарка и перехода на программу постепенного сокращения задолженностей которые на момент 2015 г. составляли сумму в объеме 61 млрд. руб. [7]

Дело авиакомпании «Трансаэро» получило огромный общественный резонанс, поскольку изначально в банкротстве компании не было заинтересовано ни государство, ни собственники. Поэтому в сентябре 2015 г. появилась информация о покупке 75 % акций [8] Трансаэро Аэрофлотом за символическую сумму в 1 рубль. Банки и инвесторы, отказавшиеся списать долги компании, согласились обсудить этот вопрос с новым собственником. Сделка подразумевала смену руководства компании и введение полного операционного контроля со стороны «Аэрофлота». 7 сентября главой компании стал предста-

витель «Аэрофлота» Д. Сапрыкин. Обсуждение перехода большей части от общего объема акций «Трансаэро» к «Аэрофлоту» продолжалось и на данный момент можно с уверенностью утверждать, что слабая позиция руководства компании банкротства привела не только к ее последующему распаду, но так же к усилению позиций ее прямого конкурента на рынке авиаперевозок ПАО «Аэрофлот». Описанный случай относится к числу наиболее известных, когда имеет место быть «блокировка» решений членов совета директоров, в связи с чем организация не может полноценно осуществлять свои функции и выстраивать ту программу развития, которая не только уберезит ее от кризиса, но приведет к дальнейшему процветанию.

Проведенное исследование по теме злоупотребления правом в корпоративных отношениях, позволило сформулировать выводы относительно современного состояния законодательства призванного регулировать возникающие конфликты, а также относительно членов организаций, которые могут быть привлечены к ответственности за совершаемые правонарушения.

Во-первых, при изучении действующего законодательства, актуальных примеров из судебной практики было установлено, что дать верную квалификацию правонарушениям, связанным со злоупотреблением корпоративными правоотношениями сложно по причине наличия тонкой грани между гражданскими правами членов корпоративных организаций и рамками этих прав. На данный момент действующее законодательство проходит процедуру реформирования, однако не все судебные споры по ст. 10 ГК РФ базируются на конкретных запретительных нормах действующего законодательства. К примеру, до настоящего времени не были внесены изменения по правилам голосования в акционерных обществах, а также иных видах обществ построенных на корпоративных правоотношениях.

Во-вторых, факт злоупотребления корпоративными правами не во всех случаях может быть зафиксирован, поскольку намерения членов организации принимающих решения по ключевым вопросам не могут быть оценены судом однозначно без наличия корректно оформленной доказательной базы. Суд не имеет право привлекать к ответственности лицо, заподозренное в злоупотреблении корпоративным правом, если только это не запрещено законом.

В-третьих, во избежание злоупотребления корпоративными правами со стороны участников, руководство организации вправе принимать специальные меры. На данный момент, достаточно проработаны меры относительно защиты информации об организации, которая может быть использована в корыстных целях или передана третьим лицам способным повредить ее авторитету, финансовой независимости и причинить ей иной вред. Следовательно, опыт установления правил, применяемых к поступающим запросам к руководству организации по необходимой информации или предоставлению определенных документов, может быть успешно исполь-

зовано по отношению к прочим действиям, которые могут совершать члены корпоративных организаций пользуясь своими правами.

К примеру, при проведении голосования, участникам может быть предложено объяснить свой выбор или предлагаемую кандидатуру на определенную должность. Также инициация внеочередной проверки должна быть объективно объяснена с предоставлением последующего

отчёта о полученных результатах. Таким образом, при внесении соответствующих дополнений к действующему законодательству, опасность возникновения конфликтов, связанных с фактами злоупотребления корпоративными правами будет снижена, а члены организации не смогут себя скомпрометировать неосторожными действиями и быть заподозренными в неправомерных действиях, способных помешать ее успешному развитию.

Литература:

1. СПС Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/4e9f45cee5c3a3157af95af6ef0a27b74d43e458/ (дата обращения 23.10.2019).
2. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // СПС Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/b841daa03c45d4e22a709bc1d0e6aa22f6f954fe/ (дата обращения 23.10.2019).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/62129e15ab0e6008725f43d63284aef0bb12c2cf/. (дата обращения 23.10.2019).
4. Механошина Н.А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 6(104). с. 172-176.
5. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СПС Консультант Плюс // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/7d639309566f90c50a9a0226708a7cebb70f52e3/
6. Терентьев А.В. О понятии корпоративных правоотношений в современном российском законодательстве // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2018. № 3. с. 33-41.
7. Википедия [Электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%B0%D1%8D%D1%80%D0%BE#Банкротство> (дата обращения 23.10.2019).
8. Газета «Коммерсантъ» [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4180428> (дата обращения 23.10.2019).

Роль оператора электронной площадки в ходе проведения аукциона

Полтавский Владислав Дмитриевич, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В данной статье рассмотрен порядок проведения электронных торгов и основные обязанности оператора электронной площадки в ходе проведения аукциона.

Ключевые слова: аукцион, оператор, электронная площадка, электронные торги.

Электронный аукцион является наиболее популярной процедурой в рамках Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее Закон № 44-ФЗ): на его долю приходится более половины от всех торгов, которые проводятся в рамках законодательства о контрактной системе. Такая форма закупки, как аукцион, сегодня проводится исключительно в электронном формате. Особенность электронного аукциона состоит в том, что при такой форме нет потребности в личном присутствии участников на торгах: процедура проводится онлайн на специализированной торговой площадке.

Электронная площадка — это сайт, соответствующий установленным в соответствии с п. 1 и 2 ч. 2 ст. 24.1 Закона

44-ФЗ требованиям, на котором проводятся конкурентные способы определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в электронной форме, за исключением закрытых способов определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей) в электронной форме [2].

Согласно п.18 статьи 3 ФЗ № 44 Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» Оператор электронной площадки — непубличное хозяйственное общество, в уставном капитале которого иностранным гражданам, лицам без гражданства, иностранным юридическим лицам принадлежит не более чем двадцать пять процентов долей (акций) такого общества и которое владеет электронной площадкой, в том числе

необходимыми для ее функционирования программно-аппаратными средствами, обеспечивает ее функционирование, а также соответствует установленным в соответствии с п. 1 и 2 ч. 2 статьи 24.1 настоящего Федерального закона требованиям и включено в утвержденный Правительством Российской Федерации перечень операторов электронных площадок [2]

Хозяйственными товариществами и обществами признаются корпоративные коммерческие организации с разделенным на доли (вклады) учредителей (участников) уставным (складочным) капиталом. Имущество, созданное за счет вкладов учредителей (участников), а также произведенное и приобретенное хозяйственным

товариществом или обществом в процессе деятельности, принадлежит на праве собственности хозяйственному товариществу или обществу [4]. (п.1 ст.66 Гражданского Кодекса РФ)

Согласно п.4 ст.66 ГК РФ, Хозяйственные общества могут создаваться в организационно-правовой форме акционерного общества или общества с ограниченной ответственностью [4].

Согласно Закона № 44-ФЗ, процедура проведения электронного аукциона регламентируется статьями 59, 62–69, 71, 83.2. Порядок проведения электронного аукциона и роль оператора в нем представлен на рисунке 1 [4].

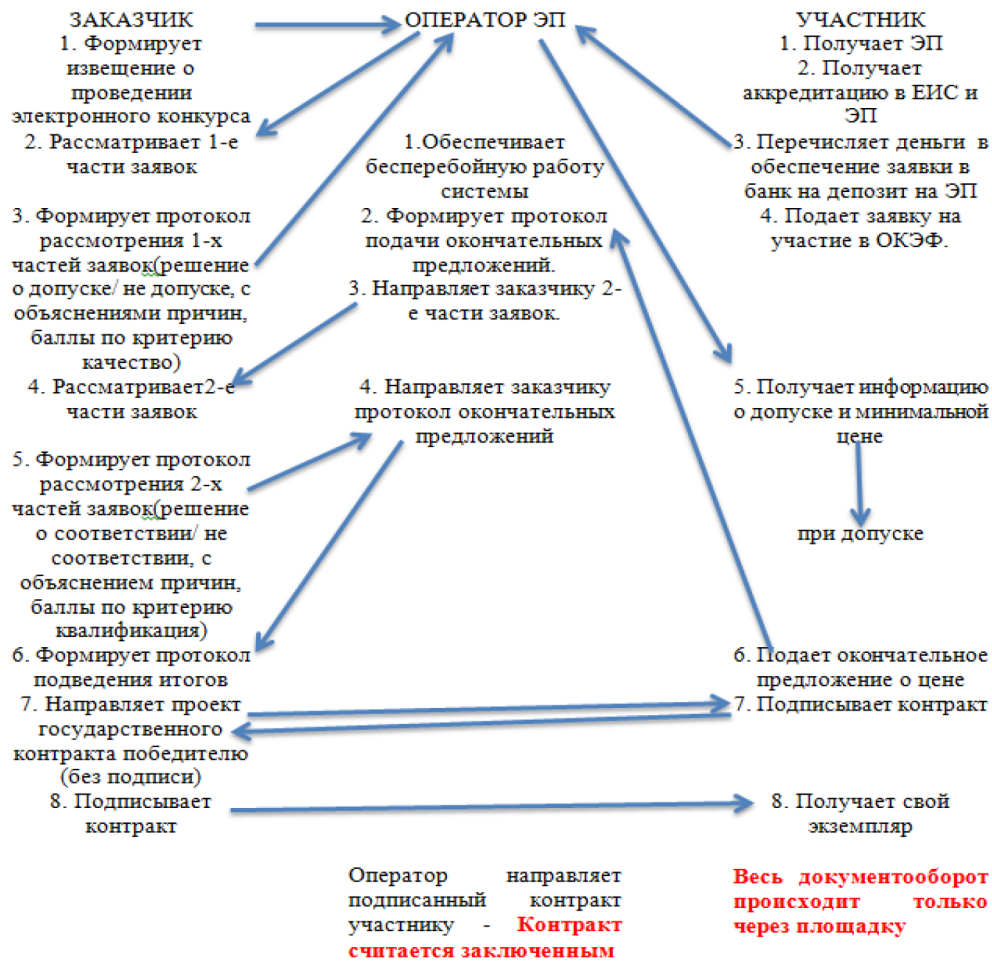

Рис. 1. Порядок проведения электронного аукциона

Оператор электронной площадки в соответствии со своим внутренним регламентом и на основании заключенного с продавцом договора должен обеспечить, в том числе:

- возможность регистрации продавца и претендентов на электронной площадке, ввод ими идентифицирующих данных (имя пользователя и пароль) и возможность изменения пароля, открыть продавцу «личный кабинет», а также раздел, доступ к которому имеют только продавец и участники (закрытая часть);
- размещение электронной формы заявки;

— регистрацию претендентов на электронной площадке в порядке, установленном в информационном сообщении о проведении торгов;

— принятие и регистрацию в электронных журналах заявок и прилагаемых к ним документов (в журнале приема заявок), а также предложений участников о цене имущества;

— подачу претендентами заявок при условии заполнения ими всех полей, а также прекращение подачи заявок по истечении срока их приема, указанного в информационном сообщении о проведении продажи имущества;

— уведомление претендентов о принятом продавцом решении о признании их участниками (победителями) либо об отказе в допуске к участию в продаже имущества, а также иные уведомления;

— равный доступ участников к процедуре торгов, надежность функционирования используемых программно-аппаратных средств электронной площадки, использование электронных документов при проведении продажи имущества;

— размещение на электронной площадке информации о ходе проведения торгов;

— конфиденциальность данных о претендентах и участниках, за исключением случая направления электронных документов продавцу.

При проведении самого аукциона на электронной площадке оператор принимает от участников предложения о цене и записывает в электронной форме в электронном журнале ход проведения процедуры аукциона.

В качестве дополнительных требований согласно Закона 44-ФЗ к операторам электронных площадок предусматриваются следующие обязанности:

— обеспечить круглосуточный бесплатный доступ пользователей для ознакомления с размещенной информацией без установки на компьютеры пользователей дополнительного специального программного обеспечения и технических средств, бесплатную регистрацию лиц для участия в продаже, а также ведение электронных журналов учета приема заявок и прове-

дения продажи с формированием уведомления о принятии поданного предложения о цене имущества для каждого участника с указанием цены и времени получения заявки;

— размещать на электронной площадке информацию на русском языке за отдельным исключением, когда использование букв и символов русского языка может привести к искажению информации, адресов электронной почты и т. д.;

— обеспечивать возможность свободного поиска сведений о продаже имущества на электронной площадке и автоматическое уведомление продавца о сроках проведения профилактических работ в момент размещения информации на электронной площадке;

— размещать информацию о плановых профилактических работах не позже, чем за 40 календарных дней до даты начала проведения таких работ. При этом период проведения профилактических работ не должен совпадать со временем проведения продажи.

Итак, роль оператора электронной площадки заключается в том, что он несет ответственность за техническую часть организации проведения торгов: верно назначает сроки приема заявок и проведения торгов в заявке на их проведение; проверяет достоверность данных представленных организатором торгов; проверяет обоснованность при приеме заявок претендентами на участие в торгах или правомерность отказа на участие; от него зависит полностью результаты проведения торгов.

Литература:

1. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // «Российская газета», N 256, 31.12.2001», Парламентская газета», N 2–5, 05. Янв. 2002, Собрание законодательства РФ, 07.января. 2002, N 1 (ч. 1), ст. 1. — 2001. — № 1 (часть I). — Ст.
2. Федеральный закон от 05.04.2013 N 44-ФЗ (ред. от 24.04.2020) « О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд « // Российская газета».2013. 08 апр. 2013; Собрание законодательства РФ — 2013 — N 14 — ст. 1652
3. Порядок проведения электронного аукциона в соответствии с нормами 44-ФЗ и 504-ФЗ, место проведения, его сутьность и преимущества [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://pravo.team/zakupki/44/elektronniy-auktion.html>.
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26 января 1996 N 14-ФЗ (ред. от 18.03.2019, с изм. от 28.04.2020) //», Российская газета».1996. 07 фев. 1996; Собрание законодательства РФ — 1996 — N 5 — Ст. 538.

Функции надзорного производства в гражданском процессе

Пономаренко Антон Вячеславович, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В настоящей работе рассмотрена актуальная, на сегодняшний день, тема функций надзорного производства в современном гражданском процессе. Автор акцентирует внимание на контрольной, защитной, а также проверочной функции данной инстанции. Сделан вывод о необходимости и значимости выделения функций надзорного производства с целью чёткого понимания назначения надзорного производства в современной России.

Ключевые слова: надзорное производство, гражданское судопроизводство, функции надзорного производства, проверка судебных постановлений, законность и обоснованность.

Как известно, к основным задачам отечественного гражданского судопроизводства следует относить корректное и своевременное рассмотрение и дальнейшее разрешение спорного дела, с целью защиты нарушенных или же оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан. Кроме этого, подобным правомочием обладают также и Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования. Современная доктрина гражданского процесса под основными целями рассматривает общее укрепление законности, предупреждению совершения новых правонарушений, а также формирование уважительного отношения к суду. Рассмотренные цели и задачи закреплены в настоящей редакции ГПК РФ.

Изучая функции надзорного производства отметим, что само по себе надзорное судопроизводство представляет собой масштабную функцию гражданского процесса в целом. Так, по мнению И. В. Рехтиной надзор как компонент гражданского судопроизводства представлен в виде функции пересмотра решений или же постановлений, которые уже вступили в свою законную силу. Ввиду этого было бы некорректно выделять у функции присущие ей отдельные функции, это является не логичным и тавтологичным. Поэтому нам необходимо рассмотреть надзор как самостоятельную стадию гражданского процесса, определяющую отдельные общественные отношения. [3]. К тому же некоторые правоведы выделяют самостоятельные цели и задачи надзорного производства, поэтому можно смело говорить о наличии отдельно взятых функций, посредством которых становится возможным разрешение описанных выше задач [10].

Продолжая анализ выбранной нами тематики, выделим несколько функций, к которым можно отнести, например, проверочную функцию. Представленная функция предназначена для разрешения задачи, сущность которой заключается в проверке уже вступивших в законную силу судебных решений. Проверяется непосредственно:

— Нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также юридических лиц, которые гарантируются Конституцией РФ;

— Нарушение защиты публичных интересов, а также интересов неопределённого круга лиц;

— Нарушение принципа единообразия при толковании судами норм материального или же процессуального права [5].

Стоит обратить внимание на то, что подобная функция присутствует и в иных инстанциях гражданского процесса. Проверочная функция может осуществляться как в апелляционном, так и в кассационном производстве. Однако сущность, смысловое значение, а также пределы проверки в надзорной инстанции различны.

К следующей функции следует отнести защитную, которая также присутствует и в иных инстанциях, однако в надзорном производстве защитная функция представлена сразу в трёх различных аспектах.

— Во-первых, данная функция реализуется в сфере защиты прав и законных интересов как физических, так и юридических лиц, участвующих при непосредственном рассмотрении того или иного гражданского дела;

— Во-вторых, функция проявляется в виде защиты участников процесса от судебных ошибок, а именно какого-либо постановления, которые нарушают права и свободы участников процесса;

— В-третьих, реализация защиты прав и законных интересов тех лиц, которые не участвовали в деле, но судебное решение тем или иным образом касается их правового положения.

Стоит обратить внимание на факт того, что последний аспект относится к защитной функции только надзорного производства, именно этим и отличается надзорная стадия.

К последней наиболее важной функции надзорного производства следует отнести контрольную функцию. В рамках поднятого нами вопроса её можно рассматривать в двух самостоятельных аспектах, а именно:

— Прямой контроль, осуществляемый непосредственно самим Верховным судом РФ. То есть, в данном случае осуществляется прямой судебный контроль, направленный на деятельность иных судов, которые рассматривают в надзорной инстанции;

— Контроль, который в правовой доктрине следует считать косвенным или же опосредованным. Представленный вид контроля направлен на поддержание единообразия в процессе толкования норм права и их дальнейшего применения судами [8].

Подводя итоги настоящей научной работы, можно сказать о том, что функции надзорного производства являются весьма действенными и эффективными мерами корректного и своевременного отправления правосудия. В данном случае

актуальным вопросом можно считать их правильное осуществление и реализацию. Таким образом, появится реальная возможность безошибочного и правомерного разрешения задач, стоящих перед надзорным производством.

Литература:

1. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Кол. авт.; под общ. ред. Н. А. Колоколова. М., 2011.
2. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М. К. Треушников. М., 2014.
3. Рехтина, И. В. Надзорное производство в гражданском процессе: вопросы теории и практики: монография. М., 2010.
4. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под ред. М. А. Видука. 2-е изд. М., 2014.
5. Поспелов, Б. И. Цели и задачи гражданского судопроизводства: теоретические проблемы правоприменения // Российская юстиция. 2014. № 4.
6. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2012.
7. Борисова, Е. А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам, 2013, с. 92.
8. Быков, И. Ю. Функции надзорного производства // Журнал Российское право, 2016, No 2, с. 126
9. Маштаков, К. М. Обжалование решений в порядке надзора // Учебное пособие Ростовского юридического института МВД РФ, 2015, с.
10. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / Под ред. М. А. Видука. — М.: Издательство Юрайт, 2013.
11. Кобылинская, С. В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства // В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2015 год. Ответственный за выпуск А. Г. Кошцаев. 2016. с. 386–388.

Особенности кассационного производства в гражданском процессе

Пономаренко Антон Вячеславович, студент

Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина (г. Краснодар)

В настоящей научной работе рассмотрена актуальная, на сегодняшний день, тема особенностей кассационного производства в гражданском процессе. Текст статьи содержит информацию о основах кассационного рассмотрения дел, полномочиях судьи в разрешении вопросов о передаче дела на рассмотрение в судебное заседание. Также автор рассматривает новеллы гражданско-процессуального законодательства, анализирует их необходимость и эффективность.

Ключевые слова: гражданский процесс, кассационное производство, судопроизводство, правоприменение.

Как известно, кассационное производство было разработано законодателем с целью наиболее своевременного и оперативного исправления существенных нарушений норм как материального, так и процессуального права. Подобные нарушения допускаются в ходе отправления правосудия судами первой и второй инстанции. Таким образом, основная цель кассации в современном гражданском процессуальном праве заключается в защите нарушенных и оспариваемых прав и законных интересов граждан, юридических лиц, Российской Федерации, а также субъектов РФ.

Стоит обратить внимание на факт того, что в процессе рассмотрения кассационной жалоб суд проверяет

судебное решение лишь на факт его законности. То есть, речь в данном случае идет лишь о корректности применения норм материального и процессуального права [1].

Настоящая редакция ГПК РФ также регламентирует и ряд действий, которые суды кассационной инстанции осуществлять не вправе. К таковым можно отнести, например:

— Установление тех или иных обстоятельств дела, которые не были установлены нижестоящим судом или же наоборот не прижимались им во внимание ввиду объективных на то причин;

— Решать вопрос о достоверности или же недостоверности уже имеющихся в деле доказательств, а также отдавать приоритет какому-либо из них;

— Определить какое именно судебное постановление необходимо принять в рамках нового рассмотрения дела.

Суд кассационной инстанции рассматривает все судебные постановления, которые успели вступить в силу, исключением из данного правила является лишь судебные постановления ВС РФ.

При этом, распоряжения и указания вышестоящего суда, касающиеся корректного толкования нормативно-правовых актов, имеют обязательное значение для суда, который рассматривает дело вновь. Постановление или же определение суда кассационной инстанции приобретает свою законную силу в момент его принятия, то есть в этот же день.

Стоит обратить внимание также и на факт того, что отмена или же изменение решений суда в кассационном порядке требуют серьезных оснований, а именно существенное нарушение норм как материального, так и процессуального права. Под такими существенными нарушениями следует понимать:

— Судебные ошибки, которые могут повлиять на стабильность отправления правосудия;

— Несоблюдение формальных требований, установленных процессуальным законодательством;

— Нарушения иного характера, которые так или иначе влияют на корректный исход дела и нарушают права и законные интересы участников судопроизводства [3].

Также в рамках настоящей научной работы нам необходимо рассмотреть некоторые новеллы, которые были введены в современное отечественное законодательство. Так, изначально со дня начала работы кассационных и апелляционных судов общей юрисдикции все судебные акты по гражданским делам будут рассматриваться согласно нормам и положениям действующей редакции ГПК РФ.

В соответствии с Пленумом ВС РФ от 12 сентября 2019 года так называемые кассационные суды общей юрис-

дикции, а также Кассационный военный суд начинают действовать с 1 октября 2019 года [4]. Соответственно все аспекты кассационного обжалования судебных постановлений первой и второй инстанций будут регламентированы гл. 41 ГПК РФ.

Также следует разобрать вопрос, связанный с восстановлением пропущенного срока, который предоставляется участникам процесса для подачи кассационной жалобы. Ввиду того, что суды общей юрисдикции уже начали функционировать, необходимо отметить:

— Заявления о восстановлении срока, поданные до 1 октября 2019 года рассматриваются судом первой инстанции, согласно установкам ст. 112 ГПК РФ [5];

— В случае если причину пропуска срока на подачу кассационной жалобы признают уважительной, то лицо вправе восстановить срок, равный 6 месяцам, согласно ст. 376 ГПК РФ, в редакции, которая действовала до 1 октября 2019 года.

Подводя итоги настоящей научной работы отметим, что кассационное производство представлено в виде совокупности норм, посредством которых появляется возможность защиты нарушенных прав и законных интересов участников судопроизводства. Основная цель данного вида производства заключается в проверке законности судебных решений, которые уже вступили в свою законную силу. Безусловно, в рассматриваемом институте гражданско-процессуального права существуют свои пробелы и дискуссионные вопросы, однако их разрешение позволит с максимальной эффективностью защищать нарушенные права граждан. Таким образом, поднятая тематика является на сегодняшний день более чем актуальной, существует необходимость в её дальнейшем изучении и анализе, с целью совершенствования процессуального законодательства.

Литература:

1. Банникова, Т. В., Исаенко Е. А., Пикалова Е. В. Некоторые проблемы кассационного производства // Территория права: сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. В. Н. Сусликов. Курск: Юго-Зап. гос. ун-т: Унив. кн., 2015. с. 41–43.
2. Барышникова, Д. А., Семенова Е. Ю. Особенности апелляционного и кассационного способов обжалования в гражданском судопроизводстве // Законность и правопорядок в современном обществе. 2014. № 19. с. 32–36.
3. Батурина, Н. А. Процедура предварительного изучения кассационной жалобы (фильтрация): недостатки правового регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 11. с. 42–46.
4. Болдырева, Н. Н. Особенности кассационного производства в гражданском процессе // Апробация. 2014. № 2. с. 103–104.
5. Бондаренко, Т. А. Актуальные вопросы реализации дискреционных полномочий судом кассационной инстанции в гражданском судопроизводстве // Крымский научный вестник. 2016. № 5 (11). с. 21–34.
6. Марченко, М. А. Модернизация кассационного обжалования в гражданском процессе // Инновационные технологии в науке и образовании: сб. ст. победителей III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и просвещение, 2017. с. 96–98.
7. Практика применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / С. В. Потапенко [и др.]; под общ. ред. В. Н. Соловьева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2013. 925 с.
8. Томина, А. А. Кассационное производство в гражданском процессе и принцип состязательности: современное состояние и перспективы дальнейшего реформирования // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2016. № 29. с. 41–47.

9. Кобылинская, С. В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства// В сборнике: Научное обеспечение агропромышленного комплекса. Сборник статей по материалам 71-й научно-практической конференции преподавателей по итогам НИР за 2015 год. Ответственный за выпуск А. Г. Кошцаев. 2016. с. 386–388.

Генезис института защиты в уголовном процессе

Попов Виталий Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Марченко Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

Глобальные преобразования, начавшиеся в нашей стране в конце двадцатого столетия во всех сферах общественной жизни, затронули собою и все государственные институты. Цель перемен состояла в переводе существующих государственных устоев на рельсы демократического поступательного развития на пути к формированию подлинно правового государства и полноценного гражданского общества.

Результатом уже состоявшихся и продолжающихся реформ явилась череда неизбежных изменений и в российской правоохранительной системе, включая и модернизацию системы органов, осуществляющих отстаивание интересов лиц, в отношении которых и осуществляется уголовное преследование. Обусловлено это во многом тем, что в правовом демократическом государстве нет места излишней репрессивности и предвзятости в деятельности правоохранительных органов, что было отчасти характерно для советского государства, призванием которых должно являться обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина, в том числе и со стороны самого государства.

Сегодня система правоохранительных органов Российской Федерации достаточно разнопланова, в ней находят место различные органы власти, как входящие в систему органов исполнительной власти, к примеру, органы внутренних дел Российской Федерации, Федеральная служба безопасности Российской Федерации с их корпусом следователей, так органы власти, не относящиеся к одной из трех ее ветвей: прокуратура, Следственный комитет Российской Федерации. Кроме того, в этой правоохранительной системе находят свое место и негосударственные правоохранительные элементы, в частности, институт защиты в виде адвокатуры.

Определяя понятие института защиты (адвокатуры) параллельно рассмотрим и ход формирования данного института.

Так, адвокатура не возникла вместе с судом. Только по мере усложнения политической организации путем объединения нескольких племен под властью единого вождя правосудие стало не под силу одному человеку. Он собирал вокруг себя людей, которые получали для него необходимые сведения, давали советы и помогали ему вер-

шить правосудие. У народов, которые достигли этой ступени развития, уже можно найти первые зародыши адвокатуры, что, в частности, было характерно для королевства зулусов, бечуанов [1, с. 18].

У древних иудеев защитником мог быть любой желающий. В Киевской Руси (IX — XIII веках) судопроизводство характеризовалось господством обычного права и полным его преимуществом перед писанным законом, работа защитника в судах имела характер общественного, а не профессионального знания. Роль защитника в судах выполняли родные и друзья сторон, которые оказывали им моральную поддержку.

Для римской адвокатуры характерными были как неограниченная свобода, так и неограниченная регламентация.

В республиканский период адвокатура была абсолютно свободной профессией. Существовали определенные правила деятельности адвокатуры, но сформированы они были только практикой и обычаями. Кандидаты в адвокаты прослушивали курс риторики, брали консультации у знаменитых правоведов, посещали заседания судов, но ни порядок, ни срок, ни обязательность этих занятий не были определены законом [2, с. 7].

В Англии в XIII веке возникли первые четыре «судебные коллегии», которые и сегодня готовят и объединяют в единую корпорацию практикующих юристов (судей и адвокатов) [10, с. 28].

Значительных изменений в средние века претерпела деятельность адвокатов в уголовном процессе. В этот период соревновательный процесс начал превращаться в инквизиционный, чем участие адвоката в уголовном процессе значительно ограничивалась [3, с. 265].

В течение XV–XIX вв. адвокатура постепенно приобрела другой вид, стала на самостоятельный путь и выработала ту сословную организацию, которой она является сегодня. В этот же период утвердилось дополнительное условие о допуске к адвокатской профессии — наличие практического стажа [8, с. 218]. Примерно в этот период в России в 1864 году состоялась судебная реформа, затронувшая собой и институт присяжных защитников. Институт присяжных защитников просуществовал в такой модели до 1917 года. По Положению об адвокатуре, принятому в мае

1922 года, при губернских отделах юстиции предусматривалась организация коллегий защитников, на которые возлагалось обеспечение защиты обвиняемых по уголовным делам и дача консультаций по юридическим вопросам.

После принятия 5 декабря 1936 года Конституции СССР, 16 августа 1939 года Совнарком СССР утвердил Положение об адвокатуре СССР. Им были определены задачи адвокатуры, руководство ее деятельностью, структура и порядок приема и исключения из коллегии адвокатов, дисциплинарная ответственность. Обращает внимание отсутствие в данном Положении термина «защитник» и введение терминов «адвокатура» и «адвокат». В это время место и роль адвокатуры были сведены на нет принятием некоторых нормативных актов [6, с. 12].

Так, постановлением Президиума Центризбиркома СССР от 1 декабря 1934 года «О порядке ведения дел по подготовке или совершению террористических актов» устранялось даже участие защитника в суде. Аналогичный порядок действовал по делам о вредительстве и диверсиях. Негативную роль играли «Особое совещание», «тройки», «двойки», которые рассматривали дела без участия адвокатов. Основы уголовного судопроизводства, принятые 25 декабря 1958 года, а затем УПК РСФСР 1960 г. закрепили в своих нормах право на защиту как одно из основных, общих положений, присущих всему уголовному судопроизводству. Статья 19 УПК РСФСР устанавливала, что «обвиняемый имеет право на защиту». Однако защитник допускался к участию в деле лишь по делам, подсудственным следователю, и лишь с момента окончания предварительного следствия [5, с. 101]. Принятие Конституции СССР 1977 года повлекло за собой обновление законодательства и о правоохранительных органах, органам защиты в этой системе стало отводиться особое место.

Российское законодательство советского периода содержало три момента появления защитника: с момента объявления обвиняемому об окончании предварительного следствия и предъявления ему для ознакомления всего производства по делу; по делам, по которым предварительное следствие не производилось — с момента предания обвиняемого суду; по делам в отношении несовершеннолетних, немых, глухих, слепых и других лиц, страдающих физическими и психическими недостатками, а также по постановлению прокурора, если он решит, что участие защитника положительно скажется на полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, в XX веке адвокатура превратилась в силу, которая активно используется во всем мире для

обеспечения демократических прав и свобод человека. Хотя при этом, еще долгое время продолжались дискуссии между юристами относительно определения сущности адвокатуры, ее основных задач [2, с. 15].

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года в развитии института защиты начался новый этап — демократический. В этой связи Конституция Российской Федерации в статье 2 провозгласила, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Согласно части 1 статьи 48 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Учитывая данное положение, одним из основополагающих принципов уголовного процесса Российской Федерации выступает обеспечение подозреваемому, обвиняемому, подсудимому права на защиту (статьи 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). В поддержку этого, 26 апреля 2002 года Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации был принят Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [9], который имеет целью повысить роль адвокатуры в обществе как одного из гарантов обеспечения конституционных прав и свобод граждан [4, с. 120].

Подводя итог изложенному, подчеркнем, что Таким образом, в развитии института профессиональных прав адвоката, осуществляющего защиту прав и свобод человека и гражданина в рамках уголовного процесса, применительно к российской правовой системе возможно выделение следующей периодизации: первый этап — период с XV века по 1864 г. — этап первичного зарождения и развития института защитника в судебном разбирательстве, второй этап — с 1864 года по 1917 год — этап дальнейшей институционализации правового статуса присяжных адвокатов в имперской России, третий этап — период с 1917 по 1922 годы — период ликвидации присяжных адвокатов и образования фигуры адвоката-защитника, четвертый этап — с 1922 по 1956 годы — этап институционализации прав советского адвоката-защитника, пятый этап — период с 1956 по 1991 годы — период расширения прав адвоката-защитника, шестой этап — с 1993 по 2001 годы — этап постсоветского развития института адвоката-защитника, седьмой этап — с 2001 года по настоящее время — современный этап развития адвокатуры.

Литература:

1. Бахин, В. П. Криминалистика. Проблемы и мнения (1962–2002) — М., 2002. — с. 18–21.
2. Воронин, Ю. А. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2019. — № 1. — с. 7–9.
3. Дежнев, А. С. Привлечение в качестве защитников по уголовным делам близких родственников и иных лиц // Вестник Омского университета. — 2019. — № 3 (32). — с. 265–271.

4. Жалинский, А. Э. Профессиональная деятельность юриста. — М., 2017. — с. 120–128.
5. Зинатуллин, З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. — Ижевск, 2018. — с. 101–105.
6. Зинин, А. М. К вопросу о соотношении криминалистической физиогномики и криминалистической габитоскопии // Эксперт-криминалист. — 2018. — № 3. — с. 12–15.
7. Ларин, А. М. Работа следователя с доказательствами. — М., 1966. — с. 15–18.
8. Мерзликина, Е. В. Специфика способов собирания доказательств защитником // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика. — Курск, 2018. — 350 с.
9. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
10. Хмелева, А. В. У истоков следствия (к 150-летию со дня создания института следователей) // Вестник следственного комитета при Прокуратуре РФ. — 2018. — № 4 (6). — с. 28–31.

Профессиональная тактика деятельности адвоката в уголовном процессе

Попов Виталий Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Марченко Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

В своей профессиональной деятельности адвокат-защитник по сути осуществляет ту же оперативно-розыскную деятельность, что и правоохранительные органы, но, в свою очередь, направленную на оправдание своего подзащитного, на установление истины в рамках уголовного дела в интересах своего доверителя.

Однако на практике адвокат-защитник зачастую сталкивается с противодействием в собственном расследовании преступлений, ввиду чего представляет актуальным рассмотреть данные процесс, тактики преодоления противодействию расследованию адвокатом-защитником и реализуемый в связи с эти комплекс профессиональных прав.

Расследование преступлений — один из самых сложных видов деятельности человека, его специфика состоит в том, что в процесс производства следствия вовлекаются лица с различными интересами, зачастую не совпадающими с интересами следователя по установлению объективной истины в расследуемом уголовном деле. Ввиду этого неизбежно может проследиваться противодействие в расследовании преступлений.

В зависимости от субъектов противодействия и их отношения к преступлению, а также лицу, производящему расследование, Р. С. Белкин выделяет «внутреннее» и «внешнее» противодействие. К «внутреннему» он относит различные способы сокрытия преступлений, «внешнее» же осуществляется также в форме воздействия. А. Н. Петрова предлагает дополнить классификацию противодействия Р. С. Белкина еще одним видом — «смешанным» (со стороны лиц, которые одновременно могут быть субъектами «внутреннего» и «внешнего» противодействия). На наш взгляд, такое распределение обосновано только применительно к субъектам расследования. К «внешнему» противодействию принадлежат воздействия извне, со стороны традиционных «противников» следователя (пре-

ступники, их окружение, другие заинтересованные лица). К «внутреннему» — действия непосредственных начальников, которые влияют на следователя «изнутри», с помощью своих властных полномочий [1, с. 434]. Кроме этого, такое разделение представляется нам достаточно условным, неконкретным, не отражает всего многообразия действий субъектов противодействия. Несмотря на значительное количество оснований, ни одна из рассмотренных классификаций противодействия не является полной, так как всегда существует возможность дифференциации и по другим критериям. Попытка указать все формы и способы противодействия невозможна, так как это явление многогранное и динамичное. Преодоление некоторых способов противодействия неизбежно приводит к их усовершенствованию, появлению и использованию новых [2, с. 157].

Реализация способа противодействия включает в себя принятие решения и разработку плана действий по осуществлению противодействия; распределение ролей между субъектами противодействия; выяснение состояния, в котором находится процесс расследования; поиск путей выхода на следователя, его окружение с целью получения определенной информации и ее использования в целях противодействия расследованию.

В связи с этим, представляется целесообразным разделить способы противодействия по содержательной стороне. Такая классификация будет включать пять групп:

- 1) способы, направленные на препятствование выявлению доказательной (криминалистически значимой) информации;
- 2) способы, направленные на уничтожение доказательной информации и ее носителей (материальных объектов и людей);
- 3) способы сокрытия, направленные на введение в заблуждение следователя с целью направить следствие на ложный путь, затягивание расследования;

4) способы, направленные на лишение информации, содержащейся в уголовном деле, доказательственного значения;

5) способы, направленные на препятствование проведению расследования и судебного рассмотрения дела конкретными сотрудниками [3, с. 65].

В первую группу входят утаивание информации, маскировка и др.

Рассмотрим данную группу способов на примере маскировки, которая представляет собою изменение представления о способе совершения преступления, личности виновного, назначения объектов — носителей информации и их круга. К числу наиболее распространенных объектов уголовных маскировок относятся:

1) Материальные объекты — носители доказательственной информации: следовая обстановка на месте преступления; предметы преступления; помещения, где совершаются преступления или находятся орудия преступления;

2) Внешность преступника. Способами маскировки здесь выступают: использование масок, париков; накладных усов, бороды; гримирование; создание «особых примет»; существенное изменение внешнего вида путем оперативного вмешательства; использования одежды, характерной для определенного рода занятий (форменной одежды сотрудников полиции, медицинских работников и др.); использование акцента и др.

3) Способ совершения преступления — совершение преступления способом, характерным для другой преступной группы, обеспечивающая возможность в случае задержания заявить о своей непричастности к данным преступным эпизодам.

4) Поведение преступника, других лиц, причастных к совершению или сокрытию преступления, маскируется под внешне нормальный образ жизни, добрососедские отношения по месту жительства, работы, скромность в расходовании средств и т. д. Маскировка поведения предшествует совершению преступлений и маскировке преступных действий, продолжается на протяжении всей преступной деятельности и после нее, позволяя лицу оставаться вне подозрений даже при совершении им серии преступлений.

5) Маскировка психического состояния под действия психически больного человека. Преступники стремятся встать на учет в психоневрологический диспансер с целью избежать строгого наказания в случае их возможного разоблачения [4, с. 255].

Вторая группа включает следующие способы: уничтожение следов преступления и преступника; отказ от дачи показаний; переход на нелегальное положение.

Для уничтожения информации иногда используются достаточно изощренные способы. Например, создание в дверном проеме сильного магнитного поля, уничтожающего магнитные носители информации при попытке выноса их из помещения; использование программы, которая требует периодического сообщения пароля, похищение,

уничтожение отдельных документов, вещественных доказательств или уголовного дела в целом. Данные действия преступников не только делают невозможным получение следователем определенной интересующей информации, но и выступают способом обеспечения безопасности преступной деятельности. К третьей группе способов сокрытия относятся: а) инсценировки; б) фальсификация доказательственной информации; в) создание ложных следов; г) симуляция психического расстройства или иного заболевания; д) маскировка носителей и источников криминалистически значимой информации; е) выдвижение ложного алиби. Ложная информация, направленная на дезориентацию расследования, распространяется до возбуждения уголовного дела, при даче объяснений. При создании инсценировок — распространяется уже на подготовительной стадии. Неправда проявляется в активной и пассивной форме. Активная форма — сообщение заведомо ложных сведений, пассивная — замалчивание, оспаривание, уклонение от ответов на вопросы следователя. Способы сообщения ложной информации могут содержать как ложные сведения, так и комбинирование правдивых и ложных сведений [5, с. 110].

К нему прибегают лица, не принимающие непосредственного участия в совершении преступления (руководители ОПГ, организаторы убийств «на заказ»). Данный способ противодействия обусловлен возможностью совершения преступления способом, который позволяет преступнику не находиться на месте преступления (использование взрывных устройств, сильнодействующих веществ и т. п.).

Способы противодействия, которые входят в четвертую группу, можно разделить на три подгруппы: 1) направленные на то, чтобы подвергнуть сомнению достоверность и объективность полученной следователем информации; 2) скомпрометировать процессуальный порядок получения информации; 3) дискредитировать носителей и источники такой информации.

В первую из указанных подгрупп входят следующие способы противодействия: а) ложные заявления субъектов противодействия относительно фальсификации доказательственной информации (о применении к ним психического или физического насилия); б) ложные заявления об искажении доказательственной информации. Такие заявления поступают во время судебного рассмотрения дела. Во вторую подгруппу входят: а) ложные заявления субъектов противодействия относительно нарушения их законных прав (следователем не разъяснено право на защиту; не обеспечен переводчик лицу, «не владеющему» языком судопроизводства) б) ложные заявления о получении доказательств лицом, прямо или косвенно заинтересованным в деле. К третьей подгруппе относятся ложные заявления: а) о фальсификации доказательственной информации, полученной в результате ОРД (например, представленная аудио- или видеозапись смонтирована); б) о «провокациях» со стороны сотрудников правоохранительных органов (якобы оружие,

наркотики «подброшены» при задержании); в) заявления, порочащие как человека — носителя доказательственной информации, так и сообщенные ими сведения (распространение информации о якобы виктимном поведении потерпевшей). К пятой группе относятся способы противодействия, направленные на дискредитацию лиц, проводящих расследование или рассмотрение дела: 1) склонение следователей, оперативных работников, прокуроров, судей к предательству интересов службы путем подкупа; 2) попытки вербовки сотрудников под угрозой использования по ним компрометирующих материалов; 3) сознательно ложный донос о совершении ими преступления, события, проступка с участием данного сотрудника [6, с. 110].

Другим аспектом тактики профессиональной деятельности адвоката-защитника наряду с преодолением противодействию расследованию преступлений является обеспечение соблюдения подзащитному лицу его процессуальных прав и законных интересов. В этом вопросе в деятельности адвоката-защитника также присутствует определенная тактика.

Обеспечение обвиняемому права на защиту включает вид и меру возможного поведения не только дознавателя, следователя, прокурора и суда, но и обвиняемого, его защитника и законного представителя. Поэтому предоставленные защитнику права нельзя выводить за гра-

ницу содержания всего комплекса прав обвиняемого [7, с. 55]. Само по себе участие защитника в деле без реализации им своих прав мало что дало бы для защиты их интересов. От защитника требуются его активные действия. Выработав позицию по уголовному делу, защитник осуществляет свои функции в соответствии с предоставленными ему статьей 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [8] правами.

В связи с этим обязательными для защитника должны быть следующие правила: защитник не вправе игнорировать позицию подзащитного, но в решении правовых вопросов, выбора тактики и методики защиты он является независимым; при отрицании подзащитным своей вины защитник не может занимать другую позицию; защитник должен и опровергать обвинение, опираясь на позицию подзащитного, и в то же время обратить внимание на обстоятельства, которые смягчают его вину.

В заключение отметим, что совокупность профессиональных права адвоката-защитника, реализуемая им при осуществлении различных тактик его профессиональной деятельности в уголовном процессе, может быть классифицирована по различным основаниям, однако приоритетными следует рассматривать такие основания для классификации, как классификацию статус профессиональных прав адвоката-защитника и отрасль реализации профессиональных прав адвоката-защитника.

Литература:

1. Галимханов, А. Б. К вопросу о назначении и производстве экспертизы по уголовным делам // Вестник Башкирского университета. — 2019. — № 3. — с. 434.
2. Головин, А. Ю. Криминалистические методы преодоления противодействия расследованию транспортных преступлений. — Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2018. — с. 157.
3. Зеленский, В. Д. Отдельные теоретические вопросы структуры органа расследования преступлений // Российская юстиция. — 2014. — № 6. — с. 65.
4. Зеленский, С. А. Средства и методы преодоления противодействия расследованию // Теория и практика общественного развития. — 2018. — № 3. — с. 255.
5. Зинатуллин, З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. — Ижевск, 2018. — с. 110.
6. Карнаухова, О. Г. Некоторые аспекты сущности противодействия расследованию: цели, мотивы, время // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. — 2018. — № 12-1. — с. 110.
7. Ткачев, И. В. О необходимости расширения полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью Следственного комитета // Российская юстиция. — 2014. — № 9. — с. 55.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.

Вопросы правоприменительной практики процесса собирания и представления доказательств адвокатом в рамках уголовного дела

Попов Виталий Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Марченко Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Тамбовский государственный технический университет

Успех проведения расследования зависит от неразглашения имеющихся данных, сохранения в тайне плановых и проводимых действий. Обеспечение тайны предварительного следствия было и остается одним из важнейших условий успешного раскрытия и расследования преступлений. При этом, план расследования, объем проведения следственных и процессуальных действий, время и последовательность их проведения следователь определяет самостоятельно.

Закон не запрещает защитникам участвовать в следственных действиях, в которых участвуют их подзащитные. Однако это вовсе не означает, что следователь во всех случаях должен заранее извещать защитника или обвиняемого о проведении тех или иных действий по уголовному делу. Защитник должен быть заранее предупрежден только о проведении следственных и процессуальных действий, в которых его участие обязательно [2, с. 129; 13].

В то же время работа самого защитника предусматривает поиск данных, оправдывающих подозреваемого смягчающих или исключающих его ответственность. Для этого защитнику нередко приходится выполнять действия, которые по своему содержанию и характеру аналогичны проведению оперативно-розыскной деятельности.

Защитник должен по возможности посетить место преступления и осмотреть его, опросить людей, которые могут быть очевидцами преступления, воссоздать полную картину преступления, создав тем самым собственную доказательную базу [5, с. 58; 14].

В. М. Тертишник справедливо отмечает, тот факт, что защитник в уголовном процессе является субъектом доказывания, который наделен определенными правами на собирание доказательственной информации, является значительным шагом законодателя вперед на пути к реализации в уголовном процессе принципа состязательности сторон [9, с. 28; 15].

При этом защитнику предоставлены только самые необходимые права, а процессуальная форма их реализации законом не предусмотрена, поскольку положения части 3 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [10] вступают в некоторые противоречия с одним из фундаментальных понятий уголовного процесса — понятием процессуальной формы, которая обязывает осуществлять следственные и судебные действия в установленном законом порядке.

В. М. Тертишник объясняет данное процессуальное решение тем, что на стороне защитника — принцип презумпции невиновности, который устанавливает пра-

вило — все сомнения должны толковаться в пользу подозреваемого и обвиняемого. Поэтому защитнику не обязательно собирать неопровержимые доказательства невиновности своего подзащитного, а достаточно лишь таких, которые вызывают сомнения в его виновности [9, с. 28; 15].

В то же время процессуальная форма действий защитника по собиранию доказательств должна содержать определенные гарантии получения правдивых фактических данных, иначе возможности для того, чтобы сеять сомнения, могут стать безграничными. На практике данное положение так же зачастую приводит к разногласиям.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации [6] отказал в удовлетворении жалобы гр-ну А. А. Бугрову, который оспаривал конституционность пункта 2 части 3 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в части собирания доказательств путем опроса лиц с их согласия. Заявитель пояснял свою позицию тем, что данная норма не соответствует статьям 19 и 48 Конституции Российской Федерации и не предусматривает необходимости предупреждения опрашиваемого защитником лица об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний и разъяснения ему права не свидетельствовать против себя самого и своих близких родственников.

В своем решении Конституционный Суд Российской Федерации сослался на то, что по данному вопросу уже было решение, сохраняющее свою конституционную силу. О результатах проделанной работы частный детектив, согласно статьи 9 закона Российской Федерации «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» обязан предоставить клиенту письменный отчет, в котором должны быть отражены ответы на основные вопросы, интересующие клиента [3].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит норм, которые бы прямо запрещали адвокату-защитнику привлекать к сотрудничеству частного детектива и право на использование результатов деятельности частного детектива в доказывании [7, с. 291].

Для обеспечения допустимости предметов, собранных частным детективом, адвокат, по нашему мнению, должен заявить ходатайства о приобщении к материалам дела сведений, материалов или предметов, полученных частным детективом; о допросе частного детектива в качестве свидетеля; о проверке добытых материалов процессуальным путем. Действующее законодательство не запрещает защитнику самостоятельно обращаться к экспертам (специалистам) для проведения исследований по интересующим

его вопросам, в частности данный вопрос регламентирован статьей 6 Федерального закона «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Российской Федерации» [4].

Особое значение имеет работа защитника при предъявлении его подзащитному обвинения. Именно он должен популярно, просто и доходчиво разъяснить подзащитному суть его прав именно в этой стадии процесса, посоветовать, как наиболее целесообразно пользоваться этими правами, рассказать о самой процедуре предъявления обвинения и тому подобное.

Обвиняемый, в свою очередь, сам определяет для себя стратегическую линию поведения: признавать свою вину полностью или частично, отрицать свою причастность к преступлению, а может, отказаться от показаний вообще. Защитник только дает правовой совет, подсказывает, какими законными методами и способами можно отстаивать свою позицию по делу. Большинство специалистов считает, что при предъявлении обвинения следователь должен соблюдать полную убежденности в виновности обвиняемого [8, с. 12; 16].

Однако на практике [1] так бывает далеко не всегда, и распространена квалификация преступлений с так называемым «запасом строгости», то есть при сомнении в квалификации принимается решение о квалификации деяния по статье Уголовного кодекса Российской Федерации с более суровой санкцией.

По нашему мнению, защитник должен активно противодействовать такой квалификации преступлений, поскольку указанные действия противоречат принципам

и задачам уголовного судопроизводства и нарушают права лица, привлекаемого к уголовной ответственности.

Таким образом, подводя итог изложенному, следует указать, что положения российского законодательства, представленного нормативными правовыми актами, образующих институт профессионального права адвоката-защитника не должны коллизировать, противоречить друг другу, поскольку положения Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» нацелены на уточнение, расширение, укрепление гарантий и прав адвоката-защитника, закрепленных в положениях Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В свою очередь, недостаточность нормативно-правовой регламентации отдельной совокупности профессиональных прав адвоката(защитника), а также наличие существующих противоречий между отдельными положениями Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, в силу положений статьи 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, правоприменительной практикой рассматривается как основание для применения исключительно положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации без учета норм Федерального закона от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Такое положение дел ограничивает профессиональные права адвоката(защитника) в уголовном процессе.

Литература:

1. Барщевский, М. Ю. Адвокатская этика. — М.: Профобразование, 2018. — 350 с.
2. Бахтадзе, Г. Э. Необходимость надления стороны защиты правом назначения судебных экспертиз // Вестник СамГУ. — 2018. — № 11/2 (122). — с. 87–101.
3. Белкин, А. Р. Теория доказывания. Научно-методическое пособие. — М.: Издательство Норма, 2015. — 501 с.
4. Гаджиев, В. Э. О. К вопросу о противодействии расследованию по уголовному делу // Уголовное производство: процессуальная теория и криминалистическая практика: материалы VI Международной научно-практической конференции. — 2019. — № 12. — с. 17–21.
5. Галимханов, А. Б. К вопросу о назначении и производстве экспертизы по уголовным делам // Вестник Башкирского университета. — 2019. — № 3. — с. 434–435.
6. Зинатуллин, З. З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам. — Ижевск, 2018. — 312 с.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.
8. Сибирцев, Г. И. Этика адвокатской деятельности в уголовном процессе // Судебная власть и уголовный процесс. — 2018. — № 4. — с. 198–201.
9. Скорченко, П. Т. Криминалистика. Техничко-криминалистическое обеспечение расследования преступлений. — М.: Былина, 2017. — с. 181–203.
10. Стецовский, Ю. И. Советская адвокатура. — М., 1989. — с. 180–190.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.
12. Яблоков, Н. П. Криминалистика. — М., 2019. — 358 с.
13. Накипелов С.С. Досудебное соглашение как способ нейтрализации преступного сговора // Научный журнал «Апробация». — 2018. — № 4 (19). — с. 129.

14. Образцов В.А. Выявление и изобличение преступника. — М.: Юристъ, 1997. — с. 58.
15. Тертышник В.М. Уголовный процесс. — Х.: РИФ «АРСИС, ЛТД», 2017.
16. Строгович, М. С. Процессуальное положение и процессуальные функции защитника // Сб. науч трудов: Защита по уголовным делам. — М., 1948. — с. 12.

Проблемы допуска участия адвоката в уголовном процессе как факторы, сдерживающие правозащитный потенциал института защитника

Попов Виталий Андреевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Марченко Алексей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент

Тамбовский государственный технический университет

Юридическая помощь должна предоставляться защитником на безвозмездной основе, что и будет залогом независимости адвоката. При этом не учитывается, что любая работа должна вознаграждаться, гонорар, который защитник получает за выполненную работу, должен отвечать затраченным им усилиям. Нигде в мире до сих пор не принята система, которая бы предусматривала безвозмездную работу защитников по уголовным делам [13, с. 23].

При проведении предварительного следствия и при рассмотрении уголовных дел в судах часто приходится сталкиваться со значительными трудностями в обеспечении требований законодательства о праве на защиту. Так, задержанный по закону должен быть допрошен в качестве подозреваемого не позднее 24 часов с момента задержания и при этом имеет право требовать свидания с защитником до первого допроса. Если в такой короткий срок следователь не может найти защитника, он, чтобы выйти из такого положения, разъяснив права подозреваемому, иногда пытается подтолкнуть того к решению, что защитника на этом этапе следствия ему иметь не обязательно, он может взять его позже — при предъявлении обвинения или при окончании следствия или в суде [9, с. 181].

Более того, для обеспечения качественной работы защитников по уголовным делам по назначению целесообразно создать специальный фонд, средства из которого направлялись бы на оплату труда защитников по уголовным делам по назначению. Важное значение имеет также субъективный подход самого защитника к предложенному ему делу. Существуют две основные теории, отражающие два принципиально отличных друг от друга подхода к проблеме принятия защитником поручения и выбора дел — так называемая «теория закономерности» (среди ее наиболее ярких представителей — Е.Пикар, И. Бенгам), и «теория избирательности» (Е. В. Васильковский, М. М. Джаншиев) [5, с. 434]. Суть «теории закономерности» заключается в том, что для защитника профессионально бесчестным является предотвращение опасностей, включая негативное общественное мнение, в ожидании лучшего клиента. В данном аспекте следует учитывать положения статьи 48 Конституции Российской Феде-

рации [7], согласно которым каждый имеет право на юридическую помощь. Это означает, что если Основной Закон гарантирует право на квалифицированную юридическую помощь, то отдельный юрист-защитник не может решать, кто может быть лишен такого права. Вместе с тем позиция сторонников «теории закономерности» состоит в том, что не следует защищать лицо явно бесчестное. Если защитник ставит принятие или непринятие поручения в зависимость от своей оценки нравственности позиции клиента, то получается, что он берет на себя функции судьи, и более того, судьи не «юридического», а судьи «морального» и сам «выносит приговор» [8, с. 198]. М. Ю. Барщевский считает, и мы с ним в этом полностью согласны, что такая функция никак не присуща защитнику. Аморальная позиция клиента, по мнению автора, когда клиент предлагает защитнику аморальные средства доказывания своей невиновности — ложные показания, фиктивные документы, должна быть признана противозаконной. По нашему мнению, защитник должен отказаться от поручения, выполнение которого связано с использованием подобных средств [1, с. 23].

Мы частично поддерживаем мнения сторонников «теории избирательности», как и законодатель, который в статье 72 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [12] отметил, что защитником не может быть лицо, которое, как нам представляется, указанный перечень можно было бы дополнить следующими основаниями: 1) лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, имеющее непогашенную и неснятую судимость за совершение умышленного преступления; 2) лицо, признанное недееспособным или ограниченно дееспособным; 3) в случае приостановления действия свидетельства о праве на занятие адвокатской деятельностью или права на предоставление правовой помощи или его аннулирования в порядке, установленном законодательными актами Российской Федерации [4, с. 17].

Одно и то же лицо не может быть защитником двух и более подозреваемых, обвиняемых или подсудимых, если интересы защиты одного из них противоречат интересам защиты другого. Кроме того, по нашему мнению, защитник должен отказаться от принятия поручения, когда

он находится в родственных или дружеских отношениях с другим защитником, который предоставляет или ранее оказывал юридическую помощь лицу, интересы которого противоречат интересам его клиента. Возникает вопрос с какого момента защита считается принятой защитником. По этому поводу существуют разные мнения [2, с. 87]. Так, З. З. Зинагуллин считает, что моментом принятия защиты защитником следует считать предъявление им ордера юридической консультации органам, проводящим расследование или суду [6, с. 312]. Ю. И. Стецовский придерживается другого мнения: он пишет, что защита может считаться принятой не с момента получения ордера и предъявления его следователю или судье, а только после выявления согласия обвиняемого с позицией, которая намечена защитником. Между тем, выработка защитником своей позиции по делу и ознакомление с ней обвиняемого означает, по сути, что защитник уже включился в процесс защиты [10, с. 180].

Действительно, когда лицо обращается к защитнику с просьбой взять на себя защиту, между ним и защитником заключается соглашение, которое является действительным с момента достижения договоренности, если иное не указано в самом соглашении. Фактически защитник не может совершить какое-либо действие по уголовному делу до тех пор, пока не будет официально оформлено его участие в деле. В связи с этим, защитник должен предоставить не только заявление лица, которое его пригласило, но и документ, подтверждающий правомочность его защиты. Допуск защитника к участию в уголовном деле предполагает его общения с подзащитным, с момента возбуждения уголовного дела в отношении конкретного

лица; с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления; с момента вручения уведомления о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном статьей 223.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [11] — конфиденциально, а после первого допроса — без ограничения количества и времени свиданий (пункт 3 части 4 статьи 46, часть 3 статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Свидание подозреваемого или обвиняемого с защитником наедине способствует доверительности в их отношениях. Присутствие при этом постороннего лица помешало бы авторитету защитника в глазах подзащитного, уменьшило бы доверие к нему, не позволило бы установить психологический контакт с подзащитным. Особенно это касается случаев, когда подзащитный задержан или арестован [3, с. 310].

В заключение отметим, что существующий массив международно-правовых норм, регламентирующих основные начала уголовного процесса, обуславливает собой содержание внутригосударственного законодательства в сфере регулирования статуса адвоката(защитника), критерием чего является необходимость: обеспечения доступности адвоката для своего подзащитного; конфиденциальность встреч адвоката со своим подзащитным лицом; достаточность объема прав адвоката для реализации своей правозащитной функции; отсутствие законодательно установленной возможности привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности за незначительные нарушения в процессе осуществления своей законной профессиональной деятельности; невмешательства в процесс оказания адвокатом (защитником) правовой помощи.

Литература:

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 22.06.2016 по делу № 33–2388/2016 // Судебные акты РФ. — 2016. — № 3. — с. 3.
2. Накипелов, С. С. Досудебное соглашение как способ нейтрализации преступного сговора // Научный журнал «Апробация». — 2018. — № 4 (19). — с. 129.
3. О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 11.03.1992 № 2487–1 (ред. от 05.12.2019) // Ведомости Совета Народных Депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 17. — с. 888.
4. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.
5. Образцов, В. А. Выявление и изобличение преступника. — М.: Юрист, 1997. — с. 58.
6. По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Ивановского областного суда: постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2018 г. № 17-П // Судебные и нормативные акты РФ. — 2018. — № 19. — с. 3.
7. Стецовский, Ю. И. Советская адвокатура. — М., 1989. — с. 291.
8. Строгович, М. С. Процессуальное положение и процессуальные функции защитника // Сб. науч трудов: Защита по уголовным делам. — М., 1948. — с. 12.
9. Тертышник, В. М. Уголовный процесс. — Х.: РИФ «АРСИС, ЛТД», 2017. — с. 28.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.

Особенности оспаривания сделок должника в процедурах банкротства в специальном порядке

Солодилова Юлия Леонидовна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье анализируются современные особенности критериев для признания сделок должника недействительными по специальным основаниям в рамках процедур банкротства. Рассматриваются начала, а также общий порядок оспаривания сделок с предпочтением и подозрительных сделок.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, оспаривание сделок, специальные основания, подозрительные сделки, сделки с предпочтением.

Развитие законодательства о банкротстве на современном этапе развивается достаточно быстрыми темпами. За сравнительно небольшой промежуток времени законодатель с переменчивым успехом старается компенсировать сложившийся вакуум, который длился в рассматриваемой области несколько десятилетий. Разумеется, базироваться на уже сформированные подходы намного проще, однако значительная доля еще имеющихся серьезных проблем характеризуется несистемным подражанием.

Так, обособленно встает институт конкурсного оспаривания. Его нормы перенесены на российскую почву из европейского правопорядка почти без каких-либо пробелов. Стоит отметить, что данный институт довольно хорошо составил действующую модель законодательства о банкротстве. Важнейшая цель оспаривания сделок в процедурах банкротства заключается в защите имущественных интересов кредиторов, а также в достаточном пополнении конкурсной массы [1].

Существование как общегражданских, так и специальных банкротных оснований недействительности сделок порождает некоторые коллизии. Так, необходимо различать факторы общегражданских оснований оспаривания сделок, предусмотренные Гражданским кодексом РФ (ст. 10 и 168) [2], а также ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ О банкротстве) [3]. В целом функционирующее банкротное законодательство дает кредиторам обширный блок инструментов для защиты своих прав, а также законных интересов в данной категории дел.

Правовое значение института конкурсного оспаривания сделок должника вызывало серьезный интерес со стороны исследователей. Тем не менее, практическое осуществление конкурсного оспаривания сделок должника в реальных социально-экономических условиях встречается с комплексом не разрешенных противоречий. Так, несмотря на присутствие ряда нормативно-правовых документов, которые регламентируют вопросы признания недействительными сделок в рамках несостоятельности, институт только формируется, а его правовой режим законодателем окончательно не определен.

Процедура банкротства включает специальный механизм оспаривания сделок, которые совершаются должником. Данная процедура оспаривания сделок должника-банкрота описана в главе 3.1 ФЗ О банкротстве. Правила, которые установлены законодательством, сосредоточены на том, чтобы в пропорционально и верно произвести разделение конкурсной массы между различными кредиторами [4].

Необходимо подчеркнуть, что понятие сделки в ФЗ «О банкротстве» используется в широком толковании и содержит не только договоры гражданско-правового характера, но и, например, реализация судебного акта налоговых платежей. При этом действия может осуществить не сам должник, а иные субъекты за счет его имущества (к примеру, безакцептное списание). Все сделки, которые могут быть признаны недействительными, следует делить на два вида: подозрительные и с предпочтительностью [5]. Их надлежит рассматривать в качестве специальных механизмов, которые выступают составной частью системы мер по защите прав кредитора посредством вовлечения в имущественную массу должника неправомерно отчужденного имущества.

Так, подозрительные сделки включают в себя:

— сделки, которые совершены в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия данного заявления, могут признаваться судебным органом недействительными при неравноценном встречном исполнении иной стороной сделки [6];

— сделки, которые осуществлены в течение трех лет до принятия заявления о признании должника банкротом либо после принятия такого заявления, могут признаваться недействительными судом при их совершении в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов. При этом цель причинения вреда означает, что иной субъект представляется заинтересованным лицом по сделке, или сторона знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов или признаках неплатежеспособности должника [7].

К сделкам с предпочтительностью необходимо отнести:

— сделки, которые могут повлечь оказания предпочтения определенному кредитору перед остальными. Они должны осуществляться в течение одного месяца до при-

нения заявления либо после принятия заявления о признании должника банкротом [8]. Так же необходимо, чтобы сделка удовлетворяла требования, срок которых к моменту совершения сделки не наступил, одних кредиторов перед иными. Либо одному из кредиторов выказано предпочтение в отношении удовлетворения требований, которые существовали до совершения оспариваемой сделки, по сравнению с очередностью кредиторов;

— сделки, которые совершены в течение шести месяцев до принятия судебным органом заявления о признании должника банкротом, могут признаваться недействительными. Необходимо соблюдение некоторых моментов:

а) основанием признания недействительности выступает направленность сделки на обеспечение обязательства, которое появилось до совершения оспариваемой сделки;

б) сделка способствовала или могла способствовать изменению очередности удовлетворения требований кредитора по обязательствам, которые образовались до совершения оспариваемой сделки;

с) кредитор или другое лицо, в отношении которого произведена сделка, знал о признаках несостоятельности должника, о наличии задолженности перед иными кредиторами и недостаточности имущества должника для удовлетворения требований [9].

В соответствии с судебной практикой, суды часто не уделяют необходимого внимания изучению всех значимых обстоятельств дела при оспаривании той или иной

сделки. Главными мотивами отказа судебных органов при оспаривании сделок должника по критериям ст. 61.2, 61.3 ФЗ О банкротстве выступают:

а) отсутствие доказательств осведомленности контрагента о признаках неплатежеспособности должника;

б) признание оспариваемой сделки заключенной в обычной хозяйственной деятельности должника.

Однако Постановление Пленума ВАС от 30.07.2013 № 59 внесло изменения в Постановление Пленума ВАС от 23.12.2010 № 63 касательно оспаривания сделок при банкротстве [10]. Так, установлена возможность опровержения должником презумпций-условий, при которых цель причинения вреда имущественным правам кредиторов в результате совершения подозрительной сделки предполагается. Кроме того, определено соотношение обстоятельств, которые подлежат выявлению при оспаривании подозрительных сделок должника и оспаривании сделок должника, которые влекут за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед иными участниками разбирательства.

Таким образом, нормы банкротного законодательства не проработаны подробно. Вследствие чего на практике появляются вопросы о применении положений главы 3.1 закона. Хотя Постановления ВАС № 63 и № 59 своими разъяснениями существенно дополнили, а также устранили отдельные пробелы, которые имелись в законе. Тем не менее, в настоящее время имеются сложности с обеспечением доказательной базы для оспаривания сделок при банкротстве.

Литература:

1. Баринов, А. М., Бушев А. Ю., Городов О. А. и др. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный) / под ред. В. Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. с. 950.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020). «Российская газета», № 238–239, 08.12.1994.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 24.04.2020) «О несостоятельности (банкротстве)». «Российская газета», № 209–210, 02.11.2002.
4. Юлова, Е. С. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства). Учебник и практикум, 1-е изд. Издательство Юрайт. М.: 2019. с. 301.
5. Балашова, А. И. Специальные основания оспаривания сделок должника в процедуре банкротства / Сборник трудов: Теория и практика современной науки, 2019. с. 161.
6. Барциц, И. Н. и др. Особенности оспаривания подозрительных сделок в рамках дел о банкротстве юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (на примере судебной практики) // «Современное право», 2020, №. с. 87.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». «Вестник ВАС РФ», № 3, март, 2011.
8. Егоров, А. В. Сделки с предпочтением при банкротстве // Хозяйство и право. 2019. № 5 (508). с. 45.
9. Сушкова, О. В. Оспаривание сделок должника при несостоятельности (банкротстве), совершенных с предпочтением // Вестник гражданского процесса», 2019, № 5. с. 111.
10. Постановление Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)». «Солидарность», № 31, 28.08–04.09.2013.

Допустимость и целесообразность признания носителя искусственного интеллекта субъектом правоотношений

Солодуненко Анастасия Сергеевна, студент

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге

Ключевые слова: искусственный интеллект, умный робот, правовое регулирование

При рассмотрении вопроса о допустимости признания умного робота субъектом правоотношений в первую очередь следует уточнить, что искусственный интеллект подразделяют на «сильный» и «слабый». Термин «сильный ИИ» был введен Джоном Серлом: «такая программа будет не просто моделью разума; она в буквальном смысле слова сама и будет разумом, в том же смысле, в котором человеческий разум — это разум» [10]. Таким образом, «сильный» ИИ — тот, который по своим когнитивным способностям схож с человеческими или превосходит их. Кроме того, он должен обладать автономностью и способностью к самообучению. «Слабый» искусственный интеллект не обладает универсальностью и способностью к формированию новых алгоритмов решения задач, реализую лишь определенную часть функций человеческого интеллекта в определенной сфере [1]. Для рассмотрения вопроса о правовом регулировании представляет интерес именно сильный ИИ, так как слабый заведомо может рассматриваться лишь в качестве объекта правоотношений.

Несмотря на то, что ученые заинтересовались разработкой юнитов искусственного интеллекта еще в середине прошлого века, вопрос о необходимости разработки законодательного регулирования в этой сфере стал актуальным лишь в последнее время. Следует отметить особенность данного вопроса: юнит искусственного интеллекта («электронное лицо») потенциально может рассматриваться в качестве как субъекта, так и объекта правоотношений [2]. Например, между двумя физическими лицами может возникнуть правоотношение по поводу купли-продажи умного робота. В то же время в авторских правоотношениях робот уже на данный момент теоретически может выступать как субъект — автор или соавтор результата интеллектуальной деятельности [3].

На данный момент времени страны и межгосударственные объединения ставят перед собой задачу разработки правового регулирования в области искусственного интеллекта. Они разрабатывают законопроекты, принимают отдельные законы, регулирующие деятельность умных роботов, а также национальные стратегии развития искусственного интеллекта. Отдельно стоит упомянуть Европейский союз: в 2017 году ими был затронут вопрос о наделении искусственного интеллекта определенным кругом прав и обязанностей. Так, в Рекомендациях от Европарламента к Европейской Комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике говорится о необходимости наделения умных роботов

особым правовым статусом в долгосрочной перспективе: «таким образом, по меньшей мере наиболее продвинутые автономные роботы могут создаваться как электронные лица и нести ответственность за причиненный ущерб в тех случаях, когда они принимают решения автономно или иным образом самостоятельно взаимодействуют с третьими лицами» [11].

Предпосылки наделения особым правовым статусом существа, не относящегося к человеческому роду, заложены в российском законодательстве в части регулирования животных. Несмотря на то, что ст. 137 ГК РФ [4] относит их к объекту правоотношений, уголовное законодательство предусматривает наказание за жестокое обращение с ними. Кроме того, недавно вступил в силу федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» [5], в статье 4 которого закреплён принцип отношения к животным «как к существам, способным испытывать эмоции и физические страдания».

По аналогии с защитой животных набирает популярность и решение этических вопросов в части робототехники. В Соединенных Штатах Америки есть прецедент по части защиты прав роботов. Так, в 1999 году было создано Общество за предотвращение жестокости в отношении роботов (ASPCR — American Society for the Prevention of Cruelty to Robots) [6], чья миссия «состоит в том, чтобы гарантировать права всех искусственно созданных разумных существ, широко известных, как «роботы» [12]. Еще более интересным является беспрецедентный кейс, произошедший в Саудовской Аравии: в 2017 году она стала первой страной, которая предоставила гражданство роботу [7].

Вышеприведенные примеры подтверждают тезис о всё большем проникновении технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь человечества. Из этого закономерным образом следует необходимость определения правового статуса умного робота и разработки правовых мер с целью недопущения негативных эффектов от бесконтрольного развития технологий ИИ. При этом важно соблюдать баланс, поскольку чрезмерное количество регулятивных норм может затормозить развитие киберфизических технологий.

Что касается вопроса о допустимости и целесообразности признания носителя ИИ субъектом правоотношений, то на данный момент времени, по моему мнению, ответ должен быть отрицательным. Ввиду того, что «электронное лицо» является принципиально новой катего-

рией права, более уместно поэтапное его введение, с последующим анализом возможных ошибок и проработкой недочетов. В таком случае, к тому моменту времени, когда уровень технологий действительно потребует признания носителя ИИ в качестве субъекта, законодательство будет соответствовать веяниям времени. Правовое сознание граждан также будет готово к этому. Подобной точки зрения придерживаются такие российские исследователи, как В. А. Лаптев [8], В. П. Камышанский [9]. Так, В. П. Камышанский признает «практическую невозможность одномоментного обоснования целесообразности признания правоспособности носителя ИИ» [9, с. 47]. По его мнению, на первом этапе ИИ может действовать в качестве представителя интересов физического лица. С течением же времени умные роботы потенциально могут быть признаны субъектами со специальной или ограниченной (в зависимости от степени развитости их нейронных сетей) дееспособностью. В. А. Лаптев приводит три этапа изменения правовой регламентации юнитов искусственного интеллекта. Согласно его работе, на первом этапе (ближайшие несколько десятков лет) роботы рассматриваются исключительно в качестве объектов права. На втором этапе (с середины и до конца XXI века) у них появляются некоторые свойства субъектов права. И, наконец, на третьем этапе (с начала XXII века) умный робот, по его мнению, будет признан субъектом права, действующим в киберфизическом пространстве. Данный подход целесообразен,

однако подход к периодизации кажется достаточно неоднозначным, поскольку практически невозможно спрогнозировать развитие технологий ИИ (и, как следствие, законодательства, его регулирующего) на век вперед.

Подводя итог вышесказанному в этой главе, можно увидеть, что не только исследователи в области искусственного интеллекта, но и некоторые законодатели (представители Европарламента) признают необходимость наделяния умных роботов правосубъектностью. Однако все они сходятся во мнении, что на данный момент искусственный интеллект не обладает такой степенью универсальности и автономности, чтобы быть признанным действительным участником правоотношений, и данный вопрос рассматривается лишь в долгосрочной перспективе. Так, в настоящий момент времени сильный ИИ рассматривается лишь в качестве гипотетической категории: ученые и разработчики еще не обладают достаточным уровнем технологического оснащения и знаний в данной сфере. Однако ввиду повышенного интереса и существенного финансирования как со стороны крупных фирм, так и со стороны государства, можно говорить о том, что его появление является ожидаемым и востребованным. Некоторые существующие носители ИИ уже имеют способность к самообучению и становятся всё более автономными и универсальными, поэтому можно предполагать, что появление сильного искусственного интеллекта уже не за горами. Так это или нет — покажет время.

Литература:

1. Малышева, Д. С., Касимов А. В. Технические и философские основания для создания сильного искусственного интеллекта (часть I) // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. — 2016. — № 3. — с. 75–85.
2. Bowyer, K. Robot rights: at what point should an intelligent machine be considered a «person»? [Электронный ресурс] // URL: <https://techxplore.com/news/2017-02-robot-rights-intelligent-machine-person.html>
3. Как искусственный интеллект создаёт искусство не хуже любого из нас [Электронный ресурс] // URL: <https://www.buro247.ru/technology/cases/28-feb-2019-ai-creating-art.html>
4. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ, СЗ РФ 05.12.1994, № 32, ст. 3301
5. СЗ РФ, 31.12.2018, № 53, ст. 8424.
6. Goldhill, O. There's an organization devoted to fighting for robot rights [Электронный ресурс] // URL: <https://qz.com/1589768/theres-an-organization-devoted-to-fighting-for-robot-rights/>
7. Саудовская Аравия первой в мире предоставила гражданство роботу [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3450054>
8. Лаптев, В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. с. 79–102.
9. Камышанский, В. П. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть закона. № 1. 2019. с. 42–50.
10. Серл, Д. Разум мозга — компьютерная программа? // В мире науки. — 1990. — № 3 [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.raai.org/library/books/sirl/ai.html>
11. Report with Recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics. 2015/2103 (INL) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-8-2017-0005_EN.html
12. The American Society for the Prevention of Cruelty to Robots [Электронный ресурс] // URL: http://www.aspcr.com/newcss_rights.html

Критерии добросовестности и разумности в косвенных исках, предъявляемых к единоличному исполнительному органу коммерческой корпорации

Стадникова Елена Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Есенова Валентина Петровна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В статье обосновывается необходимость законодательного регулирования правовой формы косвенных исков, предъявляемых в арбитражный суд о взыскании убытков, причиненных коммерческой корпорации действиями единоличного исполнительного органа, а также уточнения правовой регламентации средств защиты нарушенных прав и законных интересов участников корпоративных отношений.

Цель настоящей статьи — анализ правовых категорий «добросовестности» и «разумности» в действиях лиц, входящих в состав органов управления юридического лица при рассмотрении косвенных исков в арбитражном суде.

Автор приходит к выводу о необходимости закрепления на законодательном уровне понятий «действовать добросовестно», «действовать разумно» в целях преодоления пробелов в правовом регулировании.

Ключевые слова: право, арбитражный суд, косвенный иск, корпорация, корпоративные отношения, единоличный исполнительный орган, убытки, добросовестность, разумность.

Criteria of good faith» and reasonableness in indirect claims against the sole Executive body of a commercial Corporation

The article substantiates the need for legislative regulation of the legal form of indirect claims submitted to the arbitration court for recovery of losses caused to a commercial Corporation by the actions of a sole Executive body, as well as clarification of the legal regulation of remedies for violated rights and legitimate interests of participants in corporate relations.

The purpose of this article is to analyze the legal categories of «good faith» and «reasonableness» in the actions of persons who are members of the management bodies of a legal entity when considering indirect claims in an arbitration court.

The author concludes that it is necessary to fix the concepts of «acting in good faith» and «acting reasonably» at the legislative level in order to overcome gaps in legal regulation.

Keywords: law, arbitration court, indirect claim, Corporation, corporate relations, sole Executive body, damages, good faith, reasonableness.

Арбитражные суды при рассмотрении корпоративных споров долгое время применяли общие положения Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) о предъявлении иска, о применении обеспечительных мер, о лицах, участвующих в деле, оставлении иска без рассмотрения, доказывании и др. Корпоративные споры не имели специальной процессуальной формы их рассмотрения и разрешения, кроме того, они не были выделены в отдельную главу. В результате глубокого анализа рассмотренных корпоративных конфликтов Высшим Арбитражным Судом РФ был подготовлен проект изменений в АПК РФ, который вступил в действие в 2009 году.

Обращение в арбитражный суд с косвенным (производным) иском связано с введением в действие Главы 28.1 и Главы 28.2 АПК РФ (и, в частности, статьи 225.8). Прошло более десяти лет с момента появления категории корпоративных споров и защиты интересов группы лиц, однако процессуалисты так и не пришли к единому мнению: косвенные иски — это ценность или косвенные иски — искусственная форма процессуалистов и боль-

шого значения не имеет. Некоторые ученые поставили под сомнение целесообразность такого выделения в самостоятельную группу, правовую форму предъявления в суд (косвенные иски), а также возможность их практического применения в правовом регулировании.

Г. Л. Осокина выразила мнение, что использование косвенного иска является чем-то абстрактным, чисто спекулятивной категорией, не имеющей логического теоретического обоснования и практического смысла [1].

Е. И. Чугунова определяет косвенный иск как возможность участников юридического лица (акционеров, членов) на судебную защиту нарушенных или оспариваемых прав или законных интересов самого юридического лица в случаях, предусмотренных законом [2].

Между тем, из анализа положений действующего законодательства о предъявлении косвенных исков по требованию о возмещении убытков, причиненных действиями единоличного исполнительного органа, и судебной практики следует, что такого рода иски достаточно широко используются в практической среде, однако существуют пробелы в правовом регулировании.

Осуществляя руководство всей текущей деятельностью общества, единоличный исполнительный орган сосредотачивает в своих руках широкий перечень полномочий, входящих в его компетенцию. Следовательно, от того насколько добросовестны и разумны будут его действия зависят надёжность и эффективность корпоративного управления, экономическая устойчивость и инвестиционная привлекательность бизнеса.

Стоит отметить, что легальное закрепление понятий добросовестности и разумности отсутствует, что является следствием возникновения сложностей при доказывании недобросовестного и неразумного поведения единоличного исполнительного органа при взыскании убытков.

М. Ю. Тихомиров придерживается мнения, что под добросовестностью следует понимать четкое следование требованиям правовых установок, нацеленность на положительный результат развития юридического лица и честность единоличного исполнительного органа при осуществлении своих полномочий. В свою очередь разумность можно рассматривать через призму двух проявления, с одной стороны, это тот минимальный уровень знаний и опыта, который необходим для надлежащего исполнения должностных обязанностей, с другой стороны, разумность — это умение находить поиски разрешения сложных управленческих задач [3].

По мнению В. И. Емельянова действия директора будут отвечать критериям разумности тогда, когда они будут не хуже минимально эффективных действий иных директоров в такой же отрасли деятельности юридического лица. В случае, если действие, совершенное директором, будет менее эффективным, то признать его действия разумными в данном случае не представляется возможным [4].

Лицо, наделенное правом выступать от имени юридического лица в силу прямого указания в законе, иного правового акта или учредительного документа юридического лица, обязано действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно (пункт 3 статьи 53 Гражданского кодекса РФ) [5]. В соответствии с презумпцией, закрепленной в пункте 5 статьи 10 Гражданского кодекса РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, как и то, что

орган управления хозяйственного общества в процессе своей деятельности руководствуется интересами общества и его участников.

Существенным недостатком вышеприведённых норм является их общий характер и отсутствие легального определения добросовестности и разумности. В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 30.07.2013 № 62 впервые была произведена попытка определения содержания понятий добросовестности и разумности лица, входящего в состав органов управления юридического лица [6].

Однако данное Постановление не разграничивает понятия добросовестности и разумности, а сводит лишь их к одному определению, что приводит в судебной практике к различному толкованию содержаний данных понятий.

В Постановлении ФАС Уральского округа от 20.05.2014 по делу № А50–12101/2013 содержались следующие выводы: «Определяя критерии разумности и добросовестности директора юридического лица, необходимо сравнивать его действия с поведением «добросовестного коммерсанта» или «заботливого хозяина». Следовательно, в каждом конкретном деле для установления неразумности и недобросовестности в действиях (бездействии) единоличного исполнительного органа следует сопоставлять его поведение с фактически сложившимися обстоятельствами дела, в том числе с объемом и характером лежащих на нем обязанностей, а также с требованиями осмотрительности и заботливости, которые обязан проявлять добросовестный участник [7].

Из этого следует, что отсутствие в действующем российском законодательстве определения таких понятий как «действовать добросовестно», «действовать разумно», «действовать в интересах юридического лица» является следствием того, что данные понятия становятся категориями оценочными и определяются индивидуально

в отношении каждого конкретного дела на основании внутреннего убеждения судьи и оценки совокупности представленных доказательств. Всё это приводит к необходимости закрепления на законодательном уровне тех критериев, которыми должен руководствоваться суд при оценке правильности конкретных действий единоличного исполнительного органа.

Литература:

1. Осокина, Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. / Г. Л. Осокина. — М.: Норма, 2008. — 540 с.
2. Чугунова, Е. И. Производные иски в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дисс. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. — 4 с.
3. Тихомиров, М. Ю. Юридические лица: учебно-практическое пособие / М. Ю. Тихомиров. — М.: Юринформцент, 2003. — 158 с.
4. Емельянов, В. И. Понятие «разумность» в гражданском праве России / В. И. Емельянов // Вестник ВАС РФ. — 2002. — № 10. — с. 105.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; [Электронный ресурс] опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> — 29.12.2017.

6. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Экономика и жизнь. 30.08.2013. № 34. // [Электронный ресурс], СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление ФАС Уральского округа от 20.05.2014 № Ф09-2073/14 по делу № А50-12101/2013 // [Электронный ресурс], СПС «КонсультантПлюс».

Цифровизация правоприменения

Сухарева Ангелина Витальевна, студент
Казанский (Приволжский) федеральный университет

В статье рассмотрено проникновение и перспективы развития цифровых технологий в правоприменительные процедуры, включая судебный и административных тип правоприменения. Автором проанализированы тенденции развития применения цифровых технологий в рамках судебных процессов.

Ключевые слова: цифровизация, правоприменение, судебное правоприменение, административное правоприменение.

В связи со сложившейся ситуацией в мире населению планеты пришлось перейти на дистанционный режим работы. Поэтому проблема цифровизации сейчас особенно актуальна даже в тех отраслях, где раньше о ней и не думали. Мы же рассмотрели цифровизацию в праве, так как на наш взгляд пандемия подтолкнет законодателя пересмотреть абсолютно все процессы реализации права, в том числе правоприменения. Связано это и с тем, что в большинстве случаев очное присутствие людей не требуется вовсе.

Цифровизация на сегодняшний день является основным направлением и трендом развития всех сторон жизни общества, она проникает во все сферы повседневной жизни людей. Однако, право всё же остается достаточно консервативным. По некоторым оценкам, уровень проникновения технологий в юриспруденцию сегодня составляет не более 30 процентов, а доля доступных юридических онлайн-услуг не превышает 4–5 процентов. Безусловно, этот процент достаточно низок, однако современные реалии обозначают его прогрессивный рост. Мы склоняемся к тому, что факторы, возникшие в условиях пандемии, будут иметь решающее значение в прогрессивном проникновении цифровых процессов в правовое поле.

Машиночитаемое право и автоматическое правоприменение кардинальным образом изменяют взаимоотношения гражданина и бизнеса с государством. Например, в сфере предупреждения дорожно-транспортных происшествий через автоматическое выставление штрафов за нарушения ПДД (людям приходят уведомления по почте на бумажном носителе, а также на портале gosuslugi.ru, где можно этот штраф и оплатить). Интересно отметить и тот факт, что при оплате штрафа онлайн в 14-дневный срок законодатель предоставляет правонарушителю «скидку», таким образом как бы поощряя онлайн-оплату.

Следует отметить и проникновение цифровизации в контрольно-надзорные функции — к примеру, когда

датчик фиксирует превышение вредных выбросов в окружающую среду и одновременно выставляет штраф виновнику загрязнения. Такая автоматизация правоприменения исключает человеческий фактор и делает ответственность неминуемой. Автоматически можно проводить налоговую проверку и таким образом получать информацию о сделках налогоплательщиков, в том числе подтверждение самого факта проведения той или иной операции.

Контролировать таким образом можно не только нарушения, но и факты доставки товаров — с помощью сканирования специальных меток на них и занесения информации в базу данных [1, с. 34–35].

Следует отметить и правоприменительные процедуры, осуществляемые, например, в сфере социальных выплат. Так, благодаря portalу gosuslugi.ru за май 2020 года свыше 20 миллионов семей смогли обратиться в компетентный орган с заявлением о предоставлении социальных выплат в рамках Указа Президента РФ от 20 марта 2020 и получить ответ на свое заявление в течение 2–3 дней, буквально не выходя из дома. Сервис позволял максимально быстро заполнить все необходимые реквизиты, а также отслеживать заявителю весь ход правоприменительного процедуры.

Безусловно, огромное значение несут цифровые технологии в судебном правоприменении. Так, в связи с принятием Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» у граждан появилась возможность к беспрепятственному ознакомлению с полной информацией о деятельности судов.

Обеспечение открытого и доступного правосудия, ускорение сроков рассмотрения споров и повышение качества судебных актов как результат внедрения электронного правосудия является важным фактором повышения доверия к судебной системе, снижения конфликтности в обществе и преодоления правового нигилизма насе-

ления. [2, с.65]. И, конечно же, внедрение информационных систем помогло решить проблему перегрузки судов.

Так, судья печатает судебный акт на компьютере, затем данный судебный акт заносят в базу, после чего он подписывается электронной подписью. С этого момента текст поменять невозможно. На следующий день подписанное решение размещается в сети Интернет (в автоматизированной информационной системе «Судопроизводство», в картотеке арбитражных дел), что позволяет сторонам оперативно ознакомиться с полным его текстом.

Также, в автоматизированной информационной системе «Судопроизводство» и в картотеке арбитражных дел размещается информация о движении дела: о принятии искового заявления, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия. Судебные акты на бумажных носителях стороны арбитражного процесса получают только на первоначальной стадии — при принятии искового заявления к производству.

Вместе с тем не все считают, что наличие открытого доступа к такого рода информации имеет положительное значение, поскольку в судебном заседании могут быть оглашены сведения, составляющие и коммерческую тайну, а при таких обстоятельствах доступ к ним со стороны конкурентов существенно упрощается

Следующий элемент использования электронных средств — организация видеоконференцсвязи. Лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса могут участвовать в судебном заседании путём использования систем видеоконференцсвязи при условии заявления ими ходатайства об этом и при наличии в соответствующих арбитражных судах технической возможности осуществления видеоконференцсвязи

При использовании систем видеоконференцсвязи в арбитражном суде, рассматривающем дело, а также в арбитражном суде, осуществляющем организацию видеоконференцсвязи, составляется протокол и ведётся видеозапись судебного заседания. Материальный носитель видеозаписи судебного заседания направляется в пятидневный срок в суд, рассматривающий дело, и приобщается к протоколу судебного заседания.

Делая вывод, можно сказать, что использование системы электронного правосудия и ее элементов в арбитражном процессе в целом носит позитивный характер, она призвана обеспечить абсолютную открытость и доступность арбитражных судов, улучшить качество судебной работы, сократить издержки и создать максимальное удобство для участников спора. Однако в юридической литературе высказано мнение, что «электронификация судопроизводства рано или поздно приведет к изменению роли устности или ее тотальному вытеснению из судебного процесса. В итоге принцип устности может быть упразднен» [3, с. 18-10].

Между тем в экспертной среде действительно все чаще возникает вопрос о замене реального судьи искусственным интеллектом, который мог бы «анализировать фактические обстоятельства дела, давать им правовую оценку и выносить соответствующее решение». Такие программы уже активно развиваются в Китае, США, Великобритании, Франции — и их опыт признается успешным. Важно отметить и появление первого международного акта по использованию компьютера в правосудии — Европейской этической хартии [4, с8]. Роботов рекомендовано использовать, например, для оценки целесообразности условно-досрочного освобождения или избрания меры пресечения.

Литература:

1. Наумов, В. Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. — М.: Книжный дом «Университет». — 2002. С. 32-39.;
2. Чесноков, А. А. Ресурсы Интернет и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ. — 1999. — Серия 18. — № 4. — С. 65-66.;
3. Азизов, Р. Ф. Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. — СПб. — 2017. — с. 18
4. Efroni, Z. Access-Right: The Future of Digital Copyright Law. — Oxford University Press. — 2013. — P. 8.;

Соотношение прокурорского надзора и ведомственного контроля на досудебной стадии уголовного судопроизводства

Тапхаров Александр Сергеевич, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье рассматривается проблема соотношения прокурорского надзора и ведомственного контроля на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, ведомственный контроль, следственный орган, орган прокуратуры, досудебное производство, уголовное судопроизводство.

Одной из проблем, свойственных стадии досудебного производства, вызывающих дискуссию в научной среде, что несомненно свидетельствует об ее актуальности, является проблема разграничения надзора, осуществляемого органами прокуратуры, внутреннего контроля, осуществляемого руководителями следственных органов.

Несомненно, совокупность этих институтов обеспечивает действенную гарантию соблюдению законности на досудебной стадии и способствует недопущения нарушений прав и свобод лиц, являющихся участниками уголовного судопроизводства. Главный же вопрос заключается в определении границ прокурорского надзора и ведомственного контроля, а также в определении их взаимодействия, установления сущности надзорных полномочий прокурора и контрольных полномочий руководителя следственного органа [1, с. 54].

Что касается прокурорского надзора, то действующие на сегодняшний день нормативно-правовые акты не содержат четкого определения и понятия надзора, в научной литературе также нет единого, общего мнения, что же понимать под «надзором», данный вопрос является дискуссионным. Некоторыми под прокурорским надзором понимается разновидность государственной деятельности, обладающей самостоятельностью и отличающейся от контроля [2, с. 167]. Выделяется также обратная позиция, согласно которой надзор, осуществляемый органами прокуратуры входит в общее понятие «контроль» и может считаться его разновидностью [3, с. 7]. Существует и компромиссная точка зрения, согласно которой исходя из принципа разделения властей выделяется понятие «контрольно-надзорная деятельность» [4, с. 234-235]. Авторами, придерживающимися данной позиции, выделяется отдельная контрольно-надзорная ветвь власти, к которой они относят органы прокуратуры.

С точки зрения права понятие «контроль» не тождественно понятию «надзор». Однако стоит отметить, что с лингвистической точки зрения не все так однозначно, так некоторыми словарями понятия «контроль» и «надзор» считаются синонимами, а их содержание зачастую раскрывается друг через друга. Отсутствие в законодательстве ясного и четкого определения данных понятий, их разграничения, также не вносит ясности в правоприменительную практику и юридическую лите-

ратуру. Вместе с тем, представляется, что данные понятия, несомненно, во многом схожи, но не являются идентичными, поскольку все же обладают индивидуальными чертами, определяющими их различие, так, к таким различиям на примере прокурорского надзора за предварительным следствием и ведомственного контроля можно отнести двухаспектный характер последнего. Руководитель следственного органа осуществляет контроль не только за исполнением следователями требований уголовно-процессуального законодательства, но и контроль за организационной работой последних, т.е. таким образом в ведомственном контроле четко прослеживается организационный аспект, отсутствующий в прокурорском надзоре, где основным объектом выступает прежде всего законность самих действий следователей.

Понятие контроль обладает большей конкретностью, поскольку он неразрывно связан с внутренними подробностями, осуществляемого расследования, его деталями. В свою очередь руководитель следственного органа, осуществляя контроль за действиями следователя, вникая в суть его работы, непосредственно соприкасается с деятельностью, которую контролирует, таким образом в части разделяя за нее ответственность, что во многом характеризует ведомственный контроль как корпоративную деятельность. В свою очередь надзор характеризуется с другой стороны, поскольку деятельность лица, осуществляющего надзор обладает элементом отстраненности, оно не причастно к структурам, за которыми осуществляется надзор.

Надзор и контроль характеризуются общей целью, заключающейся в обеспечении законности действий следователей, обеспечении соблюдения прав участников уголовного судопроизводства, устранении выявленных нарушений уголовно-процессуального закона. Также стоит отметить ряд похожих, но не идентичных по своему содержанию полномочий, например, таких как: право отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела (ч. 6 ст. 148 УПК РФ), право отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ч. 1 ст. 214 УПК РФ). Несмотря на то что прокурорский надзор и обладает несколько сходными чертами с контролем, существующие между ними различия, а также предназначение, принципы организации и формы реализации прокурорского надзора

не позволяют рассматривать его как специфический вид контроля. Будучи самостоятельным правовым явлением, он обладает своим специфическим содержанием, традиционно увязываемым с понятием законности.

Несмотря на совпадение цели надзорной деятельности прокурора и руководителя следственного органа, осуществляющего контроль за подчиненными ему следователями, задачи, которые перед ними поднимаются различны, различны также и их процессуальные функции, которыми они обладают. Так, для прокурора в силу конституционно-правового характера функция надзора является основополагающей, кроме того, данная функция является уникальной, поскольку она осуществляется только органами прокуратуры, для других же органов и лиц, являющихся участниками уголовного процесса данная функция не свойственна.

В свою очередь, ведомственный контроль, осуществляемый руководителем следственного органа, заключается в общем руководстве над ходом расследования, сущ-

ность которого раскрывается в правильном определении его направления, разработке плана расследования, даче указаний следователю, в последующем контроле действий следователей, направленных на осуществление данного плана и выполнение полученных указаний, недопущении нарушений уголовно-процессуального закона следователями, а также в организационном контроле.

На наш взгляд, существующий баланс между прокурорским надзором и ведомственным контролем на сегодняшний день в достаточной степени обеспечивает поддержание законности и обеспечения прав, участников досудебного производства. Вместе с тем, тревожным выглядит увеличение количества выявляемых прокурорами нарушений, зачастую руководителем следственного органа используется не весь объем доступных ему контрольных полномочий или же их использование не в полной мере эффективно, в таких случаях при наличии нарушения закона, прокурор должен реагировать доступными ему мерами прокурорского реагирования.

Литература:

1. Спиринов, А. В. О теоретических основах разграничения прокурорского надзора и процессуального (ведомственного) контроля в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / А. В. Спиринов. — Текст: непосредственный // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2016. — № 1. — с. 54-60.
2. Рохлин, В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль / В. И. Рохлин. — СПб.: Р. Асланова, 2013. — 167 с. — Текст: непосредственный.
3. Гуляева, А. П. Контрольные государственные органы России: учебник / А. П. Гуляева. — М., 2000. — 212 с. — Текст: непосредственный.
4. Конин, Н. М. Административное право России: учебник / Н. М. Конин. — М., 2010. — 256 с. — Текст: непосредственный.

Проблемные аспекты проведённой реформы по созданию в системе судов общей юрисдикции новых апелляционных судов

Тимофеева Елизавета Андреевна, студент магистратуры
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия (г. Краснодар)

30 июля вступил в силу Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» [1], в связи с созданием на территории Российской Федерации обособленных апелляционных судов общей юрисдикции, не связанных рамками административно-территориального деления субъектов Федерации. Данная статья посвящена анализу некоторых положений судебной реформы в Российской Федерации, направленных на создание апелляционных судов общей юрисдикции и выявлению их недостатков. Эта тема является весьма актуальной поскольку проведенная реформа изменила судостроительство в соответствии с назревшими проблемами в судебной системе.

Ключевые слова: апелляционные суды, апелляционное производство, судебная система, реформирование, самостоятельность, объективность.

Судебная власть — это самостоятельная и независимая световая власть, которая осуществляется судами, наделенными полномочиями по отправлению правосудия.

Целями осуществления правосудия являются достижение верховенства права, формирование уважения к закону, развитие правовой культуры и др. Иными словами,

наличие эффективной судебной системы способствует достижению правопорядка, а также является основой для развития правового государства. Поэтому выявление определенных негативных факторов в российской судебной системе, препятствующих осуществлению правосудия, является причиной для реформирования этой системы [2].

Проведенная судебная реформа в определенной степени затронула институт апелляционного производства, т.к. одним из важнейших изменений является образование апелляционных судов общей юрисдикции, которые стали судами второй инстанции в отношении не вступивших в законную силу судебных актов, принятых судами субъектов РФ в качестве суда первой инстанции.

Идея выделения специализированных апелляционных судов в отдельный вид была позаимствована из системы арбитражных судов России ответственность которых распространяется на округа, не совпадающие с административно-территориальным делением Российской Федерации. Практика формирования арбитражных апелляционных судов показала, что формирование апелляционной инстанции как самостоятельной судебной структуры — апелляционного суда — существенно и положительно влияет на качество принимаемых судебных актов с точки зрения их законности, быстроты и качества [3].

Целями реформы являются, защита прав и свобод граждан, создание оптимальных условий для независимости судов от региональных органов власти, судебных инстанций, находящихся в одном здании суда субъекта Российской Федерации во избежание коррупции среди судебной корпусу. В юридическом сообществе давно велись дискуссии, насколько правильной является ситуация, когда в рамках одного суда объединяются несколько инстанций. На самом деле это создает достаточно серьезные препятствия для эффективной работы российской судебной системы. Поэтому неоднократно специалисты говорили о необходимости пересмотра сложившейся организации российского судопроизводства.

В соответствии с указанным законом в Российской Федерации были образованы 5 апелляционных судов общей юрисдикции в пределах территорий соответствующих судебных апелляционных округов. Так, Первому апелляционному суду общей юрисдикции отнесены западные регионы России, относящиеся к центральному Черноземью; Второму апелляционному суду общей юрисдикции отнесены Северо-Запад России, часть Урала и Западная Сибирь; Третьему апелляционному суду общей юрисдикции отнесены Юг России и Северный Кавказ; Четвёртому апелляционному суду общей юрисдикции отнесены территории Поволжья и часть Урала; Пятому апелляционному суду общей юрисдикции отнесена остальная часть территории России, расположенная восточнее Западной Сибири — это Юг Сибири, Восточная Сибирь и Дальний Восток.

По мнению Председателя ВС РФ Вячеслава Лебедева, критерием формирования судебных округов является до-

ступность правосудия и уровень нагрузки на судей, кроме того, экстерриториальный принцип максимально исключает возможность влияния региональных должностных лиц на осуществление правосудия [4].

Однако я полагаю, что в действующей схеме, в которой отражена территориальная подсудность новых апелляционных судов, существуют серьёзные недостатки, которые имеют все шансы создать определённые сложности по реализации одного из важнейших принципов гражданского судопроизводства, а именно доступности правосудия. В первую очередь стоит обратить внимание на непропорциональность деления судебных округов, на которые распространяются полномочия судов апелляционной инстанции.

По мнению Абдулвалиева А. Ф. формирование судебных округов подразумевает их равномерное расположение по всей территории государства с тем, чтобы обеспечить равноудалённость границ создаваемого территориального деления от центра [5]. Однако судебная реформа по созданию отдельных судов второй инстанции привела к тому, что практически 2/3 территории России закреплено за единственным Пятым апелляционным судом общей юрисдикции с центром в Новосибирске: это юг Сибири, Алтай, Восточная Сибирь и Дальний Восток. Помимо большого расстояния от удалённых региональных столиц до Пятого апелляционного суда существует большая разница в часовых поясах в данном судебном округе, что также осложняет проведение судебных заседаний как отметил Халилуин А. Г.

Отсюда вытекает следующий минус, а именно увеличение судебных расходов сторон в связи с территориальной удалённостью суда апелляционной инстанции от местонахождения нижестоящего суда, в котором было рассмотрено дело в первой инстанции, что в конечном счете негативно сказывается на доступности правосудия и может в последствии свести на нет непосредственность исследования доказательств. Организация проверочных инстанций в арбитражных судах, работающих в основном с бумагами, не может служить примером для судопроизводства по обычным гражданским делам, где правосудие невозможно без допроса свидетелей и живого общения со сторонами тяжбы.

Данную проблему возможно решить путем оптимизации работы систем видео-конференц-связи в судопроизводстве. Однако в настоящее время на практике как правило суды в большей части отказывают сторонам в удовлетворении ходатайства о проведении судебного заседания путем использования системы видео-конференц-связи, ссылаясь на отсутствие технической возможности. Вдобавок необходимо обратить внимание на количество созданных апелляционных судов общей юрисдикции. Возможно предложить увеличение количества апелляционных судов равному количеству кассационных судов общей юрисдикции, однако это потребует значительной траты финансовых средств из федерального

бюджета государства и поиска квалифицированных кадров.

Как мной уже было выше указано, задачей создания новых апелляционных судов общей юрисдикции является процесс разгрузки судов, в основном областных судов, где рассматриваются дела по первой инстанции, в апелляционном и кассационном порядке, что должно позволить более основательно рассматривать дела по существу и тем самым повысит качество и действенность принятых судебных решений. Впрочем, такое количество судебных инстанций в одном суде перегружает данные суды, снижая их результативность в отправлении правосудия.

Тем не менее, весьма сомнительно оценивать это как кардинальное решение проблемы поскольку количество дел, рассматриваемых судами субъектов РФ в первой инстанции, является незначительным в сравнении с мировыми судьями и районными судами.

Кроме того, вызывают вопросы к данной реформе перераспределение нагрузки между судами. Вопрос апелляционной инстанции в отношении мировых судей является открытым, поскольку апелляционной инстанцией являются районные суды, которые являются и первой и апелляционной инстанцией, соответственно они не занимают исключительно пересмотром дел различной сложности. Следовательно, нужно будет или создавать

новую структуру или передавать полномочия областным судам, что также может создать бюрократические проволочки.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы, о том, что проведённая судебная реформа, изменившая систему апелляционных судов, несмотря на наличие положительных аспектов в полной мере не соответствует принципам и требованиям гражданского судопроизводства. Она имеет недостатки, которые усложняют доступ граждан к правосудию, препятствуя реализации таких принципов как непосредственное участие в судебном заседании и устность судебного разбирательства не смотря на предпринятые меры. Кроме того, нынешнее количество апелляционных судебных округов является незначительным для территории Российской Федерации, а расположение самих же судов в городах является весьма неудобным для граждан, проживающих на удалённых для суда территориях. Поэтому для решения указанной проблемы и с учётом последующих судебных реформ на ближайшее время и на перспективу предлагается увеличить число апелляционных судов общей юрисдикции с равномерным их распределением по территории России, а также обеспечить суды технической возможностью проведения судебных заседаний путем использования систем видеоконференцсвязи.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 29.07.2018 N 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» и отдельные федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции». — Текст: электронный // КонсультантПлюс: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_303437 (дата обращения: 29.05.2020);
2. Поддубняк, А. А. Создание отдельных апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции: плюсы и минусы/А. А. Поддубняк, С. Ф. Феттаева. — Текст: непосредственный // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2019. — Т. 5 (71) № 2. — с. 301-306.;
3. Комарова, Т. А. Апелляция, кассация, надзор в гражданском судопроизводстве: правовая действительность и перспективы модернизации/Комарова, А. Т. — Текст: непосредственный // Вопросы российского и международного права. — 2015. — № 5. — с. 46-56.;
4. Обособленные апелляционные и кассационные суды начнут работу с октября. — Текст: электронный // Адвокатская газета Орган Федеральной палаты адвокатов РФ: [сайт]. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/obosoblennye-apellyatsionnye-i-kassatsionnye-sudy-nachnut-rabotu-s-oktyabrya/> (дата обращения: 29.05.2020);
5. Абдувалиев, А. Ф. География апелляционных судов общей юрисдикции в России: проблемы обеспечения доступа к правосудию при пересмотре уголовных дел/А. Ф. Абдувалиев. — Текст: непосредственный // Право и политика. — 2020. — № 4. — с. 59-69.

К вопросу о характеристиках рассеивания дроби № 3 при стрельбе патронами 12/70 с пыжом-контейнером и влияния на них некоторых типов дульных сужений гражданского гладкоствольного огнестрельного оружия

Царегородцев Борис Михайлович, студент

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

По официальным ведомственным данным Росгвардии, на современном этапе зарегистрированное гражданское оружие — это более 6,5 млн. единиц, из которых около 4,4 млн. — гладкоствольное, и свыше 900 тысяч — оружие с нарезным стволом [2]. Нередко это оружия бывает обращено против охраняемых законом благ — здоровья и жизни, собственности, порядка и безопасности. Данные обстоятельства и статистические сведения по применению и обороту оружия, структурированные по некоторым его видам в общем объёме преступности, проводимые экспертизы гражданского огнестрельного оружия, его боеприпасов и следов применения, свидетельствуют о том, что вопросы исследования такой разновидности огнестрельного оружия в аспектах следовой картины, образующейся при этом и имеющей криминалистическое значение, не могут утратить своей актуальности для практики правоохранительных органов.

В связи с этим, для решения некоторых диагностических вопросов баллистической экспертизы, а также для эффективного осмотра места происшествия, зафиксированного в материальной обстановке следы факторов выстрела, восстановления его картины, в том числе, для решения вопросов о направлении выстрела и месте расположения стрелявшего, большое значение имеет определение дистанции выстрела. Данный вопрос является одним из сложных, поскольку требуется учёт множества факторов события, каждый из которых оказывает влияние на слеобразование (наличие дульных сужений и насадок, плотность снаряжения патрона, тип пороха и его состояние, наличие и скорость ветра), среди них выделяют также выраженность следов дополнительных факторов выстрела на преграде [5]. Для такой разновидности гражданского огнестрельного оружия, как гладкоствольное дробовое, дистанция определяется специфично, что составило в основу проведённых экспериментов.

Ещё в 60-80-ых годах прошлого века для выяснения зависимостей между дистанцией выстрела и распределением дроби при поражении цели, важных для задач криминалистической практики, были проведены эксперименты, на основе которых составлены соответствующие справочные таблицы рассеивания дроби, учитывающие характеристики канала ствола (например, дульные сужения) и элементов снаряжения патронов (номер дроби, картечи), наличие дульных насадок и другие факторы [1]. Были разработаны приёмы определения дистанции по полной и неполной дробовой осыпи. Однако, с общим техническим развитием во многих отраслях производства,

науки и техники, неизбежным изменениям подверглось и снаряжение патронов к охотничьему оружию. Непрерывное совершенствование оружия, в том числе гражданского гладкоствольного и патронов к нему для целей повышения кучности боя, уменьшения освинцовки ствола привело к применению новых элементов снаряжения патронов, возникновение которых было отчасти обусловлено распространением ранее не использовавшихся материалов (полимеры), из которых сейчас, например, изготавливают пыжи-контейнеры. Их появление поставило задачу вновь уточнять характеристики дробовых осей и меры влияния на них указанных элементов снаряжения. Данный вопрос начал активно освещаться не так давно, а потому не теряет своей актуальности, к тому же, сочетание условий использования элементов снаряжения, их материалов (например, стальная дробь или свинцовая), самого оружия, вносит коррективы и создаёт оригинальность каждого эксперимента. На современном этапе некоторые аспекты данной темы становилась объектом рассмотрения учёных [4].

Задача нашего эксперимента — установить опытным путём характеристики дробовой осыпи на различных дистанциях, даваемые конкретным экземпляром оружия, сравнить их и выяснить влияние на них наличия дульных сужений в канале ствола при использовании пыжа-контейнера.

Условия: опыты проводились на дистанциях от 5 до 30 м с интервалом 5 м. Для стрельбы было использовано охотничье ружьё 12 калибра МР-27 ЕМ № 172722617 со сменными дульными сужениями (верхний ствол — чок, нижний — получок, верхний ствол переоборудовался заменой дульного сужения с чока на цилиндр). Эксперимент прошёл в условиях температуры окружающей среды 11 градусов Цельсия при влажности выше 50% и в безветренную погоду. Для стрельбы использовались заводские патроны 12/70 торговой марки «Элит» ООО СКМ «Индустрия», с навеской дроби № 3, дающей среднюю массу патрона 32 г. Одно из условий эксперимента — использование гильзы меньшей (70 мм) длины, чем патронник оружия (76 мм), предназначенный для стрельбы патронами повышенной мощности (магнум, супер магнум), т. е., по сути, патрона-заменителя, что является обычным для практики применения такого оружия. Впоследствии предполагалось сравнить полученные данные с результатами экспериментов с штатным для данного оружия патроном (12/76), снаряжённым элементами с аналогичными характеристиками (дробь № 3). Однако, выполнить

это не представилось возможным в виду отсутствия материальной базы эксперимента. Полагаем, что в последующем результаты проведённого исследования могли бы стать основанием для продолжения эксперимента.

Ход эксперимента: мишени, изготовленные соединением малярной лентой двух полос обоев с шириной каждой 0,53 м и имеющие после подготовки размеры 1,2х1 м (и для стрельбы из ствола с поперечным сечением цилиндр на дистанциях 20, 25 и 30 м — 1,5х2 м), крепились канцелярскими кнопками к двум вертикальным рейкам и были установлены белой стороной (без рисунка) в направлении к позиции стрелка, уступом на 6 рубежах с интервалом 5 м.

Стрельба производилась сначала из верхнего ствола оружия, закреплённого в устойчивом положении с помощью устройства для пристрелки, позволяющего регулировать высоту оружия и положение ствола в горизонтальной и вертикальной плоскости. В каждую из мишеней произведено по одному выстрелу, затем, они заменялись на чистые и следовало ещё две серии выстрелов (всего три серии для одного ствола по шесть выстрелов в каждой). После чего те же действия последовали и при стрельбе из нижнего ствола оружия. В последнюю очередь была заменена дульная насадка верхнего ствола после его чистки

(для обеспечения наилучшей стыковки поверхностей), на другую, придающую каналу ствола цилиндрическое сечение, и из него аналогичным образом были произведены выстрелы (всего $3 \cdot 6 + 3 \cdot 6 + 3 \cdot 6 = 54$ выстрела), при этом на дистанциях 20, 25 и 30 м устанавливались мишени размерами 1,5х2 м, поскольку ствол без сужения (цилиндр) давал ощутимо большие размеры осыпи уже на ближней (5 м) дистанции. У полученных осей, включавших около 125 до 138 дробинок, с помощью рулетки с точностью до одного сантиметра измерялись параметры. Использовался способ Б. Н. Ермоленко [3]: измерялись наименьший и наибольший размеры осыпи без учета 3-4% повреждений (что, при указанном наибольшем количестве дробинок в патроне составляет около 5-6 повреждений), наиболее удалённых от основной массы сквозных пробоин. Применение способа измерений наглядно продемонстрировано на рис. 1.2 на примере мишени, имеющей следы сквозных повреждений дробовой осыпью при выстреле из ствола с сужением «чок» с дистанции 20 м (см. рис. 1):

Результаты проделанных измерений в последовательности и количестве, описанном ранее, сведены в таблицу 1.

Табличные числовые данные отражают помимо размеров осыпи наличие в ней зоны компактного дей-

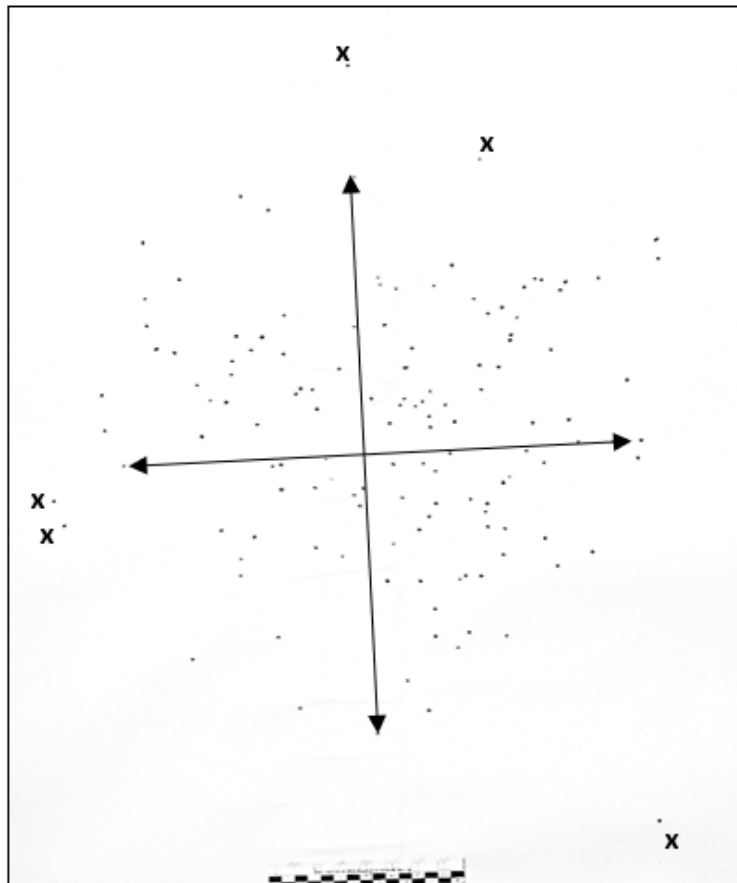

Рис. 1. Определение размеров осыпи: x — повреждения, не принимаемые в расчёт (на примере мишени с повреждениями с дистанции 20 м из ствола «чок»)

Таблица 1. Размеры осыпей дроби № 3, выстрелянной из патрона с пыжом-контейнером, в зависимости от дистанций и типа дульного сужения

Дистанция, см	Размеры осыпи, см				Наличие и размеры зоны компактного действия дроби, см		
	Выстрел	Ч	ПЧ	Ц	Ч	ПЧ	Ц
500	1	11x7	13x10	17x15	3x ² ,5	2x1,5	0,5x0,5
	2	10x6	14x9	18x14	3x4	2x1	0,5x1
	3	12x7	13x10	18x16	3,5x ³	1,5x1	0,5x0,5
1000	1	17x13	22x16	38x36	2x1	1x0,5	нет
	2	17x14	22x17	39x37	2x ²	1x1	
	3	18x13	21x16	40x36	2x1,5	1x1	
1500	1	31x25	41x35	60x54	нет		
	2	31x27	40x38	62x56			
	3	30x25	41x38	63x53			
2000	1	46x40	58x52	70x62			
	2	44x39	56x50	69x61			
	3	46x42	58x54	72x62			
2500	1	63x52	70x63	80x72			
	2	62x56	69x64	81x71			
	3	62x55	70x64	81x72			
3000	1	75x68	84x74	94x88			
	2	74x68	84x72	95x88			
	3	75x67	83x73	95x89			

Примечание к Таблице 1: обозначения чока, получока и цилиндра соответствуют сокращениям Ч, ПЧ и Ц, приведённым в таблице.

ствия дроби и её параметры. Компактное действие дроби для чока и получока при стрельбе из данного оружия патронами с пыжом-контейнером и дробью № 3 сохраняется на дистанции 10 м, (при этом для чока наибольший размер зоны компактного действия получился в два раза больше, чем для получока, что закономерно обусловлено характеристиками сужений), тогда как при отсутствии дульного сужения (цилиндр) наблюдается только на дистанции 5 м,

и соответственно, ближе, имея при этом минимальные из представленных значений на указанной дистанции.

Анализируя полученные результаты, выписали наибольшие и наименьшие размеры осыпи дроби для конкретных дистанций и дульных сужений в виде интервала значений в отдельную табл. 2 и нашли среднее арифметическое размеров осыпи, соответствующее числу под интервалом:

Таблица 2. Обобщённый интервал значений наибольших и наименьших размеров осыпи дроби для указанных дистанций и типов сужений

Дистанция, см	Размеры осыпи, см			Наличие и размеры зоны компактного действия дроби, см		
	Ч	ПЧ	Ц	Ч	ПЧ	Ц
500	6-12 8	9-14 11,5	14-18 16	2,5-4	1-2	0,5-1
1000	13-18 15,5	16-22 19	36-40 38	1-2	0,5-1	нет
1500	25-31 28	35-41 38	53-63 58	нет		
2000	39-46 42,5	50-58 54	61-72 66,5			
2500	52-63 57,5	63-70 66,5	71-81 76			
3000	67-75 71	72-84 78	88-95 91,5			

Результаты, представленные в табл. 2, наглядно изображены на рис. 2-4 в виде графиков зависимостей установленных величин, позволяющих оперативно опреде-

лять дистанцию выстрела по наибольшим и наименьшим параметрам дробовой осыпи:

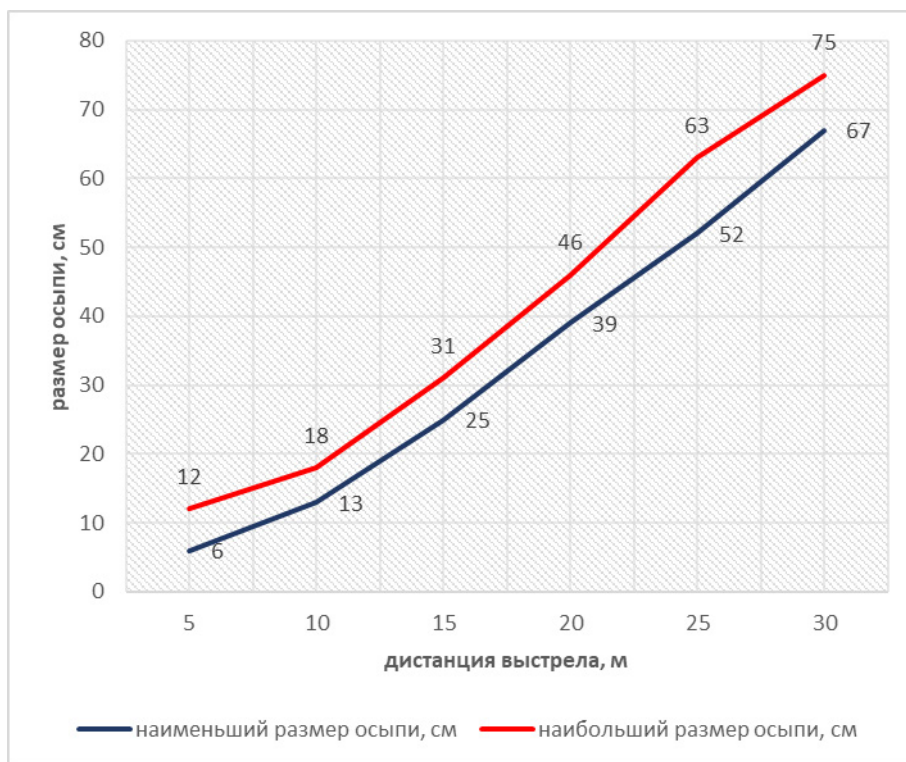

Рис. 2. Зависимость размеров осыпи от дистанции при стрельбе патронами с пыжами-контейнерами дробью № 3 (чок)

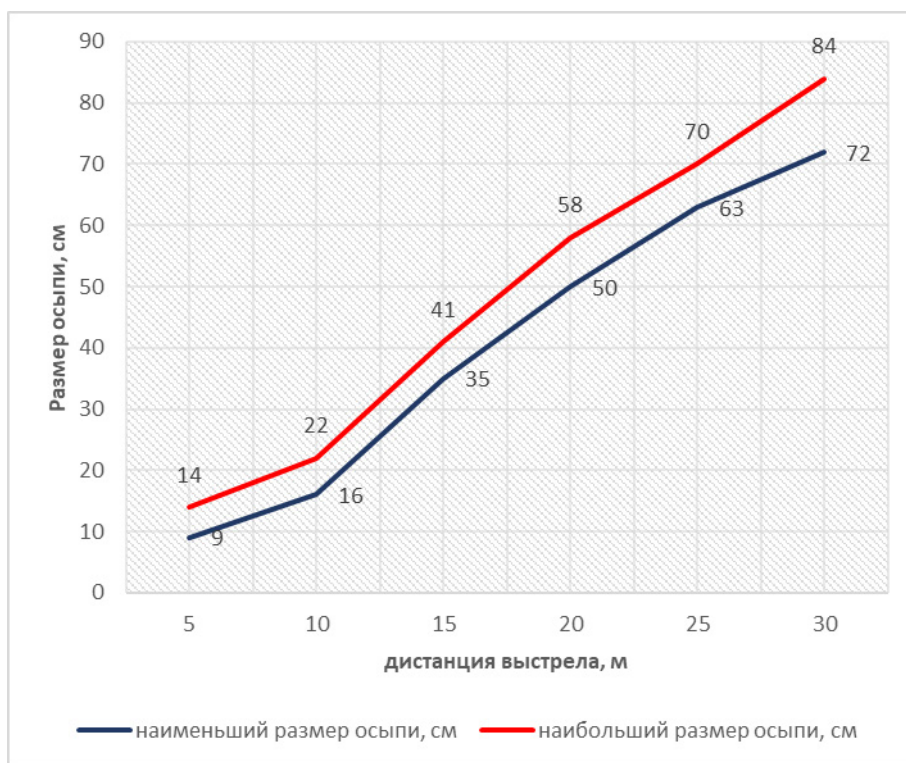

Рис. 3. Зависимость размеров осыпи от дистанции при стрельбе патронами с пыжами-контейнерами дробью № 3 (получок)

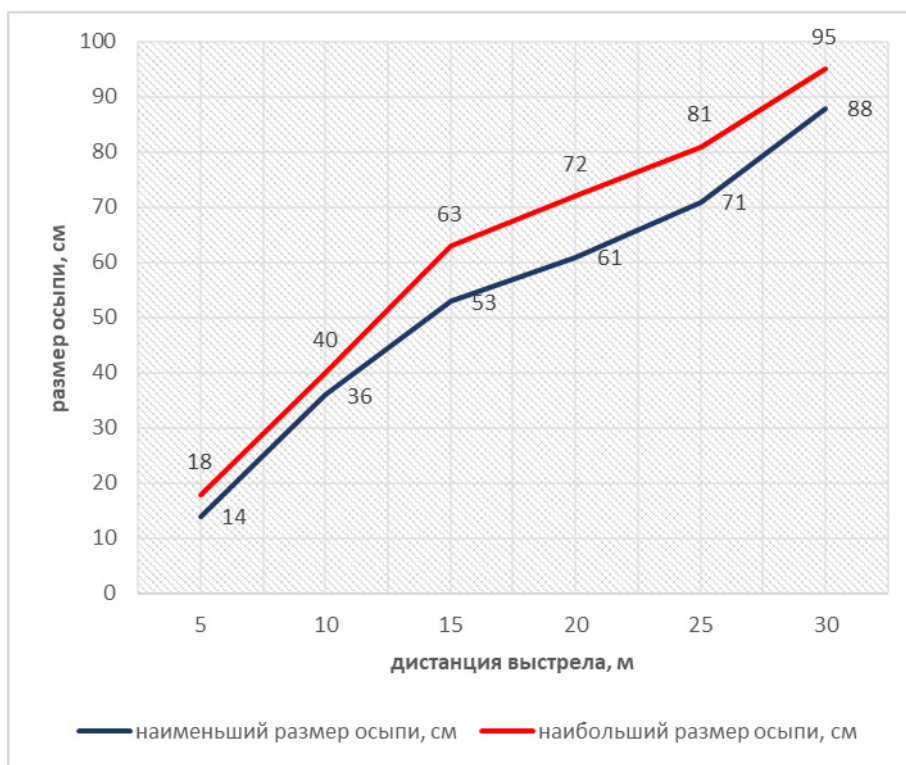

Рис. 4. Зависимость размеров осыпи от дистанции при стрельбе патронами с пыжами-контейнерами дробью № 3 (цилиндр)

Приведённые данные графиков, отражающих наибольшие и наименьшие значения параметров осыпи в зависимости от дистанции выстрела и типа дульного сужения, позволяют также диагностировать по ним наличие того или иного типа дульного сужения в стволе, из которого произведён выстрел.

Выяснив средний размер рассеивания, можем рассчитать превышение рассеивания при стрельбе с одним дульным сужением относительно другого. Для того, чтобы установить превышение рассеивания дроби на конкретной дистанции, например, для получока, вы-

числяется отношение разности между средними значениями размера осыпи для получока и чока к среднему значению размера осыпи для чока. Т. е., с имеющимися буквенными обозначениями, можно записать следующим образом: $\frac{(ПЧ-Ч)}{Ч} * 100$ — превышение рассеивания (%). Отношения превышения рассеивания дроби при стрельбе из ствола оружия с цилиндрическим сечением над значением для стрельбы из ствола с чоковым сужением и другие рассчитываются аналогично. В результате получили следующие значения, представленные в таблице 3:

Таблица 3. Средние значения размеров рассеиваний при стрельбе патронами с пыжами-контейнерами дробью № 3 из стволов с дульными сужениями чок, получок и цилиндром и превышение рассеивания

Дистанция, см	Средний размер рассеивания, см			Превышение рассеивания, %		
	Ч	ПЧ	Ц	ПЧ над Ч	Ц над Ч	Ц над ПЧ
500	8	11,5	16	44	100	39
1000	15,5	19	38	22	145	100
1500	28	38	58	36	107	52
2000	42,5	54	66,5	27	56	23
2500	57,5	66,5	76	16	32	14
3000	71	78	91,5	9	29	17

Из приведённых данных, кроме очевидного, что средний размер осыпи увеличивается с дистанцией для всех типов сужений и наибольшее превышение рассеивания заметно для цилиндра над чоком, можно заметить закономерность к снижению значений превышения рассеивания для всех

рассмотренных типов сужений с увеличением дистанции, неизменно наблюдаемую в интервале от 15 до 30 м для дульных сужений чок и получок, а в интервале 15–25 метров также и для ствола, равномерного по диаметру на всём протяжении от патронника до дульного среза.

Проведённое исследование позволяет определять дистанцию выстрела при известном калибре и модели оружия в указанных условиях по размерам дробовой осыпи, что немаловажно для экспертной практики и деятельности специалиста-баллиста на месте происшествия либо диагностировать характеристики канала ствола на предмет наличия определённого дульного сужения при известной дистанции выстрела, что несколько сужает круг искомых объектов при отсутствии оружия. Кроме того, эксперимент открывает возможности для дальнейшего исследования оценки влияния на рассеивание дроби стрельбы штатным патроном 12/76 и сравнения новых данных с полученными нами характеристиками, перспективно также сравнение полученных параметров дробовых осей с их размерами при стрельбе в режиме отсутствия в дульной части стволов сменных дульных сужений типа чок и по-

лучок с задачей оценки влияния этого условия на результаты. Можно предположить, что при использовании патронов без снаряженных контейнеров образовавшееся расширение будет работать, как дульная насадка, способствуя увеличению размеров осыпи.

Итак, полученные данные могут быть использованы для внесения поправок и уточнения уже имеющихся данных с учётом конкретных условий эксперимента, применены в диагностических судебно-экспертных исследованиях гражданского огнестрельного оружия и работе специалиста на месте происшествия, а именно, для установления дистанции по дробовой осыпи при рассмотренных условиях, а также использованы в качестве базовых и сравнительных характеристик при проведении исследований по обозначенным перспективным направлениям.

Литература:

1. Артамонов, М. С. Определение дистанции выстрела из охотничьих гладкоствольных ружей и обрезов из них по рассеиванию дробового снопа // *Экспертная техника*. М.: Изд-во ЦНИИСЭ, 1967, Вып. 22. с. 14–32.
2. В 2018 году Росгвардия изъяла из оборота более 181 тыс. единиц гражданского оружия [Электронный ресурс] / URL: <https://pnp-ru.turbopages.org/s/pnp.ru/social/v-2018-godu-rosvardiya-izyala-iz-oborota-bolee-181-tys-edinic-grazhdanskogo-oruzhiya.html>
3. Ермоленко, Б. Н. Определение расстояния выстрела из дробового оружия и кинетической энергии снаряда. Киев, РИО МВД УССР, 1974. — 52 с.
4. Погребной, А. А. Характеристика повреждений дробью № 3 при стрельбе современными охотничьими патронами 12 калибра с дистанций от 5 до 50 м // *Вестник Московского университета МВД России*. 2015. № 10. с. 266–272.
5. Юматов, В. А. Судебно-баллистическая экспертиза: учебник / Юматов В. А., А. В. Полякова. — Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2019. — 415 с.

Фиксация и оценка хода и результатов осмотра места происшествия

Цилин Алексей Александрович, магистр
Тюменский государственный университет

Фиксация — неразрывная и составная часть соби- рания доказательств. Она должна осуществляться параллельно с их обнаружением. Способы фиксации информации разнообразны. Например, С. А. Шейфер выделял следующие группы:

- 1) знаковая или вербальная форма фиксации;
- 2) предметная форма;
- 3) наглядно-образная форма. [1, с. 111]

Наряду с данными формами фиксации Р. С. Белкин в «Курсе криминалистики» называет еще графическую, что вполне закономерно, например, при составлении графического плана осмотра места происшествия. Ю. Н. Соколов полагает, что «с учетом развития информационных технологий следует выделить электронную (цифровую) форму фиксации информации, которая объединяет вышеназванные формы и может содержать в себе различные их комбинации» [2, с. 26].

Главным средством фиксации является протокол осмотра места происшествия — протокол следственного действия. Он составляется в ходе следственного действия или непосредственно после его окончания (ч. 1 ст. 166 УПК РФ).

Как полагает А. С. Князьков, «составление протокола осмотра места происшествия является уголовно-процессуальным требованием, в силу чего данный письменный акт единственно отражает юридический факт, свидетельствующий о производстве следственного действия. Протокол является универсальным средством фиксации хода и результатов следственного действия, поскольку информация отражается в нем с помощью знаков письменной речи, создающих широкие возможности описания закреплять практически любую информацию об объектах окружающего мира, отсутствующие при использовании факультативных средств фиксации. Поэтому он служит основным средством фиксации факта, хода и результатов

следственного действия». [3, с. 324] Возможно, как непосредственное, так и опосредованное описание.

Непосредственное описание — отражение результатов непосредственного наблюдения или измерения. Оно может быть полным и фрагментарным.

Опосредованное описание также осуществляется следователем. Но «для последующего непосредственного и любого опосредованного описания запечатленные признаки объекта должны быть воспроизведены, ибо они не будут доступны для описания. При последующем непосредственном описании такое воспроизведение носит мысленный, как правило, образный характер. Следователь мысленно представляет признаки объекта описания и фиксирует их. При опосредованном описании только одного мысленного представления уже недостаточно, поскольку образ объекта возникает у другого лица. Информация, содержащаяся в этом образе, должна быть передана следователю источником информации». [4, с. 150]

Относительно процессуальной формы составления протокола осмотра места происшествия следует заметить, что перечень обязательных требований зафиксирован в ст. ст. 166 и 180 УПК РФ:

1) ст. 166 УПК РФ содержит перечень обязательных требований, предъявляемых к протоколу любого следственного действия;

2) ст. 180 УПК РФ регламентирует порядок составления протоколов осмотра и освидетельствования.

Так, согласно ч. ч. 2 и 3 ст. 180 УПК РФ, в протоколе осмотра места происшествия на первоначальном этапе должны быть описаны все действия следователя, а также все обнаруженное при осмотре в той последовательности, в какой производился осмотр, и в том виде, в каком обнаруженное наблюдалось в момент осмотра.

В протоколе должны быть перечислены и описаны все предметы, изъяты при осмотре. Также в протоколе должно быть указано, в какое время и в каком освещении производился осмотр, какие технические средства были применены и какие получены результаты, какие предметы изъяты и опечатаны и какой печатью, куда направлены после осмотра предметы, имеющие значение для уголовного дела.

Протокол осмотра места происшествия имеет три части: вводную, описательную и заключительную. Согласно ч. 2 ст. 166 УПК РФ, протокол может быть не только изготовлен с помощью технических средств, например, компьютера, но написан от руки. Все стенограммы, стенографические записи, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи хранятся при уголовном деле.

Во вводной части протокола указывается то, что зафиксировано в ч. 3 ст. 166 УПК РФ, а также другие необходимые сведения:

— место и дата производства следственного действия, время его начала и окончания с точностью до минуты;

— должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол;

— фамилия, имя и отчество каждого лица, участвовавшего в следственном действии, а в необходимых случаях его адрес и другие данные о его личности;

— статьи УПК РФ, которыми руководствовался следователь и в соответствии с которыми он и составил протокол и др.

В описательной части указывается все, что было обнаружено при осмотре.

Одной из трудностей для следователей при проведении осмотра места происшествия, является полное и правильное описание различных объектов, имеющих значение для расследования преступлений. Проведенные исследования показали, что большая часть следователей испытывают существенные трудности при описании предметов и следов, имеющихся на месте происшествия. Среди прочих причин этого они называют отсутствие научных разработок, справочников и альбомов, которые бы содержали примеры типовых описаний и, что особенно важно, перечень признаков, которые имеют доказательственное значение или будут способствовать идентификации предмета и, соответственно должны быть зафиксированы в протоколе следственного действия.

В криминалистической литературе встречается немало рекомендаций и правил описания объектов, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия. Однако подавляющее большинство подобных рекомендаций либо недостаточно конкретны, либо не учитывают реальности современного мира. В большинстве рекомендаций достаточно подробно перечисляется, что должно быть описано, а не как это необходимо сделать.

Достаточно подробные рекомендации встречаются лишь по описанию объектов традиционных криминалистических или судебно-медицинских экспертиз. Но, во-первых, эти рекомендации больше предназначены для экспертов, а не следователей, а во-вторых, они не охватывают всего многообразия объектов, которые приходится описывать следователю при осмотре места происшествия.

Таким образом, разработка методических рекомендаций по описанию в протоколе осмотра места происшествия различных объектов является одной из актуальных задач. Одним из важнейших составляющих описания объекта с целью его фиксации в материалах уголовного дела является выделение оптимальной системы признаков фиксируемого объекта. Это связано с тем, что любой объект воспринимается и опознается (идентифицируется) нами именно через систему признаков. И при словесном описании мы можем фиксировать только признаки объекта. Соответственно выделение необходимого набора признаков и их правильная фиксация является основой полноты и объективности описания объекта.

Очевидно, что целесообразно фиксировать в протоколе именно те признаки, которые отражают определенные свойства объекта. Признак может соответствовать свойству или группе свойств объекта, или одно свойство может быть сопоставлено с несколькими признаками. При этом под свойством объекта чаще всего понимают то,

что характеризует какую-либо его сторону, либо его взаимоотношение с другими объектами или явлениями.

«Признак» в криминалистике трактуется по-разному. Например, В. Я. Колдин под признаком в криминалистике понимает «объективное отражение свойства объекта, являющееся первоначальным материалом исследования». И. М. Лузгин «объективное отражение свойств предмета, выражение его реальных свойств, позволяющих отличить данный предмет от всех других». С. М. Потапов писал: «Свойства объекта являются его объективными признаками, устойчивостью которых определяется «устойчивое наличие» и самого объекта». [5, с. 233]

Мы не будем вдаваться в полемику по этому вопросу и присоединимся к мнению Р. С. Белкина и Ю. Г. Корухова и будем считать признак носителем свойств объекта.

При построении системы признаков с целью разработки рекомендаций по описанию объектов в протоколе осмотра места происшествия необходимо учитывать, что выделение системы фиксируемых признаков должно проводиться с учетом того, что в идеальном случае в целях решения задач расследования преступлений описание должно индивидуализировать фиксируемый объект. Соответственно, должны быть указаны именно те признаки, которые позволяют выделить из окружающего мира именно данный объект. Такие признаки в криминалистике называют идентификационными признаками.

К идентификационным признакам относятся признаки объекта, существенные для его идентификации. Следует учитывать, что существенные признаки объекта и признаки, существенные для его идентификации, — не совпадающие понятия. В логике существенным считается признак, «который необходимо принадлежит предмету при всех условиях, без которого данный предмет существовать не может и который выражает коренную природу предмета и тем самым отличает его от предметов других видов и родов». Однако из этого следует, что это признак, который присущ целой группе (роду) объектов, но не характеризующий его индивидуальность. Вследствие этого для фиксации должна быть выбрана система признаков, существенная именно для идентификации объекта.

С другой стороны, наиболее часто встречающимися являются именно существенные признаки объекта, т. е. признаки, определяющие его групповую принадлежность, поскольку именно при их отсутствии объект перестает быть самим собой. Индивидуальные же признаки, присущи только одному объекту. Очевидно, что при разработке рекомендаций практически невозможно учесть всего многообразия индивидуальных признаков. В этом случае рекомендации могут носить только самый общий характер. Отсюда следует, что в рекомендациях по описанию объектов особое внимание должно быть уделено фиксации общих или групповых идентификационных признаков. Однако указанное не исключает возможности разработки рекомендаций по описанию частных идентификационных признаков. Это возможно в том случае, если есть возможность выделить закономерности, лежащие в основе их воз-

никновения. Так, например, рисунок папиллярных линий индивидуален, но система частных признаков, используемых для идентификации относительно постоянна. Это слияние и расхождение линий, «глазки», «мостики» и т. д. Очевидно, что можно учесть эти признаки, дополнив указанием на место их расположения. Еще одно замечание по поводу выделения системы признаков. В процессе расследования фигурируют не только материальные объекты, но и их следы. Это вызывает необходимость при описании следов использовать такие признаки объектов, которые отображаются в следах, и которые можно четко выявить в них. Так, например, шрам на теле жертвы. И соответственно, при описании это должно быть обязательно зафиксировано. Однако, при описании следа для следователя это обозначение оказывается недоступно, поскольку в следе эти обозначения не отображаются.

Таким образом, в рекомендациях по описанию следов должны быть указаны, те признаки объекта, которые закономерно отображаются в следах, оставляемых данным объектом.

К качественным относят признаки, которые описываются только с помощью терминов. Количественные признаки составляют результаты измерений степеней выраженности различных свойств объектов. В рекомендациях по описанию должны найти отражение как те, так и другие виды признаков. [6, с. 55] Таким образом, анализ уголовно-процессуального законодательства и практики его применения позволяет выделить основной и дополнительные способы фиксации данных в ходе осмотра места происшествия.

В соответствии с требованием уголовно-процессуального законодательства основным средством фиксации хода и результатов проведения следственного действия является протокол.

К числу дополнительных способов фиксации хода и результатов осмотра места происшествия относятся установленные уголовно-процессуальным законом носители информации в виде фотографических негативов и снимков, кинолент, диапозитивов, фонограмм, кассет видеозаписи, носителей компьютерной информации, чертежей, планов, схем, слепков и оттисков следов. Выделение этих способов основано на существовании различных форм фиксации информации и вообще доказательственной в частности. К таким формам относятся знаковая, графическая, наглядно-образная и предметная. Соответственно, каждый способ фиксации хода и результатов следственного действия корреспондирует с той или иной формой фиксации информации.

Представляется, что составление планов, схем и чертежей должно подчиняться тому же правилу необходимости, о котором говорилось выше. Ещё одним средством дополнительной фиксации является оформление в качестве приложения к протоколу осмотра места происшествия фототаблицы. Некоторые авторы указывают, что на заключительной стадии осмотра места происшествия оформляется фототаблица.

В последнее время стали указывать «таблица изображений». Такая возможность определяется и процессуальным законодательством. Хотя прямого указания на такой документ, как фототаблица (таблица изображений), в УПК РФ нет.

В то же время в ч. 8 ст. 166 УПК РФ указывается: «К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия, а также электронные носители информации, полученной или скопированной с других электронных носителей информации в ходе производства следственного действия». Возможность оформления фототаблицы (таблицы изображений) в данном тексте, как видится, предусмотрена наличием таких сочетаний, как «...фотографические негативы и снимки...».

Хотя представляется, что логичнее было бы изменить последовательность изложения терминов «...снимки и фотографические негативы...», поскольку в фототаблицу вклеиваются фотографии, к каждой из которой должен прилагаться негатив, с которой она напечатана, т. е. негатив как таковой — приложение к фотоснимку. Представляется, что приложение негатива предусматривается для решения возможных вопросов о достоверности и подлинности представленной фотографии.

К возможности приложения фототаблицы (таблицы изображений) следует отнести из указанной части и сочетание «...электронные носители...». То есть приложение негативов к фотоснимкам должно производиться в тех случаях, когда фотографирование производилось на фотоплёнку с последующим изготовлением снимков в рамках так называемого «мокрого процесса фотопечати», что в настоящее время практически не осуществляется. Электронные носители должны прикладываться к снимкам тогда, когда фотографирование производилось на цифровой фотоаппарат с последующим изготовлением снимков на принтере.

Не оспаривая возможность существования фототаблицы как дополнительного средства фиксации хода и результатов осмотра места происшествия, представляется необходимым рассмотреть вопрос, каким образом специалист-криминалист может оформить фототаблицу на ключевом этапе осмотра места происшествия. Если это изготовление снимков в рамках «мокрого процесса», то это практически невозможно, если только специалист-криминалист не приехал на осмотр на передвижной криминалистической лаборатории, которая имеет всё необходимое оборудование.

Имеющаяся на сегодняшний день практика оформления снимков как приложения к протоколу осмотра места происшествия полностью отошла от оформления фототаблиц в рамках «мокрого процесса», оставив в прошлом и само название «фототаблица». Последнее время к протоколу осмотра места происшествия прилагается «таблица изображений» или «таблица снимков», к которой в целом применяются правила оформления фототаблиц, изложенные

выше. Представляется, что «таблица изображений», которая оформляется уже в органах, осуществляющих предварительное следствие, может быть приложена к протоколу осмотра места происшествия, удостоверенная лишь подписью специалиста и следователя, поскольку лиц, присутствующих при осмотре места происшествия в качестве понятых на тот момент уже нет. Если же понятые находятся в ОВД, тот они могут удостоверить оформление фототаблицы своими подписями. В случае возникновения в последующем спорных вопросов в достоверности снимков в «таблице изображений», которая удостоверена только подписью специалиста и следователя, их решение может быть осуществлено путём допроса в качестве свидетелей понятых.

Фотографическая фиксация способствует более точному восприятию протокола, позволяют проверить объективность и полноту описания элементов обстановки, следов и других вещественных доказательств, восполнить пробелы в протоколе или уточнить отдельные его положения. Нередко при осмотре места происшествия возникают условия, при которых невозможно на одном снимке передать всю информацию об изучаемом объекте. Фотографирование таких объектов с удалённых точек обычными методами, если это возможно, приводит к низкой информативности получаемых снимков, а значит, по таким фотографиям нельзя будет оценить ни взаимное расположение предметов, ни их свойства. Избежать таких проблем призвана панорамная фотография [7, с. 30].

Эффективность осмотра места происшествия во многом зависит от правильного применения законов логики, использования таких общенаучных методов познания, как: наблюдение, измерение, сравнение, опыт, моделирование и описание.

Проблема фиксации доказательственной информации — одна из важнейших в комплексе проблем, связанных с изучением и использованием закономерностей собирания доказательств. Ее актуальность и важность объясняется тем значением (уголовно-процессуальным и криминалистическим), которое имеет фиксация доказательств в процессе доказывания, той ролью, которую значение фиксации доказательств играет как стимул развития, совершенствования ее средств и методов в криминалистической науке.

В целях повышения эффективности и точности фиксации обстановки места происшествия наряду с основным средством фиксации — протоколом необходимо использовать современные дополнительные средства и методы фотографической фиксации.

Конечно же, средства письменной речи весьма ограничены и не эффективны при описании отдельных деталей объектов, предметов и не могут максимально точно зафиксировать обстановку на месте происшествия в целом. Поэтому в современных условиях необходимо отдать предпочтение инновационным цифровым средствам и методам фотографической фиксации осмотра места происшествия, поскольку цифровые фотокамеры позволяют сделать практически неограниченное количество

фотоснимков с максимальной степенью детализации материальной обстановки места происшествия.

В литературе упоминаются преимущественно одни и те же случаи, при этом имеются различия в интерпретации. Так, по мнению ряда авторов, применение видеозаписи осмотра места происшествия наиболее обосновано, когда [8. с. 49]

1) осмотр начат до окончания фиксируемого события (например, пожар), когда изменения в обстановки продолжается;

2) необходимо устранить последствия происшествия, что влечет за собой изменения первоначальной обстановки;

3) обнаружение следов преступления, вещественных доказательств, связано с изменением обстановки;

4) необходимо отразить сложную динамику обстановки при использовании специальной терминологии, которую затруднительно описать в протоколе осмотра места происшествия;

5) следственное действие проводится в неблагоприятных метеоусловиях (снегопад, дождь и т. д.) и есть опасность утраты или повреждения следов преступления, что обуславливает необходимость их немедленной фиксации;

6) видеосъемка широко используется и при фиксации места происшествия при наличии на нем трупа, особенно это относится к открытой местности и к преступлениям, совершенным в условиях неочевидности. Если видеозапись места обнаружения трупа осуществляется на открытой местности, то после включения камеры в пояснении указывается местоположение данного участка и его характеристика (географическое название места, его расположение по отношению к ближайшему населенному пункту, шоссе, железнодорожной станции и т. п.).

Необходимо понимать, что отсутствие указанных обстоятельств не влечет бесполезность и не снижает значения применения видеозаписи в иных обстоятельствах, так же, как и наличие указанных обстоятельств, автоматически не влечет обязанности следователя применять видеозапись.

Осмотр места происшествия, произведенный с применением видеозаписи, будет иметь явное преимущество в объективности, наглядности и достоверности перед следственным действием, при производстве которого видеозапись не применялась.

Литература:

1. Шейфер, С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. — М., 1981. с. 111–112.
2. Холопов, А. Инновационные средства и методы фотографической фиксации места происшествия. //Законность. 2011. № 8. с. 25–29.
3. Князьков, А. С. Криминалистика: Курс лекций / Под ред. проф. Н. Т. Ведерникова. Томск., 2008. с. 324.
4. Криминалистика: учебник / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р., Россинская. М., 2007. С. 150.
5. Гросс, Г. Руководство для судебных следователей, как система криминалистики. М., 2012. с. 233.
6. Шувалов, М. Н. Типичные ошибки следователя на начальной стадии осмотра места происшествия // Российский следователь. 2014. № 20. с. 54–56.
7. Яновский, Р. С. Некоторые актуальные вопросы производства осмотра места происшествия в жилище // Российская юстиция. 2016. № 11. с. 61–63.
8. Феоктистов, А. Положение УПК об осмотре. //Законность. 2012. № 7. с. 48–49.

Проблемы реализации наследственных прав детьми-наследниками, зачатыми при помощи вспомогательных репродуктивных технологий

Цыбульская Анастасия Дмитриевна, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

В статье автор указывает на существующий ряд актуальных проблем при реализации наследственных прав детей-наследников, зачатых при помощи вспомогательных репродуктивных технологий.

Ключевые слова: суррогатная мать, ребенок, суррогатное материнство, потенциальный наследник, генетический родитель ребенка, процесс зачатия.

В современном обществе данная тема приобретает все большую значимость. Это связано с тем, что в последнее время возросло число детей-наследников, то есть детей, которые были зачаты при жизни наследода-

теля и родились после открытия наследства, в том числе в связи с развитием применения вспомогательных репродуктивных технологий (далее ВРТ).

С момента рождения первого в мире ребенка, зачатого с использованием одной из технологий, относимых к ВРТ — экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) прошло уже 40 лет (25 июля 1978 год, Англия).

Сегодня в мире уже насчитывается более 6 миллионов детей, рожденных благодаря базовой программе ВРТ — ЭКО, и каждый год на планете рождается более 30 тысяч таких детей.

Согласно данным, сегодня в России сотни тысяч детей зачаты *in vitro* — от латинского «в стекле».

Еще одной программой ВРТ является суррогатное материнство (при проведении этой программы используется базовая технология ЭКО) [3]. Что также, в свою очередь, способствует увеличению круга субъектов, затрагиваемых проблемой реализации наследственных прав детей-наследников.

И несмотря на то, что в Российской Федерации ЭКО стало реальностью, дающей жизнь большому количеству малышей, наше действующее законодательство содержит только 1 статью в ГК РФ, где поверхностно прослеживается связь с этим аспектом (ч. 1 ст. 1116 ГК РФ — о лицах, призываемых к наследованию).

Это говорит о том, что проблемы наследования детьми-наследниками в данном аспекте остаются совершенно неисследованными и нерешенными в науке и законодательстве в целом.

В данной статье рассматриваются одни из самых актуальных вопросов из множества выявленных нами проблем, а именно: вопрос о том, когда считать процесс зачатия состоявшимся и вопрос наследования, если суррогатная мать оставляет себе генетически не родственного ребенка.

Начнем с решения первой проблемы. Когда считать процесс зачатия состоявшимся? Есть два противоречивых мнения:

1. С момента соединения двух клеток *in vitro* — в пробирке;
2. С момента прикрепления к яйцеклетке суррогатной матери.

Согласно Медицинской энциклопедии (самый полный электронный справочник по медицине), зачатие (*conceptio*) — это возникновение беременности; включает оплодотворение яйцеклетки и имплантацию плодного яйца [4]. В связи с этим, с медицинской точки зрения, зачатие происходит в организме матери.

Другое толкование этого термина фигурирует в п. 1 ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: вспомогательные репродуктивные технологии — это методы лечения бесплодия, при применении которых отдельные или все этапы зачатия и раннего развития эмбрионов осуществляются вне организма матери [1].

Это означает, что Федеральный закон призывает нас придерживаться первой точки зрения — процесс зачатия считается состоявшимся с момента соединения двух клеток в пробирке.

Очевидно радикальное различие термина «зачатие» в праве и в медицине. На самом деле вопрос момента зачатия имеет большое практическое значение. Следовательно, потенциальный наследник в одном случае вполне может стать реальным, а в другом его право на наследство будет недействительным.

Например, если наследодатель умер, когда потенциальный наследник «был в пробирке», а законодатель исходил из медицинского определения, то он бы не вошел в круг лиц, которые могут призываться к наследованию. Определение, данное в вышеуказанном ФЗ, безусловно расширяет вероятность потенциальному наследнику, еще не прикрепленному к женскому организму, когда-то стать реальным и получить право на наследство.

Но, здесь появляется еще один спорный момент. Не нарушатся ли права других законных наследников, если данный потенциальный наследник (эмбрион), который на момент смерти наследодателя уже находился в пробирке, то есть был зачат, родится через 15 лет.

Следующая проблема — вопрос наследования, если суррогатная мать оставляет себе генетически не родственного ребенка. Это весьма дискуссионная тема, в связи с тем, что здесь возникает спорная ситуация с точки зрения соотношения морали и законодательного несовершенства.

Согласно п. 1 ст. 48 Семейного Кодекса РФ: материнством признается подтвержденный факт рождения матерью ребенка. То есть, исходя из этой нормы, по определению матерью является суррогатная мать, вне зависимости от того, что рожденный ребенок ей генетически не родственен.

Более того, запись генетических родителей ребенка в книге записей рождений возможна только после согласия суррогатной матери (абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ).

Однако, свою позицию по данному вопросу высказал Пленум Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16.

Абзацы 4 и 5 пункта 31 данного Постановления: при разрешении споров, возникающих в связи с применением ВРТ судам следует иметь в виду, что, если суррогатная мать отказалась дать такое согласие, то это не является безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска потенциальных родителей (о признании их родителями и передаче им ребенка на воспитание). Для правильного разрешения дела необходимо проверить, был ли заключен договор о суррогатном материнстве и на каких условиях, являются ли истцы генетическими родителями ребенка, по каким причинам женщина, родившая ребенка, не дала такого согласия, и только после установления всех обстоятельств по делу, и с учетом норм статьи 3 Конвенции о правах ребенка, судам следует разрешить спор в интересах ребенка [2].

В случае, если истцы не генетические родители ребенка, то здесь логично право суррогатной матери на ребенка (например, если ребенок был ей зачат до ВРТ).

По факту, если все же суд встает на сторону суррогатной матери, то ребенок будет наследовать после нее.

Но, договор суррогатного материнства нам представляется «договором возмездного оказания услуг». Если отно-

сдать этот договор к данному виду (законодательно договор суррогатного материнства не закреплен), то на практике может возникнуть вопрос о возможности одностороннего отказа. А в случае с вынашиванием ребенка это опять же не совсем правильно с морально-этической точки зрения.

По мнению М. В. Антакольской: «Во время беременности и родов проявляются материнские чувства, которые могут полностью изменить отношение суррогатной матери к ребенку и заключенному соглашению. Если бы она была юридически обязана передать ребенка людям, которые с ней договорились, это могло бы быть такой же ужасной потерей для нее, как и потеря ее собственного ребенка» [5].

На наш взгляд, все же необходимо законодателю попытаться регламентировать процесс договорных отношений потенциальных родителей и суррогатной матери. Ведь в таких серьезных моментах, как рождение ребенка при использовании ВРТ, не должно быть место эмоциям и качествам между тем, кто прав: генетические родители или суррогатная мать. Необходимо определиться.

По действующему законодательству в случае отказа сторон от исполнения договора, они просто должны компенсировать друг другу понесенные расходы (ст. 782 ГК РФ). Разве это соразмерная мера, в случае, когда речь идет о живом новорожденном человеке?

Безусловно, общество разделено на два лагеря: одни за права суррогатной матери, другие за права генетических родителей.

Думается, что законодатель уже попытался обезопасить генетических родителей, указав, что суррогатной матерью может быть женщина, имеющая уже хотя бы одного своего здорового ребенка. Но, конечно, материнские чувства при вынашивании не зависят от того, есть у нее уже дети или нет.

Однако, считаем, что в данные правоотношения вступают граждане осознанно и по собственной воле, поэтому суррогатная мать, подписывая договор и заведомо вынашивая чужого ребенка, обязана, по нашему мнению, после рождения передать его генетическим родителям. Так как их также можно понять. Это их родной ребенок и мысль о том, что у них отберут возможно последний шанс на рождение и воспитание ребенка (причем своего) представляется нам бесчеловечной. И как им жить с тем фактом, что их ребенок будет с неродственным ему человеком? Считаем, что для генетических родителей эта травма не меньше, а даже больше. Тем более, что данные услуги оказывались суррогатной матерью, как правило, на возмездной основе и с осознанием того, что она делает и должна будет сделать (передать ребенка генетическим родителям).

Мы предлагаем в первую очередь думать и заботиться о правах ребенка, не забывая о ст. 3 Конвенции о правах ребенка. Очевидно, что ВРТ и, в частности, использование услуг суррогатного материнства — процедура дорогостоящая. И люди идут на этот шаг осознанные, у которых есть на это возможность, и очевидно, все условия для благополучной дальнейшей жизни их ребенка.

Литература:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 263. 23.11.2011.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Российская газета. № 110. 24.05.2017.
3. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 № 107н (ред. от 01.02.2018) «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» // Российская газета. спецвыпуск. № 78/1. 11.04.2013 г.
4. Медицинская энциклопедия. Самый полный электронный справочник по медицине. // URL: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia/Зачатие. (дата обращения: 10.05.2020).
5. Антакольская, М. В. Семейное право. / 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юристъ. 2002. — 336 с.

Личность убийцы как ключевой элемент криминалистической характеристики серийных убийств

Чебанюк Юлия Евгеньевна, студент магистратуры;
Степаненко Диана Аркадьевна, доктор юридических наук, профессор
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

Статья посвящена понятию и психологической характеристике личности серийного убийцы, факторам её формирования. Рассмотрены взаимосвязь личности преступника с выбором способа совершения преступления, а также с выбором жертвы.

Ключевые слова: серийное убийство, личность серийного убийцы, психологические особенности личности преступника, жертва серийного убийцы, способ совершения серийного убийства.

Расследование серийных убийств — сложный и длительный процесс поисково-познавательной деятельности следователя, требующий больших временных, интеллектуальных, эмоциональных и волевых затрат. Традиционные методики расследования убийств малоэффективны, так как выстроенная в них типовая линейность: «личность жертв — способ совершения преступления — личность преступника» — не очевидна. Связи преступника с жертвой и способом совершения преступления могут долгое время оставаться неочевидными, мотивация преступления не укладывается в рамки обычного, и действия преступника сложно предугадать.

Начиная с 70-х годов прошлого столетия, феномен серийного убийцы стал представлять особый интерес для правоохранительных органов, нуждающихся в научных разработках, которые могли бы повысить эффективность и качество расследований серийных убийств. Данные преступления характеризуются особой жестокостью, в силу чего имеют высокую степень общественной опасности.

Личность преступника является ключевым элементом криминалистической характеристики серийного убийства, так как именно в этом элементе кроется особенность явления серийного преступления, именно в нем заключена разница между множественностью преступлений и серией однородных преступлений. Изучение личности преступника имеет первостепенное значение при расследовании убийств.

Формирование изучения личности как отдельного направления в криминалистике началось в 60–70 гг. прошлого века. Под криминалистическим изучением личности понимается установление криминалистически значимой информации, т. е. сведений об анатомических, биологических, психологических и социальных свойствах личности. Установление этих сведений необходимо для идентификации личности, решения тактических задач и установления фактической картины события преступления в процессе его раскрытия и расследования, а также использования в целях осуществления криминалистической профилактики [6, с. 11].

Понятие «личность преступника» в рамках криминалистики охватывает систему биологических (антропологических, анатомических, биохимических, функциональных), социальных (общегражданских, семейно-бытовых, профессиональных, антиобщественных) и психических (психологических, психопатологических) свойств человека, сведения о которых отражены в окружающей среде и могут оказать существенное влияние на организацию поисково-познавательной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений [6, с. 6–7].

Известный криминолог В. Я. Рыбальская определяет понятие личность преступника как совокупность негативных социальных и социально-значимых свойств и ка-

честв личности, которые при взаимодействии с внешними ситуациями подтолкнули данное лицо к совершению преступления [10, с. 127].

Исходя из сущности «серийного убийства», очевидно, что личность серийного убийцы очень специфична, так как данные преступления совершаются в условиях неочевидности и с разными промежутками во времени, с особой жестокостью, с определенным подходом к выбору жертвы и способа совершения преступления, а также тому внутреннему удовлетворению, которое лицо получает, совершив отдельный эпизод. При характеристике личности серийного убийцы необходимо учитывать факторы, которые способствовали формированию у лица устойчивого стремления совершать убийства одно за другим.

Зигмунд Фрейд, известный австрийский психолог, психоаналитик, основоположник психоанализа, был первым, кто попытался исследовать возникновение мотивов насильников и убийц. Он выдвинул предположения о том, что различные детские психологические травмы являются фундаментом для развития комплексов личности, которые впоследствии будут выступать мотиватором к совершению преступлений [9, с. 157].

Подавляющее большинство серийных убийц имеют психологические проблемы, связанные с детскими переживаниями, психологическими травмами, полученными от биологических или приемных родителей, сверстников и иного социального окружения. Во многих случаях такие травмы носят сексуальный характер, то есть влияют на нормальное развитие сексуальной сферы личности преступника [11, с. 46]. Известный российский психиатр, доктор медицинских наук, А. О. Бухановский считает, что серийные убийцы — люди зависимые, и эта зависимость заключается в том, что потребность в насилии носит патологический характер, насилие для них как наркотик [9, с. 157].

Можно выделить три причины формирования данного криминального поведения:

1. Органические патологии головного мозга. Данное состояние может быть вызвано либо наследственностью, либо возникновением патологий в пренатальный, перинатальный и постнатальный период (алкоголизм и употребление наркотических или психотропных средств матерью во время беременности, различные внутриутробные инфекции, травмы, затяжной стресс и простудные заболевания матери, обвитие пуповины, кислородное голодание плода и пр.). Также нельзя исключать травмы головного мозга, полученные в детстве и во время родов. В результате перечисленных травм и патологий возникают нарушения в зонах головного мозга, отвечающих за агрессию. Так, например, у А. Сливко было удушение пуповиной, у А. Чикатило была гидроцефалия, а А. Пичушкин в возрасте 4 лет упал с качели, в ходе чего

получил черепно-мозговую травму, начал путать буквы в словах.

2. Наличие пограничной психической патологии, обусловленной психопатическими проявлениями на фоне органического поражения центральной нервной системы, или расстройствами личности (психопатии).

3. Неблагоприятные социальные обстоятельства (различные гонения, например, в школе, во дворе) и негативный психологический климат в семье, оказывающие психотравмирующий эффект (жестокое обращение с ребенком, подавление личности в ребенке, эмоциональная отверженность, различное сексуальное насилие и инцесты, нарушение связи «родитель-ребенок»). Всё это влечет сдвиг нравственной составляющей в сознании ребенка, происходит нарушение первичной идентификации и сексуальная дезадаптация — нарушение влечений и способов удовлетворения своих сексуальных потребностей. Это способствует появлению и развитию садистических наклонностей, которые проявляются уже в раннем возрасте. Первыми жертвами будущих маньяков становятся домашние животные или младшие братья-сестры [1, с. 98].

Лишь у небольшого числа серийных убийц формирование криминальной агрессии обусловлено одним из перечисленных выше факторов. У большинства же преступников формирование криминальной агрессии определяется сочетанием всех названных факторов [7, с. 57].

Защитные механизмы психики работают таким образом, что не позволяют оставлять в памяти воспоминания о насилии и о жестоком обращении в детстве в том виде, в котором они воспринимались изначально. В таком случае, согласно теории психоанализа, происходит процесс перехода сознательного в бессознательное [9, с. 92]. Иными словами, в бессознательном хранятся все травмирующие воспоминания, которые психика подавила и не позволяет вспоминать — так психика защищает от стресса.

Триггером для первого убийства, т. е. ситуацией, запускающей механизм возникновения желания и побуждения найти жертву и убить её, может выступить: любое событие или предмет, имеющие отношение к прошедшему жизненному периоду или связанные с сильными эмоциональными переживаниями; слова и фразы, услышанные или сказанные в период эмоционального потрясения или имеющие иное отношение к личности; запахи, звуки и другие сенсорные раздражители, также вызывающие воспоминания.

О. А. Логуновой и Н. В. Дворянчиковым был проведен психологический анализ материалов уголовных дел по раскрытым серийным убийствам из архивов судов г. Москвы и Московской области, а также историй болезней лиц, совершивших данные преступления, из архива ФГБУ «ФМИЦПН имени В. П. Сербского». В качестве базовой типологической модели использовался подход дифференциации серийных убийц на «ситуативников», «силовиков»

и «сексуальных маньяков». Преступное поведение «ситуативников» формируется дефицитом комплекса личностных структур (интеллектуальных, эмоциональных, коммуникативных, ценностных, социально-ролевых), контролирующих реализацию агрессивных и сексуальных влечений, который вызван негативными социальными обстоятельствами и неблагоприятным психоэмоциональным климатом в семье. Криминальное поведение «силовиков» обусловлено дисгармонией личностных черт, связанной с пограничной психопатологией, которая в свою очередь вызвана. У «сексуальных маньяков» преступное поведение связано с фактором патологии сферы сексуальных влечений, вызванной органическими нарушениями головного мозга. Как было сказано ранее, представителей того или иного типа в «чистом» виде довольно мало, преобладает смешанный тип, характеризующийся совокупностью перечисленных факторов [7, с. 57].

Источник формирования преступного поведения у серийного убийцы также влияет не только на специфику психологических особенностей личности преступника (его биопсихические свойства, характер сексуального развития и сексуальных отношений с женщинами, сфера увлечений), его докриминального поведения (характер проявлений сексуальных и несексуальных девиаций, наличие различных парафилий), а также на его мотивацию, механизмы реализации преступной агрессии и особенности криминального поведения (выбор определенного типа жертв и особенности установления с ними контакта, механизм совершаемого преступления, способ совершения и степень планируемости преступления, характер сексуальных действий с жертвой, нанесений повреждений и манипуляций с телом жертвы).

При выборе жертвы серийный убийца ориентируется на определенный образ в своей голове — образ того, кто оставил психотравмирующий «след» в его жизни, проецирует этот образ во внешний мир и подбирает жертву согласно этому образу. Именно по этой причине каждая жертва для серийного убийцы — символ чего-то общего, символ того, от чего пострадала его психика. Данный критерий отбора жертв существует только в фантазии убийцы, в его подсознании.

Так, например, Д. Д. Рифкин в период с 1989 по 1993 гг. убил девять женщин, которые были либо проститутками, либо наркоманками. По его словам, убийства для него были формой мести своей биологической матери, которая была проституткой, а жертвы — символом этой матери [12, с. 264].

Также в качестве примера можно привести серии убийств, совершенных в Москве в конце прошлого века: жертвами данным преступлений явились мужчины возраста 20–40 лет разного социального поведения. В ходе осмотра места происшествия было выдвинуто предположение о том, что перед смертью жертвы собирались вступить с кем-то в половой контакт. Изучение личности жертв показало, что никто из мужчин не имел принадлежности к сексуальным меньшинствам. Исходя из этого,

круг поиска сузился до поиска лица женского пола с психическими аномалиями. Виновной в данной серии преступлений признали проститутку, которая таким образом мстила мужчинам [14, с. 73].

Помимо типа жертвы, психологическими особенностями личности так же обусловлен выбор способа совершения и орудия убийства, попытки скрыть тело жертвы, проведение постмортальных манипуляций, обстановка на месте совершения преступления, возможная ритуализация.

Понятие «способ совершения преступления» в криминалистике охватывает систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, которые определяются условиями внешней среды и совокупностью психических и физиологических свойствам личности преступника. [3, с. 131–133].

А. Н. Колесниченко в свою очередь отмечает, что способ совершения преступления детерминирован не столько объективными факторами, относящимися к условиям внешней среды, сколько субъективными, относящимися к личности преступника. То есть социально-психологическая структура личности преступника (знания, умения, навыки и привычки) составляет криминалистическую сущность и обусловленность способа совершения преступления [5, с. 10].

Способы совершения серийных убийств отличаются особой жестокостью и хладнокровием. Данный элемент криминалистической характеристики преступления несет в себе информацию о навыках серийного убийцы, о его физической силе, о мотивах совершения преступления. Как правило, выбранный способ совершения и орудие преступления едины для всех эпизодов. Данное обстоятельство формирует единый «почерк» совершения убийства, по которому можно идентифицировать преступника. Так, например, Ю. Цюман совершал удушения своих жертв, используя элементы нижнее белья жертвы, А. Чикатило наносил колотые повреждения молотком или ножом, Т. Банди и Д. Дамер совершали удушение своих жертв или удары тяжелым предметом по голове, С. Ряховский наносил своим жертвам колото-резаные раны или удушал. Серийные убийцы-женщины в силу невозможного физического превосходства над жертвой способом совершения преступления выбирают отравление.

Способ совершения преступления напрямую граничит с мотивом преступника при совершении деяния. Понятие «мотив» в криминалистике трактуется как внутреннее побуждение к той или иной деятельности, отображающее отношение лица, совершающего преступление, к объекту преступного посягательства [2, с. 35].

Базой совершения серийных убийств является получение сексуального возбуждения и удовольствие от процесса совершения убийства. При этом убийство не обязательно должно быть сопряжено с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера (например, А. Пичушкин, напрямую не контактировал сексуально со своими жертвами, как и «вашингтонский

стрелок» Д. А. Муххамад, который вообще не соприкасался с жертвами, производив выстрелы издали).

Целью серийного убийства может быть: подавление сопротивления, обездвиживание жертвы, получение доступа к телу жертвы, вымещение накопленных негативных эмоциональных переживаний по отношению ко всем женщинам или жизни в целом, наказание жертвы, получение сексуального возбуждения и оргазма от вида мучений умирающей жертвы либо возможности осуществления манипуляций с мертвым телом [7, с. 58].

Все серийные убийцы находят логическое обоснование совершаемым ими противоправным действиям, объясняют свои деяния путем оправдательных мотивов [13, с. 90]. Часто убийца, совершая преступление, полагает, что делает это во благо кого-либо или чего-либо. Так, например, «ангарский маньяк» М. Попков, жертвами которого стали более 80 женщин, называл себя «чистильщиком», полагая, что, совершая убийства, очищает город от распутниц. Таким образом, серийные убийства полимотивны, в силу чего сложны в выявлении, и в большинстве случаев преступник сам не осознает истинный мотив совершаемых им деяний.

Например, А. Чикатило, согласно своему психологическому портрету, составленному А. О. Бухановским, был некротомом, и получал сексуальное возбуждение от наблюдения за тем, как его жертвы мучаются и впоследствии умирают, поедая и выгрызая половые органы жертв [12, с. 265]. А. Пичушкин получал удовольствие и наслаждение от проведения тех манипуляций, которые производил с телом жертв: тяжелым массивным предметом разбивал голову и в открытую рану вставлял различные ветки, бутылки и иные предметы. А. Сливко был убийцей-педофилом, жертвами его были дети, которые под предлогом участия в постановочных сценах для приключенческих фильмов участвовали в тех действиях, которые порождала фантазия маньяка. От этого А. Сливко получал сексуальное возбуждение, после убийства трупы мальчиков он расчленял. Головки насиловал своих жертв, затем удушал или наносил смертельные ранения колющим предметом, а после совершал постмортальные манипуляции (вынимал внутренние органы, расчленял, отрезал половые органы, голову).

Использование колюще-режущих и иных предметов (трубы, стволы и ветки деревьев, палки, бутылки и пр.) в качестве орудия убийства также говорит о сексуальном мотиве преступника. Ведь с точки зрения психоанализа указанные предметы символизируются как фаллический символ, а их применение — доминирование и превосходство над жертвой [12, с. 265].

Таким образом, при расследовании серийных убийств особое внимание необходимо уделять изучению личности преступника, так как она довольно специфична, и все элементы криминалистической характеристики (личность жертвы, способ совершения преступления и т. д.) напрямую связаны с ней. Индивидуальные психологические особенности личности серийного убийцы отражают его внутренние побуждения, мотивы к совершению пре-

ступлений, типизацию выбора жертвы, механизма совершения преступления, а также его поведение после совершения убийства. Как правило, становление личности серийного убийцы обусловлено совокупность социальных факторов, наличия различных травм головного мозга

и психологических патологий. Учет психологических особенностей преступника является важным для процесса раскрытия и расследования серийных убийств, так как от него напрямую зависит мотив, способ совершения преступления, посткриминальное поведение преступника.

Литература:

1. Буткова, Т. А. Психологические особенности мотивационной сферы личности серийного сексуального убийцы / Т. А. Буткова. — Текст: непосредственный // *Философия права*. — 2016. — № 2. — с. 95–98.
2. Варданян, А. В. Мотивация тяжких насильственных преступлений против личности как основание для их криминалистической классификации. Типичные места совершения насильственных преступлений против личности / А. В. Варданян, Е. В. Говорухина. — Текст: непосредственный // *Юрист-правовед*. — 2015. — № 3. — с. 34–38.
3. Ильюк, Е. В. Психопатологический механизм общественно опасных действий лиц с психическими расстройствами как основа психологического портрета серийного преступника / Е. В. Ильюк. — Текст: непосредственный // *Lex Russica*. — 2016. — № 4. — с. 34–48.
4. Князьков, А. С. Криминалистическая характеристика преступления в контексте его способа и механизма / А. С. Князьков. — Текст: непосредственный // *Вестник Томского государственного университета. Право*. — 2011. — № 1. — с. 51–64.
5. Колесниченко, А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений / А. Н. Колесниченко. — Харьков, 1976. — 93 с. — Текст: непосредственный.
6. Криминалистическое изучение личности: научно-практическое пособие для магистров / отв. ред. Я. В. Комиссарова. — Москва: Проспект, 2016. — 224 с.
7. Логунова, О. А. Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов / О. А. Логунова, Н. В. Дворянчиков. — Текст: непосредственный // *Психология и право*. — 2019. — № 1. — с. 54–70.
8. Масалов, А. А. Нелюди. Самые знаменитые маньяки / А. А. Масалов. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 256 с. — Текст: непосредственный.
9. Милаева, М. Ю. Современный взгляд на криминологический портрет серийного убийцы / М. Ю. Милаева. — Текст: непосредственный // *Территория науки*. — 2018. — № 5. — с. 156–161.
10. Репецкая, А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология: Общая часть: Учебное пособие. — Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1999. — 240 с.
11. Соколов, Э. В. Введение в психоанализ. Социокультурный аспект / Э. В. Соколов. — СПб., 1998. — 320 с. — Текст: непосредственный.
12. Телешова, Л. В. Взаимосвязь и взаимозависимость свойств личности с механизмом и способом совершения преступлений / Л. В. Телешова, А. А. Протасевич. — Текст: непосредственный // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. — 2015. — № 2. — с. 257–267.
13. Телешова, Л. В. Особенности формирования структурной модели психики серийного убийцы / А. А. Протасевич, Л. В. Телешова, М. С. Сизова. — Текст: непосредственный // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. — 2018. — № 1. — с. 86–93.
14. Хлус, А. М. Теоретико-прикладные проблемы расследования серийных убийств / А. М. Хлус, Е. Ю. Кабариха. — Текст: непосредственный // *Журнал вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы*. — 2015. — № 37. — с. 72–73.

Проблемы признания должника-гражданина банкротом

Шипилова Алина Валерьевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Глава X Федерального Закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» введена относительно недавно, в 2015 году. Целью банкротства является

освобождение гражданина от долгов, однако такой исход не всегда встречается на практике. В законе четко установленные критерии по не освобождению должника от обяза-

тельств, однако на практике этот список только пополняется. Таким образом, образовалась проблема установления судом критериев для освобождения физического лица от долгов, или же принятие противоположного решения.

Институт банкротства представляет собой комплекс процедур, посредством которых восстанавливаются имущественные права должника, путем освобождения его от кредиторских обязательств. Сама процедура носит императивный характер, однако есть и диспозитивные нормы, например заключение должником мирового соглашения. Закон о банкротстве можно сравнить с уже имеющимися процессуальными кодифицированными законами, такими как ГПК, АПК, и т. д.

Освобождение от обязательств должника путем расчета с кредиторами является основной и главной целью закона о банкротстве. На это указано как в самом федеральном законе, так и в Постановлении пленума Верховного суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

На время процедуры банкротства действует третье лицо, которое имеет статус арбитражного управляющего. Статус управляющего меняется в зависимости от процедуры. Он прикрепляется судом к должнику и ведет процедуру от имени самого должника, проще говоря, является его законным представителем на время процедуры. Полномочия управляющего закреплены законом.

В институте банкротства физического лица выделяют следующие процедуры:

1. Реструктуризация долгов.
2. Реализация имущества.
3. Мировое соглашение.

После того, как должник рассчитался с кредиторами, арбитражный управляющий подготавливает полный отчет о своей деятельности в рамках процедуры, направляет его в суд и знакомит с ним всех лиц участвующих в деле.

Далее процедура завершается, выносится определение суда, и ставится вопрос об освобождении должника от обязательств или нет.

В законе указаны четкие критерии, согласно которым невозможно гражданина освободить от долгов. Так, в ст. 213.28 ФЗ от 26.10.2002 N 127 «О несостоятельности (банкротстве)» указаны следующие пункты:

1. Это неправомерные действия при банкротстве, в связи с которыми должника привлекли к уголовной или административной ответственности, а также в случае установления преднамеренного или фиктивного банкротства.

2. По банкротному делу суду или управляющему не передал, утаил, передал фальсифицированные сведения, и данные обстоятельства зафиксированы судебным актом.

3. А также иные действия гражданина по злостному уклонению от погашения кредиторской задолженности, мошенничество, уклонение от погашения налогов и сборов физических лиц, предоставление кредитору недостоверных сведений при получении денег, уничтожение или сокрытие имущества.

В силу вышеуказанного суд не может применить к должнику правила об освобождении гражданина от исполнения обязательств.

Однако, данные положения не являются исчерпывающими и на практике суды принимают во внимание совершенно иные обстоятельства, так в определении Арбитражного суда Саратовской области от 31.05.2018 г. по делу № А57-7664/2016 установлена недобросовестность поведения гражданина-должника по следующим критериям:

1. Соккрытие дохода.
2. Массовый вывод и сокрытие имущества.
3. Соккрытие как кредиторов, так и настоящей кредиторской задолженности.
4. Не предоставление сведений суду.

Таким образом, суд сделал однозначный вывод, что цели и поведение гражданина влияют на исход всей процедуры банкротства. Добросовестному гражданину-должнику предоставляется возможность освободиться от чрезмерных долгов, с учетом его реальных возможностей погашения, а у кредиторов должна быть возможность удовлетворения их интересов, данный вывод также следует из Постановления Пленума ВС РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

На практике я столкнулась с тем, что к понятию злостного уклонения от погашения задолженности приравнивают длительное отсутствие официального дохода, а также изучение момента образования задолженности.

Например: в определении Арбитражного суда Ростовской области от 07.03.2017 по делу № А53-1344/2016 причиной не освобождения должника от обязательств указано следующее:

1. Увольнение должника с последнего места работы и долгое время не трудоустроившись притом, что прослеживалось активное использование банковских карт при отсутствии постоянного места работы, то есть теневой доход.
2. Нарастивание кредиторской задолженности путем заключения кредитных договоров, это уже как следствие отсутствия официального дохода.
3. Отсутствие у должника официального места работы и непринятие мер к трудоустройству, таким образом, намеренное уклонение от погашения кредиторской задолженности.

В данных пунктах не отражено наращивание кредиторской задолженности, так например: определением Арбитражного суда Липецкой области от 27.03.2018 по делу № А36-7440/2017 причиной не применения к должнику правил об освобождении от исполнения обязательств стало заключение кредитных договоров с несколькими банками в короткий промежуток времени, таким образом, должник принял на себя заведомо неисполнимые обязательства.

Таким образом, можно сделать однозначный вывод, проблема установления судом критериев по освобо-

ждению должника от обязательств на законодательном уровне урегулирована не в полном объеме. В связи с чем, в правоприменительной практике образовались расхож-

дение в применении норм ФЗ от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» об освобождении должника от долговых обязательств.

Литература:

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета от 02.11.2002 № 3077.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 N 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан»// «Российская газета», N 235, 19.10.2015
3. Определение Арбитражного суда Саратовской области от 31.05.2018 г. по делу № А57-7664/2016.
4. Определение Арбитражного суда Ростовской области от 07.03.2017 по делу № А53-1344/2016
5. Определение Арбитражного суда Липецкой области от 27.03.2018 по делу № А36-7440/2017

Проблемы российского патентного права

Шмачкова Ксения Тимофеевна, студент;

Меркуль Софья Евгеньевна, студент

Национальный исследовательский Томский государственный университет

Ключевые слова: интеллектуальная деятельность граждан, патентное право, получение патента, патент, авторство

Патентное право представляет собой гражданско-правовой институт, который регулирует исключительные и иные имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в связи с признанием авторства и охраной результатов интеллектуальной деятельности, а так же установлением режима их использования и защитой прав патентообладателей.

Институт патентного права возник вследствие экономического прогресса и научно-технического развития общества. В данный момент каждый день появляются новые изобретения и в связи с этим появляется необходимость в наличии законодательных норм по защите прав, связанных с созданием и использованием изобретений, полезных моделей и промышленных образцов.

Актуальность развития данного института в России связана с отставанием от наиболее развитых стран в различных областях науки вследствие тяжелой экономической ситуации 90-х годов прошлого столетия. Поэтому, в данный момент проводятся реформы, направленные на придание экономике страны инновационного характера, использования разработок российских учёных в различных областях экономики.

Таким образом, наличие развитого института патентного права является одним из важных условий развития инновационной экономики.

В соответствии с Гражданским Кодексом Российской Федерации, объектами патентных прав являются: результаты интеллектуальной деятельности в научно-технической сфере, отвечающие установленным настоящим Ко-

дексом требованиям к изобретениям и полезным моделям, и результаты интеллектуальной деятельности в сфере дизайна, отвечающие установленным настоящим Кодексом требованиям к промышленным образцам. [1] Законодательно закрепляются и признаются исключительные права на изобретения, промышленные образцы и полезные модели, которые требуют удостоверения патента. Патенты выдаются при соблюдении требований, установленных в законе, органом исполнительной власти в сфере интеллектуальной собственности, которым в РФ является Роспатент. Так же стоит отметить, что равное значение имеют и патенты, выданные не на территории России, но имеющими силу в соответствии с международными договорами.

В рамках предоставления законной экономической монополии на определенный срок патентообладатель взамен раскрывает обществу суть нового технического решения и по истечении определенного времени оно становится доступным для беспрепятственного массового внедрения при действительной эффективности такого решения. [2]

Вместе с тем, несмотря на то, что институт патентного права имеет огромное значение для научно-технического и экономического прогресса общества и государства, в России существует ряд проблем в данной области.

Первая и наиболее важная проблема — это слаборазвитость патентования в нашей стране. В среднем в год в России регистрируется всего 35000–40000 патентов и проводится не более 4500 сделок с ними. Эти данные в несколько раз меньше, чем на лидирующих рынках:

патентные ведомства Китая и США получают 1,38 млн и более 600000 заявок в год на одни только патенты по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности WIPO.

Стоит упомянуть о том, что иностранные заявители из стран с более развитой культурой патентования не спешат патентовать свои разработки в нашей стране, даже в том случае, если ведут экономическую деятельность на её территории. Это позволяет сделать вывод о том, что нежелание патентовать свои разработки связано не с отсутствием культуры патентования, а с наличием проблем с получением патента и его защитой. [3]

Еще одна не менее значимая проблема связана с защитой патентных прав.

Согласно данным Федеральной службы по интеллектуальной собственности, в России рассматривается около 150 судебных дел в год, связанных с нарушением исключительных прав патентообладателей, хотя можно с уверенностью сказать, что фактов нарушения прав в этой сфере на порядок больше. Сложность процедуры получения патента и процесса защиты патентных прав определенно связаны с несовершенством российского законодательства и являются основной причиной отказа патентообладателей от защиты патентных прав.

Некоторые авторы пытаются упростить процедуру получения патента пользуются недоработкой российского законодательства, которая проявляется в схожести процедуры получения патента на изобретение и полезную модель. Схожесть процедуры заключается в необходимости подачи одинакового пакета документов для патентования изобретения и полезной модели. Таким образом, многие заявители подают заявки одновременно на изобретение и полезную модель для увеличения шансов на получение патента. Данное действие создает неточность в формуле объекта патентования, которую впоследствии нарушитель сможет использовать для ухода от ответственности за нарушение исключительных прав.

Также достаточно часто, пользуясь несовершенством процедуры патентования, в известные технические решения и модели вносят небольшие изменения и патен-

туют как новое техническое решение или модель. Подобная практика делает возможным существование нескольких патентов на похожие результаты интеллектуальной деятельности, а это в свою очередь снижает значимость патентов в глазах патентообладателей и лиц, желающих получить патент.

В свою очередь, необходимо упомянуть о том, что в России действует принцип «патент выдается тому, что первый за ним обратился». Но стоит учитывать, что у изобретателей не всегда есть достаточно времени и финансовых возможностей для того, чтобы получить патент на результат интеллектуальной деятельности и многие принимают решение о его использовании без получения патента. В таком случае авторство сводится не к результату интеллектуальной деятельности граждан, а к наличию свободного времени и денежных средств, что является неприемлемым.

Третье, действие полученного патента ограничено во времени. Согласно ст. 1364 Гражданского Кодекса РФ — «После прекращения действия исключительного права на изобретение, полезная модель или промышленный образец переходит в общественное достояние». [4] На наш взгляд, эта норма лишает авторов мотивации на создание новых результатов интеллектуальной деятельности и необходимо увеличить срок действия патента до перехода его в общественное достояние.

В заключение стоит отметить то, что слабая развитость института патентования может стать фактором, тормозящим научно-техническое и экономическое развитие нашей страны, поэтому необходимо уделять большое внимание решению проблем в данной области. Безусловно действующее законодательство направлено на защиту прав, связанных с интеллектуальной деятельностью граждан, но оно имеет некоторые недочеты, которые требуют устранения. Это приведет к объективизации результатов интеллектуальной деятельности граждан и повышению уровня доверия к действующему законодательству. И в свою очередь увеличит мотивацию на создание новых результатов интеллектуальной деятельности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019)). — Текст: электронный // <http://www.consultant.ru>: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/8c716dad2c92aeb1746dd450d8b242f6e346dfb6/ (дата обращения: 12.06.2020).
2. Городов, О. А. Патентное право / О. А. Городов. — 2-е изд. — Москва: Проспект, 2013. — 365 с. — Текст: непосредственный.
3. Аюпова, А. Р. Некоторые проблемы российского патентного права / А. Р. Аюпова, Н. Г. Хабиров. — Текст: непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — № 11 (53). — с. 81–83.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 18.07.2019)). — Текст: электронный // <http://www.consultant.ru>: [сайт]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/8c716dad2c92aeb1746dd450d8b242f6e346dfb6/ (дата обращения: 12.06.2020).

ИСТОРИЯ

Становление летних видов спорта в Петрограде-Ленинграде на примере баскетбола (1917–1930 годы)

Борисов Василий Владимирович, студент магистратуры
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В статье исследуются основные тенденции становления баскетбола среди профессиональных полупрофессиональных спортсменов Ленинграда. На основе анализа исторических источников и литературы, выявляются основные направления развития баскетбола, спортивных клубов и становление сборной команды в Ленинграде.

Ключевые слова: спорт, Петроград, Ленинград, баскетбол, летний спорт, первенство, чемпионат.

The formation of summer sports in Petrograd-Leningrad on the example of basketball (1917–1930-th years)

Borisov Vasilii Vladimirovich, student
Leningrad State University named after AS Pushkin

The article examines the main trends in the development of basketball among professional semi-professional athletes of Leningrad. Based on the analysis of historical sources and literature, the main directions of development of basketball, sports clubs and the formation of a national team in Leningrad are identified.

Key-words: sport, Petrograd, Leningrad, basketball, summer sports, championship, championship.

Родиной отечественного баскетбола является Санкт-Петербург. Первое упоминание об этой игре в нашей стране принадлежит известному русскому пропагандисту физической культуры и спорта петербуржцу Георгию Дюпперону, и относится оно к 1901 году.

Первым первенством страны принято считать турнир баскетболистов, состоявшийся в 1923 году на Первом всесоюзном празднике физкультуры, его нельзя назвать удачным. Малое количество команд, сравнительно слабая техника игры свела в финале Петроград и Москву. Мужское первенство считалось не разыгранным, так как счет был равным, а женское выиграли Петроград [5, с. 7]. В этом же году в СССР появились и официальные правила.

В первенстве СССР 1924 года Ленинград не принимал участие, первенство завоевала Москва [3, с. 3]. Но уже на Всесоюзной спартакиаде 1928 года, Ленинградские баскетболистки столкнулись в финале со сборной Белоруссии, в ожесточенной борьбе, ленинградские спортсменки показывают лучшую игру и становятся чемпионами. Что касается мужской сборной Ленинграда надо отметить полуфинальные игры между Ленинградом и Москвой, ле-

нинградцы уступили москвичам и в финальных играх Москва заняла первое место [6, с. 12].

В Петрограде-Ленинграде 1920-х годов, помимо выступлений на всесоюзных соревнованиях, спорт был также представлен баскетболистами, участвовавшими как в городских, так и в союзных зимних первенствах. 25 мая 1919 года в день годовщины Всевобуча состоялся первый в истории Советского государства официальный баскетбольный матч. Встретились команды 2-го Петроградского спортивного клуба и «Баскетбол-лиги». На следующий год баскетбол наравне с футболом был включен в программу школ Всевобуча [1, с. 45].

10 февраля 1923 года Петроградская Баскетбольная Секция начала розыгрыш зимних состязаний на первенство Петрограда. В первый день встретились Меркур — Унитас всеми тремя командами на поле Меркура. 14 февраля на поле «Коломяг» произошла встреча между «путиловцами» и Меркуром и другими. Нужно отметить, что игры проходили весьма интересными, особенно у первых команд, велась быстрым темпом и поразительной точностью [1, с. 45].

15 апреля Петроградская Баскетбольная Секция закончила розыгрыш зимних состязаний играми сборных команд против победителей, происходивших на поле «Коломяг». Как отмечает о прошедшем сезоне журнал «Всеобуч и спорт»: «Сезон прошел довольно оживленно и можно было наблюдать интерес к играм среди игроков, а также и среди клубов в целом. Первенство в этом сезоне завоевала команда «Коломяг», опередив претендента на 2 очка» [1, с. 85].

В начале июня состоялись первые игры весеннего сезона, которые и прошли не совсем удачно в том отношении, что многие команды не явились на игры. На поле «Унитас» должны были встретиться — «Унитас» — «Меркур» но так как не было готово поле, то все команды «Унитас» понесли поражение. Первые и вторые команды «Спорта» безо всяких трудностей выходят в финал так как «Гознак» не явился [1, с. 194]. Первое место в летнем первенстве Петрограда первую строчку заняла команда «Меркур».

Нельзя не отметить, что летний сезон для баскетбола всегда протекала неудачно. Игроками — баскетболистам, в летний период времени, занимающихся другими видами спорта, приходилось на эти виды спорта затрачивать массу времени, а к тому ещё целый ряд устраиваемых состязаний по данным видам в будние дни не давал возможности правильно и вовремя начать игры [1, с. 344].

Очередное весеннее первенство Ленинграда началось 19 мая 1925 года, в нем приняло участие 13 спортивных кружков с 55 командами. В разряде первых мужских команд Центральный район «А» разгромил всех своих противников. В финале против него выступала команда Петроградского района «А». Женская команда Центрального района «А» также вышла в финал, в котором и выиграла у тех же «Петроградцев» [3, с. 4].

На весеннем первенстве 1926 года одержала победу команда Центрального района «А». Газета «Красный спорт» отмечает, что были и более захватывающие игры: «...Интереснейшей игрой этой недели, несомненно, была игра клуба имени Молотова и Петроградского «А». Сверх ожидания во вторых выиграла «Молотовцы»...» [3, с. 4].

16 мая во Дворце физкультуры состоялась встреча победителей первенства Ленинграда — команды центрального района с сборной города. Сборная города с легкостью одержала победу со счетом 62:31 [3, с. 4].

Сильно развивающийся баскетбол за это время, успел завоевать большие массы физкультурников, в смысле развития техники путем устройства междугородних игр. Отсутствие междугородних игр и несогласованность правил игры привели к тому, что Ленинград играл по своим пра-

вилам, отличным от правил, принятых в Москве и других городах Союза. В связи с этим были проведены матчи Ленинград — Москва. Женская сборная уступила московскому «Динамо» 29:21. Мужская же команды показали ровную игру. Ленинградцы оказали серьезное сопротивление Сахарникам, все же к финальному свистку уступили 3 очка [3, с. 2].

12 и 13 февраля 1927 года в Ленинграде выступали московские баскетболисты — мужская и женская сборные команды МГСПС; под флагом сборной фактически играла крепко спаянная пятерка «Сахарников». Состоялись матчи с такими Ленинградскими командами как ЛГСПС, «Красный Путиловец» [1, с. 2].

На очередных играх, посвященных первенству Ленинграда в феврале 1928 года, можно отметить интересную борьбу старших мужских команд ЦДФК против ДКАФ [6, с. 13].

Начало весеннего сезона 1928 года началось со встреч Ленинградских баскетболистов с москвичами, сборная Ленинграда и Москвы.

Заканчивающиеся первенство Ленинграда по баскетболу, проводимое параллельно с первенством ДОСПС, дало победителя ЦДФК, который набрал 127 очков из возможных 168. Приз ЛОСПС разыгрываемый между профсоюзными кружками выиграла сотворгслужащие [6, с. 15].

Очередное зимнее первенство Ленинграда по баскетболу 1929 года проходило в удачной обстановке, в нем приняло участие до 29 клубов. На первом круге соревнований в лидеры выходят ЦДФК (Центральный Дом Физической Культуры) и одерживают победу в чемпионате.

Итак, подводя итоги, необходимо отметить, что на протяжении 1920-х годов становление летних видов спорта в Петрограде-Ленинграде выходит на новый этап. Баскетбол в профессиональном и полупрофессиональном виде получили широкое развитие, была проведена максимальная работа по созданию различных кружков и профессиональных школ по подготовке и развитию спортсменов.

В свою очередь не все было так славно, в то время в спорте существовал классовый подход, который не давал развития некоторым видам спорта.

В целом, можно сказать, что баскетбол получили огромное развитие и культивировались на всех уровнях. Было проведено большое количество междугородних встреч в Ленинграде и Москве. Организованы первенства РСФСР и СССР, в которых Ленинградцы показали, как претенденты, так и победители.

Литература:

1. Всеобуч и спорт. — 1922–1924
2. Добров, А. А. Все о спорте. М.: Физкультура и спорт, 1978. — 464 с.
3. Красный спорт \ \ Издание высших и московских советов физической культуры. — 1922–1924
4. Ренкель, А. Ф. Баскетбол — лучшая игра с мячом.: Изобретательство, 2009, № 6.-с. 27–30

5. Spartak \ Физкультурный журнал Ленинградского областного совета физкультуры Ленинграда. — 1924–1932
6. Физкультура и спорт \ Ежемесячный журнал. Орган Комитета по делам физической культуры и спорта при Совете министров СССР. — 1928–1941

Советская медиевистика накануне Великой Отечественной войны: антигерманский аспект

Гунин Олег Владиславович, студент
Мурманский арктический государственный университет

В данной статье на ранее не задействованном историографическом материале изучаются основные идеологемы советской медиевистики накануне Великой Отечественной войны, охарактеризован антигерманский компонент и пересмотрены границы антифашистского компонента (который ранее был выявлен в отечественной исторической науке)

Ключевые слова: советская медиевистика, советская историография, история Средних веков, Великая Отечественная война, дидактическая литература

Вопрос об идеологизированности советской исторической науки рассмотрен в отечественной историографии достаточно давно. На момент написания настоящей статьи известно большое количество работ, раскрывающих данный вопрос, например, публикация Берлинских В. А. [3, с. 16], Гутновой Е. В. [9, с. 37]. Более того, обращение к доступным историческим источникам даёт возможность самостоятельно оценить роль идеологии в исторической науке советской эпохи. Например, известно, что образование Института истории АН СССР в феврале 1936 года сопровождалось написанием рекомендаций партии по программе его деятельности, и значительная часть этой программы была направлена как раз на идеологическую борьбу против западной науки с помощью методов парадигмы исторического материализма [13, с. 173]. «Исторический журнал», издаваемый для профессиональных историков накануне Великой Отечественной войны зачастую начинался с подобных заголовков: «Подлая троцкистско-фашистская банда» [22, с. 1], «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.)» [27, с. 3], «Антисоветский «право-троцкистский блок» шпионов провокаторов, вредителей и убийц» [1, с. 1], «Непобедимая сила учения Маркса (К 30-летию работы В. И. Ленина «Марксизм и ревизионизм»)» [26, с. 1], «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)»» [22, с. 10], «Быть как Ленин» [4, с. 9], «Под знаменем Ленина — Сталина к коммунизму!» [21, с. 10], «О гениальном труде В. И. Ленина «Государство и революция»» [21, с. 6].

В отношении советской историографии истории России или истории Нового времени разработано более или менее подробное представление о структуре советской идеологии в изучении истории. В работе В. А. Берлинских «Ремесло историка в России», прямо говорится,

что «именно в XX в. общественный имидж истории как служанки идеологии, увы, упрочился в советском обществе» [3, с. 16].

До недавних пор считалось, что советская медиевистика была относительно свободным исследовательским полем. Вопрос об идеологии в советской медиевистике накануне Великой Отечественной войны затрагивался лишь косвенно. Например, известный советский медиевист Е. В. Гутнова в журнальной статье «Основные этапы развития советской медиевистики» упоминает роль идеологии того периода: «В конце 30-х — начале 40-х годов советские медиевисты приступили к разработке историографических проблем. Задачи решительной борьбы с фашистской идеологией, выдвинувшиеся на первый план в те годы, побудили ведущих исследователей средневековья принять участие в коллективном труде советских историков» [9, с. 37].

Научное рассмотрение этому вопросу придала статья российского историка А. В. Свешникова [24, с. 86–112]. До этой публикации считалось, что история Средних веков и особенно Западного Средневековья менее интересовала работников советской пропагандистской машины, чем история СССР или история Нового времени, где наиболее чётко прослеживались такие компоненты идеологического дискурса ленинизма как «классовая борьба», «эксплуатация» и «первоначальное накопление капитала». Считалось, что даже история Древнего мира была более политически актуальна, что прослеживается в некоторых публикациях «Исторического журнала», например в публикации «О бдительности на фронте древней истории» [18, с. 236].

Более того, тезис о слабой идеологизированности советской медиевистики поддерживали даже советские историки предвоенной эпохи. В источниках можно найти немало коллегияльной критики в адрес советских медиевистов за использование методов западной, «буржуазной»,

исторической науки. А. Свешников приводит в этой связи полемику, разгоревшуюся в середине 1920-х гг. вокруг публикации Д. М. Петрушевского «Очерки экономической истории Западной Европы». В ходе этой дискуссии Д. М. Петрушевского, учёного известного ещё по его блестящей научной деятельности до революции, критиковали за частичный отказ от марксистской исторической парадигмы [24, с. 89].

Тем не менее, автор доказал, что нельзя говорить о советской медиевистике как о поле свободной науки. Это подтверждается тем обстоятельством, что при упоминании ранее создания Института истории АН СССР в феврале 1936 г., который возглавил видный большевик Н. М. Лукин и процесс создания которого сопровождается целым перечнем идеологических рекомендаций, формируется отдельный сектор по изучению истории Средних веков. Перед этим сектором Н. М. Лукин лично формулирует целесообразные с точки зрения идеологического руководства требования. Более того, известны даже конкретные идеологические требования к деятельности этого сектора — историографический компонент (разоблачение фашистских фальсификаций) и конкретно-исторический компонент (создание трудов, дающих описание исторических событий с «правильной» точки зрения).

Ещё в своей публикации А. Свешников подробно останавливается на критике советскими медиевистами «фашистской» научной методологии, он убедительно доказал, что идеологизация советской медиевистики шла по ряду направлений. Например, обстоятельно рассматривается вопрос исторической фальсификации в «фашистской историографии». В качестве примера автор приводит изданный Академией наук сборник «Против фашистской фальсификации истории», который затем анализируется. Так же автор делает акцент на именно на актах методологической борьбы советских учёных с фашистской историографией, делает на этом значительный «нажим». В статье подробно освещаются труды отечественных медиевистов («Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии», А. И. Неусыхина, «Итальянская политика германской империи X—XIII вв. в современной фашистской историографии» С. Д. Сказкина), и подробно анализируется историографическая критика немецких «коллег» советскими учёными. Отдельное внимание уделяется личным конфликтам в Институте Всеобщей истории АН СССР [24, с. 95].

Однако следует обратить внимание на то, что в данной публикации вопрос раскрыт не полностью. Не остаётся никаких сомнений в том, что автор провёл анализ таких элементов деятельности Института истории АН СССР, как наличие непосредственного идеологического контроля за деятельностью советских медиевистов, наличие в кругах Института научной полемики вокруг разоблачения методологии «фашистских» историков Рейха. Но кажется, что без текстуального анализа научной литературы советских медиевистов предвоенного времени не-

возможно полностью раскрыть вопрос идеологизированности советской медиевистики.

Ко всему прочему источниковая база публикации Свешникова почему-то не охватывает ряд историографических источников, например строго исторических трудов видных советских учёных — Тардова В. Г, Косминского Е. А., Петрушевского Д. М., Вайнштейна О. Л., — в источниках автор указал только историографические труды и две статьи Грацианского — и учебной литературы (Учебник по истории Средних веков под ред. А. Д. Удальцова, Е. А. Косминского, О. Л. Вайнштейна ОГИЗ, 1941 г.).

В этой связи считаем необходимым провести следующую работу — на обновлённом научном материале дать сравнительную характеристику идеологических элементов в научных трудах медиевистов указанной эпохи и общих идеологических элементов советской историографии. Также считаем необходимым дать сравнительную характеристику различных идеологических элементов в рамках заданной парадигмы — то есть строго в трудах историков-медиевистов 1935–1941 гг. И наиболее важным кажется проведение анализа идеологием, касающихся истории германских народов и Священной Римской империи.

Вернёмся к основным идеологическим клише историографии той эпохи. Центральным элементом идеологии, который оказывал неизменное влияние на все остальные, оказывается марксистская методология [15, с. 47], основные черты идеологии которой считаем важным закрепить — в философии исторического материализма ключевую роль играла категории «классовой борьбы» (см. напр. публикацию С. И. Архангельского «Аграрное законодательство Великой английской революции 1643–1648 гг». [2, с. 125]), «эксплуатации» (см. напр. отзыв на монографию Е. А. Косминского «Английская деревня в XIII веке» [25, с. 206–209]), «антиклерикализма» [19]. Эти категории признаны исторической наукой всеобщими для историописания советской эпохи.

В доступной литературе за предвоенный период мы без труда находим соответствие этим идеологемам. Например, в учебнике по истории Средних веков для университетов мы видим разворот знаменитого клише о классовой борьбе на примере восстания народных масс в государстве Меровингов [30, с. 79] — если не учитывать само наличие формулировки «восстание народных масс» при характеристике восстания крестьян в Лиможе в 579 г., можно найти идеологический компонент, соответствующий идеологеме «эксплуатация» в следующем элементе — говорится, что королевские чиновники, будущие феодалы-эксплуататоры, хищнически использовали свою политическую власть для «своего собственного обогащения». Для очевидности стоит сказать, что в учебнике 2003 года это восстание вообще не упоминается, а любые столкновения власти с народом обозначаются в большинстве случаев нейтральными эпитетами [31, с. 278]. Далее процесс закрепощения крестьянства, тоже понимаемый через категорию «эксплуатации», в совет-

ской медиевистике 1935–1941 гг. раскрывается иначе, чем в современной историографической норме — в учебнике приводится неслыханное по развёрнутости, почти художественное описание жизни закрепощаемого населения [30, с. 98]. Приводятся подробные цитаты наподобие следующей «вот бедняк, которого постигли крайняя бедность и заботы и которому не на что жить и одеваться, не имея возможности расплатиться с долгом, закабалает себя». Таких примеров приведено множество, чего нельзя найти в соответствующем тематическом разделе современного учебника. Класс «эксплуататоров» представлен в литературе достаточно красочно и с яркой негативной коннотацией: «В особенности неистовствовали мелкие феодалы, более других жадные и предприимчивые» [30, с. 157]. Итак, можно сделать вывод о полном соответствии научной литературы по истории Средних веков 1935–1941 гг. идеологическим клише, присущим всей советской исторической науке.

Отдельным моментом в советской историографии была приверженность антиклерикализму. Особое внимание этому вопросу уделялось в поле школьного образования, см. например публикацию «Антирелигиозное воспитание на уроках истории СССР в неполной средней и средней школе» [23, с. 113]. И дидактическая литература изучаемого периода также полностью соответствует этой идеологии — в противовес современной дидактической литературе по истории Средних веков, церковному землевладению отведены достаточно объёмные разделы учебника [30, с. 96–98], более того, советские историки не скупятся на откровенно ругательные эпитеты в адрес деятелей церкви («попы», «святоши») [30, с. 97]. А оценка роли деятельности церкви выглядит совсем грубо: «Однако он так умело разрешает проблему примирения христианской морали с эксплуатацией¹ высшими классами низших, взаимоотношения христианской церкви и угнетательского государства, что и в позднейшую эпоху в его учении господствующие классы находили целый арсенал доводов для обоснования феодального насилия, феодальной эксплуатации и участия церкви в этом деле» [30, с. 164]. Словом, в антирелигиозный компонент в литературе указанного периода тоже не отклоняется от историографической нормы советской науки того времени.

Можно прийти к выводу, что советская медиевистика 1935–1941 гг. в общем не выбивается из общесоветской идеологической нормы.

Дадим теперь краткую характеристику идеологической нормы в трудах советских медиевистов 1935–1941 гг. Надо отметить, что научные тексты тех лет отличаются большей экспрессией, чем современные тексты. Помимо громких эпитетов вроде слов «попы», «святоши» и так далее, в научной литературе чаще встречаются оценочные, зачастую эмоционально окрашенные фрагменты научного нарратива: «...но дворяне задушили восстание в потоках

крови» [30, с. 152], «Тесные и мрачные помещения замка наводили томительную скуку на его обитателей, а определённых занятий, которые могли бы разогнать эту скуку, не существовало» [30, с. 157].

Для медиевистов той эпохи можно считать нормой обилие подробностей, которые, как кажется, должны вызвать в читателе эмоциональный отклик. Это прослеживается, как указывалось выше, как в подробностях описания жизни низших слоёв населения (фрагменты прекарных грамот, жалоб бедняков в сеньориальные курии), так и подробных описаниях наиболее трагичных с точки зрения советского современника событий.

Например, голод в Бургундии начала XI в. описывается на удивление красочно: «Рауль Глабер рассказывает, что в лесу нашли одного злодея, который заманивал путников в свой шалаш и убивал их с целью людоедства. В шалаше у него нашли десятки человеческих голов от съеденных им трупов» [30, с. 149].

Интересной особенностью историописания советской медиевистики была оценка личности, тоже эмоционально окрашенная. Можно привести выдержки из биографии Блаженного Августина. Происхождение одного из Отцов Церкви описывается в весьма однозначной идеологической формулировке: «Выходец из класса средних рабовладельцев» [30, с. 163]. Он был заинтересован христианством, по мнению автора учебника, из-за того, что оно «соответствовало настроениям господствующего класса» [30, с. 163]. Вот как оценивается интеллектуальный труд Августина: «В своих произведениях Августин при помощи всяких софистических увёрток оправдывает имущественное неравенство и существование рабства» [30, с. 163]. Иным способом, но тоже красочно, описывается деятельность Яна Гуса — в литературе о нём отзываются, как о «великом чешском патриоте, национальном герое Чехии» [30, с. 417]. И. Ивашин: «Ян Гус был человеком выдающейся честности. Даже его непримиримые враги должны были отмечать эту черту в его характере. Один из его врагов говорил: «Его жизнь была строга, все поведение отличалось чистотой и достоинством; он был так бескорыстен, что всегда отказывался от бенефиций и пребенд» [12, с. 93]. Можно дополнить, что король Сигизмунд, который «заманил» Яна Гуса на знаменитый Констанцкий собор 1414 г. в советской научной литературе изучаемого периода называется «жалким паразитом, тунеядцем, попрошайкой, кутилой, пьяницей, шутом, трусом и фигляром» [30, с. 418], что сложно себе представить в современной исторической литературе и даже в исторической литературе 1935–1941 гг. вне поля медиевистики.

Так, можно сказать, что советская медиевистика изучаемого периода отличалась значительной литературной экспрессивностью и оценочными дефинициями.

Но отдельного упоминания даже на фоне экспрессивности литературы указанного периода заслуживают

1 Слово «эксплуатация» - историографическая норма изучаемого периода

главы, в которых раскрывается историческая роль германских племён, немцев, Священной Римской империи.

Кажется, что накануне Войны историки получили полноценный идеологический запрос. Давайте приблизимся к раскрытию этого положения.

В советской историографии, как и в классической и современной историографии, известен вопрос происхождения варварских племён европейцев — кельтов, германцев и славян. В исторической литературе изучаемого периода вопрос происхождения славян и кельтов раскрыт нейтрально и фактологически. Когда дело касается кельтов, описывается территория расселения, «родовой строй», первые упоминания в источниках [30, с. 23–28]. Объем описания достаточно скромный — 5 страниц в дидактической литературе, а в научной литературе накануне войны этот вопрос почти не представлен. Почти то же касается и славян, разве что дефиниции несколько более мягкие [30, с. 42–47]. Но когда советские авторы приступают к изучению вопроса происхождения германцев, тон нарратива меняется. Если больший объём написанного в труде (12 страниц в доступной дидактической литературе [30, 29–42], значительное количество публикаций в научных журналах [28, с. 18–32], [14, 131–151], [10, с. 175]) можно объяснить тем, что античные авторы описывали германцев с большим вниманием по причине неоднозначных дипломатических отношений с ними, то саму окраску нарратива можно объяснить разве что непосредственным идеологическим заказом.

Давайте обратимся теперь к окраске исторического нарратива. Зачастую принадлежность тех или иных племён к группе древних германцев у авторов трудов «возбуждает сильное сомнение» [30, 28]. Зачастую в публикациях, несомненно, полемически говорится о том, что германцы «не происходили от якобы единого «арийского» пранарода» [30, 28]. Такого внимания кельты и славяне в публикациях советских медиевистов накануне войны, видимо, не заслужили.

Отдельного внимания заслуживает усиление методологических усилий по отношению происхождения немцев, которое мы видим в советской историографии накануне Войны. Если кельты и славяне в медиевистике изучаются набором стандартных исторических методов (марксистские методы, исторический анализ источников, историко-генетический метод), то германцы изучаются при помощи всех методов советской науки, т. е. методами наук о языке, методами естественных наук. Ярчайшим примером выступает крайне идеологизированная и ныне признанная ненаучной яфетическая теория происхождения языков, созданная Н. Я. Марром. Только по отношению к этногенезу германцев советские учёные решают ею воспользоваться. Можно встретить выводы о том, что в немецком языке встречается «до 30 % языкового состава, который не может быть объяснён из самого древнегерманского языка» [30, 28]. В. Г. Тардов в своей публикации «О происхождении племенного названия арийцев» указывает на следующее: «Ученая индо-европейская школа, выбирая

из всей массы добытого ею материала главным образом «надстроечный», определила слово «арийцы» как «благородные» и «господа»... При таком подходе к вопросу мы уже теперь на место определения арийцев как «благородных» и «господ» можем поставить свое. Это определение в грубых чертах будет: арийцы значило когда-то «бараны», «люди барана», затем «охотники на баранов» и также «люди барана», затем «овцеводы» (и опять-таки «люди барана»)» [28, 18–32].

Такой же критике подвергается в труде С. Вайнштейна и происхождение племенных союзов первых варварских королевств: «Между тем перечисленные разнообразные племена, представители которых, несомненно, имелись в составе наемников империи, не были этнически чистыми и включали наряду с германскими элементами многочисленные негерманские, причем является вопросом, какие из этих элементов преобладали. Выяснение этногонии варваров, известных в науке (но не современным греко-римским авторам!) под названием восточных германцев, не входит в наши задачи: однако сопоставление данных о варварах, проникавших в восточную часть империи, а оттуда в Италию, позволит все же выяснить, в какой степени правомерно обозначение этой племенной смеси именем германцев» [5, с. 147]. Критика происхождения германцев из того же труда: «Указание Прокопия, что аланы — готское племя, Дан, как и все другие историки, просто не понял, а то обстоятельство, что, согласно Сидонию Аполлинарию (Panegy. in Antemio), вандалы находятся с аланами в кровном родстве (consanguinei), доказывает только, что древние германцы проявляли меньше внимания к чистоте своей расы чем их отдаленные потомки» [5, с. 152]. Словом, накануне войны по вопросу происхождения предков современных немцев советские учёные не просто полемизируют вокруг историографии и фальсификаций немецких учёных, как это было сказано в публикации А. Свешникова. Они вступают уже на почву исторической критики.

И изучение религии древних германцев не лишено идеологизированной критики. Критикуется, главным образом, «распространённая буржуазная «расистская» концепция древнегерманской религии» [30, с. 40]. В дидактической литературе авторы недвусмысленно полемизируют с немецкими «коллегами»: «тот же пранарод (арийцы), обладавший не только особым, ему свойственным языком, из которого якобы развились все известные нам индо-европейские языки, но и особой, ему свойственной прарелигией. Между тем религия, как и всякая идеология, проходила в своем развитии у всех народов общие им всем ступени, соответствующие определённым ступеням общественного развития» [30, с. 40]. Ещё раз уточним, что такого внимания не уделяется религии древних славян и кельтов.

Обратимся теперь к политической истории. Известно, что политическая история Средневековья изобилует битвами и столкновениями в любой историографии. На то есть объективные причины: феодализм как экономи-

ко-политическая система наделяет отдельные субъекты средневекового права военной силой, что провоцирует боевые столкновения между ними. Это прослеживается, разумеется, и в советской историографии перед Великой Отечественной войной. В дидактической литературе, в лекционном материале и в монографиях можно увидеть обилие ссылок на события средневековых войн. Зачастую описания этих войн окрашены в эмоциональные тона, свойственные, как известно, советской историографии изучаемого периода. Но особняком стоят войны, участие в которых принимали германцы и немцы.

Сравним отражение в советской медиевистике военных экспансий гуннов, венгров и немцев времён Генриха Птицелова. Известно, что Великое переселение народов и особенно деяния вождя гуннов Атиллы поразило воображение римлян и оставило глубокий след в памяти народов Европы. Мы помним, что Атилла был не забыт спустя века, его кровожадность и жестокость запечатлены в средневековой литературе. Атилла — это Этцель из «Песни о нибелунгах» и «бич Божий» для жителей империи. Тем не менее, в советской медиевистике начала 40-х эта историческая фигура заслуживает вполне скромного описания — «Атилла подверг опустошениям смежные с гуннским союзом Иран и восточную империю» [30, с. 159]. Или: «Переправившись через Рейн у Неккара, Атилла разрушил ряд городов (Трир, Мец, Реймс) и осадил Орлеан» [30, с. 40]. Стоит сказать ещё о венгерской экспансии, которая тоже оставила след в исторической памяти европейцев. Советский медиевист при обращении к этой теме указывает, что венгры «с начала X в. с двух сторон осуществляли свои опустошительные набеги на территорию Германии: с северо-востока они проникали через Эльбу в Саксонию, причём действовали совместно с полабскими славянами, а с востока непосредственно врывались в Баварию и отсюда проникали в Швабию, Лотарингию и западную Франконию» [30, с. 132].

Однако столкновения немцев со славянами советский медиевист описывает даже с некоторой патетикой: «Это немецкое влияние, однако, прививалось очень слабо, так как завоеватели внушали ненависть и отвращение славянам своей алчной и кровожадной политикой. Войны со славянами они вели с неслыханной жестокостью. Так, когда Генрих Птицелов взял после двадцатидневной осады город гломачей Гану, он велел перебить всех взрослых жителей — мужчин и женщин, а детей захватил в плен и обратил в рабство» [30, с. 131]. На первый взгляд кажется, будто автор пытается провести аналогию с современностью. Далее: «Оттон I, воюя со славянами, убивал сотнями пленных или зверски увечил их, вырывая язык, глаза и т. п. С жестокостью завоеватели соединяли вероломство, которым особенно прославился один из маркграфов Оттона I — хищный Герон, действовавший в земле вильцев. Однажды он пригласил к себе в гости 30 славянских князей и во время пира их всех перебил» [30, с. 132]. Сами славяне только «ждали удобного случая, чтобы расправиться с непрошенными пришельцами и свергнуть их иго» [30,

с. 132]. Кажется, что автор текста говорит строчками из знаменитой картины С. Эйзенштейна. Показательно, что автор учебника как будто выступает не против «фашистской фальсификации» истории, а предупреждает о том, как могут вести себя немцы по отношению к славянам, учитывая предвоенную полемику относительно «Drang nach Osten» [20, с. 278], это уже не похоже на кабинетную полемику вроде тезисов публикаций Е. Тарле «Восточное пространство» и фашистская геополитика» [29, с. 78–105], Н. Лазарева «Историческая картография на службе у германского фашизма» [16, с. 190–201]. и Е. Катарова «Фальсификация истории общественного строя древних германцев немецкими фашистами «учеными» [14, с. 131–151].

Возможно, именно по идеологическим причинам были опубликованы «Хронологические выписки» К. Маркса с разделом «Германская империя и Гуситская война до 1432 года», где мы можем встретить подобные фразы: «За недостатком продовольствия немцы начали разорять и грабить окрестности города; это вызвало месть со стороны славян!» [17, с. 112], «14 июля 1420 в Праге Жижка отбил штурм немецких псов» [17, с. 112], «табориты нанесли немецкой сволочи страшное поражение» [17, с. 112].

Отдельного упоминания стоит глава XXIV «Германия в XIII–XV вв. Захват и колонизация земель на востоке» [30, с. 356–371] из учебного пособия по истории Средних веков 1941 г., предназначенного для студенчества и название которого в контексте политической атмосферы можно считать калькой со знаменитой нацисткой идеологемы «Drang nach Osten». Примечательно, что библиография этой главы представлена самой объёмной в книге. Приведём некоторые выдержки из неё: «Генрих Лев образовал из большей части бодрлицкой земли Мекленбургское герцогство; остальная часть земли была поделена между немецкими графами. Всюду в этих графствах шла насильственная христианизация и истребление славян. В некоторых местностях славян истребляли поголовно. За ними охотились, как за дикими зверями, вешали их на деревьях; оставшихся живыми сгоняли с их земель, предоставляя им лишь реки и озёра, где они могли заниматься рыболовством». «Беспощадное истребление местного населения, носившее систематический характер, вызвало потребность в новых населенниках... Немецкие феодалы, как духовные, так и светские, старались привлечь в свои земли крестьян из северной Германии, предоставляя им всевозможные льготы». «Истребление славян, отеснение их на худшие земли и замена их немецкими колонистами приводили к постепенной германизации захваченных немцами земель». «Славянам воспрещалось вступать в цехи, заниматься ремеслом и торговлей. Им воспрещалось жить в лучших частях городов, им предоставлялись лишь нищенские кварталы и предместья... Уделом их были бедность и постепенное вымирание». «Славяне были совершенно отеснены немецкими купцами и ремесленниками» [30, с. 356–371].

Любопытно, что экспансии немцев на земли других народов не уделяется много внимания. Говорится разве, что

«население восточной Прибалтики сохранило свой язык, свои обычаи и нравы, лишь отчасти прикрытые христианством, и не подверглись тому онемечению, какое произошло в ээльбских областях и Поморье» [30, с. 356–371]. Примерно то же писал Н. Грацианский в публикации «Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII–XV веках» [6, с. 87–111]. Подобные выкладки едва ли можно понимать через строго историографическую критику научных методов «фашистской фальсификации» истории, о которой говорит А. Свешников. В них уже с позиций именно исторической критики рассматриваются преступления отдельного народа — немцев.

И уж совсем антигермански выглядят рекомендации по политическому воспитанию на уроке по истории Германии XII—XIII веков [11, с. 86], где немцы называются псами-рыцарями, с которыми боролся русский народ. «Рассказывая учащимся о грабежах и насилиях германских захватчиков в завоеванных славянских землях, я одновременно указывал им, что нынешние фашисты не только не уступают немецким феодалам в зверствах и насилиях, но и превосходят их в этом отношении. Славяне, попав под власть германских феодалов, вели героическую борьбу за свою свободу. Когда им удавалось объединиться, они поднимали восстание против насильников и изгоняли их из своих земель. Так, в 955 году лужичане и другие племена под руководством Стойнева прогнали германских поработителей за Эльбу. Но захватчики собирались с новыми силами. Император Германии Отгон I писал маркграфам: «Не нужно им давать покоя... употребляйте все усилия, чтобы, поработив их, положить конец делу»» [11, с. 86] — в контексте этого высказывания глава XXIV «Германия в XIII–XV вв. Захват и колонизация земель на востоке» из «Истории Средних веков» 1941 г. при-

обретает воинственный колорит и антигерманская полемика советских медиевистов становится очевидной.

Остаётся только дополнить, что столкновения славян с Византией в исследуемой литературе отражены с меньшей подробностью [7, с. 101–111] и их описание не отклоняется от традиционной экспрессивности, о которой мы говорили выше. Утверждается даже обратное: «Вот почему проникновение на Русь византийских культурных влияний... могло в своё время оказаться плодотворным и для развития русской культуры» [30, с. 200].

Подводя итог проделанной работы, можно прийти к следующим выводам. Во-первых, можно с уверенностью сказать о том, что советская медиевистика накануне Великой Отечественной войны, действительно, не отличалась в идеологическом ключе от других ветвей исторической науки тех лет — вывод кажется очевидным, но фактический анализ для осуществления дальнейших этапов данной работы был необходим. Во-вторых, на основании текстологического анализа трудов советских медиевистов мы приходим к выводу, что советская медиевистика изучаемого периода отличалась значительной литературной экспрессивностью и оценочными дефинициями, тексты советских медиевистов достаточно полны подробностями, которые зачастую выходят за рамки научной нормы. И в-третьих, продемонстрировано, что даже с учётом общей идеологизированности (даже с учётом того, что учёные тех лет не скупятся на достаточно живописные описания исторических событий, в особенности войн, не ограничивают нарратив нейтральными дефинициями), советская медиевистика накануне Великой Отечественной войны обзавелась новым арсеналом идеологем — и даже не антифашистских, как считалось ранее, что вполне отвечало нормам идеологии тех лет, а строго антигерманских.

Литература:

1. Антисоветский «право-троцкистский блок» шпионов провокаторов, вредителей и убийц /. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1938. — № 3. — с. 1.
2. Архангельский, С. И. «Аграрное законодательство Великой английской революции 1643–1648 гг.». / С. И. Архангельский. — 1. — Москва: ОГИЗ, 1935. — 301 с. — Текст: непосредственный.
3. Берлинских, В. А. Ремесло историка в России / В. А. Берлинских. — Текст: непосредственный // Новое литературное обозрение. — 2009. — № 7. — с. 16.
4. «Быть как Ленин» /. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1939. — № 1. — с. 9.
5. Вайнштейн, О. Этническая основа так называемых государств Одоакра и Теодориха / О. Вайнштейн. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1938. — № 6. — с. 134–158.
6. Грацианский, Н. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII–XV веках / Н. Грацианский. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1938. — № 6. — с. 87–111.
7. Горянов, Б. Славяне и Византия в V–VI веках нашей эры / Б. Горянов. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1939. — № 10. — с. 101–111.
8. Грацианский, Н. Немецкая агрессия в Прибалтике в XIII–XV веках / Н. Грацианский. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1938. — № 6. — с. 87–111.
9. Гутнова, Е. В. Основные этапы развития советской медиевистики / Е. В. Гутнова. — Текст: непосредственный // Вопросы истории. — 1969. — № 1. — с. 561.
10. «Древние германцы». Сборник документов /. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1937. — № 5–6.
11. Ефимов, Д. Политическое воспитание на уроке по истории Германии XII—XIII веков / Д. Ефимов. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1939. — № 2. — с. 86.

12. Ивашин, И. Гуситские войны и табориты / И. Ивашин. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1938. — № 2. — с. 87–101.
13. Историческая наука в СССР. стр. 172–177 / — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1936. — № 2. — с. 74–88.
14. Катаров, Е. Фальсификация истории общественного строя древних германцев немецкими фашистами «учеными» / Е. Катаров. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1937. — № 5–6. — с. 131–151.
15. Куренков, А. В. Органы власти и управления в Томской губернии (конец 1919–1925 гг.): специальность 07.00.02 «История России»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / Куренков Артём Валериевич; ТГУ. — Томск, 2013. — 268 с. — Текст: непосредственный.
16. Лазарев, Н. Историческая картография на службе у германского фашизма / Н. Лазарев. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1938. — № 5. — с. 190–201.
17. Маркс, К. — Хронологические выписки. Германская империя и Гуситская война до 1432 года / — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1939. — № 2. — с. 112.
18. Мишулин, А. О бдительности на фронте древней истории / А. Мишулин. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1937. — № 3–4. — с. 236.
19. Мысливченко, А. Г. Диалектический и исторический материализм / А. Г. Мысливченко, А. П. Шептулин, Н. И. Азаров. — 2-е изд.. — Москва: Политиздат, 1988. — 445 с. — Текст: непосредственный.
20. Неусыхин, А. И. Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии / А. И. Неусыхин. — Текст: непосредственный // Против фашистской фальсификации истории. — Москва: ОГИЗ, 1939. — с. 378
21. О гениальном труде В. И. Ленина «Государство и революция» / — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1939. — № 8. — с. 6.
22. О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» / — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1938. — № 11. — с. 1.
23. 21) Под знаменем Ленина — Сталина к коммунизму! / — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1939. — № 1. — с. 10.
24. Подлая троцкистско-фашистская банда / — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1937. — № 2. — с. 1.
25. Плюсин, П. Антирелигиозное воспитание на уроках истории СССР в неполной средней и средней школе» / П. Плюсин. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1938. — № 4. — с. 113.
26. Свешников, А. В. Советская медиевистика в идеологической борьбе конца 1930–1940 — х годов / А. В. Свешников. — Текст: непосредственный // Новое литературное обозрение. — 2008. — № 2. — с. 86–112.
27. Семёнов, В. Косминский, Е. А. «Английская деревня в XIII веке». / В. Семёнов. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1937. — № 3. — с. 206–209.
28. Ситковский, Е. Непобедимая сила учения Маркса (К 30-летию работы В. И. Ленина «Марксизм и ревизионизм») / Е. Ситковский. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1938. — № 4. — с. 1.
29. Сталин, И. В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников (доклад на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г.) / И. В. Сталин. — Текст: непосредственный // Исторический журнал. — 1937. — № 3–4. — с. 3.
30. Тардов, В. Г. О происхождении племенного названия арийцев / В. Г. Тардов. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1934. — № 5. — с. 18–32.
31. Тарле, Е. В. «Восточное пространство» и фашистская геополитика / Е. В. Тарле. — Текст: непосредственный // Историк-марксист. — 1937. — № 5–6. — с. 89–105.
32. Удальцов, А. Д. История средних веков / А. Д. Удальцов, Е. А. Косминский, О. Л. Вайнштейн. — 2-е изд.. — Москва: ОГИЗ, 1941. — 508 с. — Текст: непосредственный.
33. История средних веков: В 2 т. Т. 1: Учебник / Под ред. С. П. Карпова. — 4-е издание. — М: Изд-во Моск. ун-та; Изд-во «Высшая школа», 2003. — 640 с.

Козельские засеки в оборонной системе Московского государства в XVI–XVII вв.

Дикарев Дмитрий Николаевич, студент магистратуры;
Штепа Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент
Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского

В статье авторы с опорой на архивные документы и опубликованные материалы рассматривают некоторые значения Козельской засечной черты в оборонной системе московского государства в XVI — XVII вв. Авторы приходят к выводу о том, что в исследуемый период козельские засеки, расположенные в наиболее опасном и важном с точки зрения обороны месте, надежно защищали «украины» Российского государства от набегов татар. А в составе, восстановленной в 1638 г. Засечной черты Московского государства, козельские засеки оставались в оборонном смысле актуальными вплоть до начала XIX века.

Ключевые слова: Московское государство, Козельские засеки, оборонительные линии, XVI — XVII вв.

Процесс образования Московского государства в XIV — XVI вв. требовал создания более продуманной успешной защиты своих границ от непрекращающихся набегов с юго-востока казанских и крымских татар и Литовского государства с запада. С давних пор существовала система охраны территории княжества — с помощью системы крепостей, засек и «сторожей» (караулов), встречавших решительное неприятие со стороны ханов Золотой Орды, расценивавших их как проявление измены. Поэтому «сторожи» (караулы) устраивались тайно в сопредельных с кочевниками землях — Рязанских, Муромских, Нижегородских, — где в скрытых притонах сторожа наблюдали за передвижением врага [4, с. 160].

В 1380 году митрополит всея Руси Алексий в своей грамоте на Черный Яр «проговорился» и упомянул о тайных караулах на реках Быстрой Сосне и Тихой Сосне в Елецком княжестве — уделе князя козельского дома Федора Ивановича, участника Куликовской битвы [3, с. 12–22].

Что же касается засек, то они появились не в XVI веке, по велению государя. Использовали природные условия для защиты своих земель далекие наши предки, возводя искусственные препятствия, засекая особым способом деревья навстречу возможному врагу. На проезжих дорогах в безлесной местности устраивались «засечные ворота». Для их охраны строились земляные городки, укрепления с башнями, окруженные рвами с водой. На подступах к укреплению устраивались надолбы, разбрасывались рогульки. У речных переправ возводились забои (перебои) — ряд свай или кольев, вбитых поперек реки, перекапывались броды. В тревожное время здесь скрывались посадские люди, женщины и дети — словом, все кого не мог вместить город, и кто не надеялся на крепость его стен.

Ряд мер, предпринятых правительством, привёл к тому, что уже к середине XVI века удалось создать надежную оборону «крымской украины» — так назывались в то время приграничные земли [7, с. 34].

Система защиты границ включала в себя три линии обороны.

Первую линию составляли сторожевые заставы и станции казаков, выдвинутые далеко в поле. Вторая линия — укрепление и засечная черта. Третья линия проходила по

берегу Оки, где постоянно были сосредоточены большие воинские силы и артиллерия.

Постоянная угроза татарских набегов заставляла обращать особое внимание на укрепление юго-восточных рубежей Московского государства. Из отдельных засек постепенно складывается линия сплошных оборонительных сооружений — «засечная черта».

Засеки или заграждения из стволов деревьев, поваленных на опушках леса, в прогалах между перелесками, на лесных дорогах, были с незапамятных времен одним из самых основных, обычных защитных сооружений в местностях, богатых лесом. Со временем они превратились в оборонительную систему, заботливо поддерживаемую правительством. Это были уже долговременные и периодически реконструируемые сооружения, которые состояли не только из лесных завалов. Термин «засека» приобрел более широкий смысл, распространяясь на всю систему укреплений в которой лесные завалы только связывали отдельные звенья из естественных препятствий местности — рек, болот, оврагов, озер и т. д., в которые включались и искусственные элементы: частоколы, надолбы, земляные валы, рвы там, где не из чего было соорудить лесной завал.

Мудрый государственный Иван IV много времени и сил отдал восстановлению засек опричных городов, в число которых был включен и Козельск. Так, за три года он дважды побывал на козельской земле. Летопись сообщает: «1563 г. мая в 9-й день Царь и Великий Князь поехали в Оболенск, в Калугу, в Перемышль, в Воротыньск, и по своимъ Дворцовымъ селомъ в техъ гордохъ» [Цит. по: 5, с. 14].

Чуть позднее, в год 1566, летопись кратко сообщает о завершении основных работ по Засечной черте, предпринятых, возможно, в связи с татарским набегом 1565 года. Смотр засек произвел Иван Грозный лично: «того же Месяца апреля в тот же 29 день царь и великий князь ездил в объезде в Козельск, в Белев, в Болхов и в оные украинные места от Крымския украины». Царь ездил с боярами, дворянами, детьми боярскими, «со всем служебным народом» и проездил целый месяц, вернувшись только к 28 мая. Видимо, этот объезд был досмотром Засечной черты, если не всей, то большей ее части. Досмотр был приурочен к за-

вершению работ, которые свидетельствовали об окончательном формировании Засечной черты в 1566 году [2].

Сведенная в единое фортификационное сооружение, Засечная черта, сраставшаяся десятилетиями, из укреплений, существовавших прежде, превратилась в связную и сплошную систему. Охрана и поддержание ее в порядке были сделаны повинностью всего населения государства вообще и близлежащих городов в особенности [8]. С третьей четверти XVI века в податной системе Московского государства становятся заметными особые «засечные» деньги, собиравшиеся на расходы по ремонту и укреплению черты. Для охраны засеки были поставлены специальные должностные лица (засечные головы, приказчики, сторожа). Черта протянулась от Рязани на Тулу, верхнюю Оку при впадении Упы, Белев, Жиздру. В опасных местах она удваивалась (между Тулой и Веневом), утроилась (между Белевом и Лихвином). В козельской земле, как на одном из важнейших направлений, между Белевом и Перемышлем Засечная черта даже учитывалась [7, с. 89].

В черту входили засеки Рязанская, Каширская, Веневская, Козельская и другие. Большинство этих засек распалось на отдельные звенья со своими самостоятельными названиями. Так, козельские засеки распались на четыре отдельных звена: засеки Столпицкую, Дубенскую, Кцынскую, Сенецкую (Ясенецкую, Есенецкую, Осенецкую) [4, с. 160].

На засеке несли службу затинщиками, засечными сторожами городские казаки, о чем сообщалось в предыдущем параграфе. Служили они под началом назначенных атаманов и голов. В документах столбцов Разрядного приказа, дошедших до нас, сохранилась информация о их службе и быте, росписные и сметные списки [9].

В оборудовании засек и ремонте сооружений принимали участие местные жители, крестьяне деревень, рядом с которыми проходила Засечная черта. Их в официальных документах — грамотах именовали «деловцами».

Делами Засечной черты ведал Разрядный приказ. Он разрабатывал планы размещения на засеках вооруженных сил, а также следил за ремонтом и восстановительными работами на ее сооружениях, готовил города к обороне [8]. Так, по его расчетам, на 90 верст козельских засек с их 4 воротами необходимо было выставить 1400 ратных людей [2].

После смерти Ивана Грозного Борис Годунов, понимая значимость засек, поддерживает их в хорошем состоянии. Но разгоревшаяся вскоре смута в государстве и войны с поляками привели к тому, что вся система укреплений Засечной черты пришла в негодность и совершенно обветшала [3, с. 46].

Царь Михаил Федорович деятельно взялся за восстановление Засечной черты в 1638 году. Была введена специальная повинность, которая распространялась на 18 посадов и 18 уездов, лежащих по обе стороны черты: Рязск, Коломна, Калуга, Воротынский, Козельск и др. [6, с. 159]. Работами по восстановлению на Козельской засеке руководил князь Белосельский. Ценою многих усилий засека была восстановлена в том же 1638 году.

Для отпора татарским набегам служилые люди — казаки и стрельцы собирались в уездные отряды и сосредотачивались на Засечной черте своих городов. В 1630-х гг. за Окой и на Оке на всей протяженности с юга к северу, насчитывалось более 40 таких городов — крепостей. Назовем только калужские: Козельск, Перемышль, Воротынский, Мосальск, Серпейск, Лихвин, Калуга.

Крепости эти были очень разнообразны по составу своих гарнизонов и по своему вооружению. В 1637 году в Белеве было 25 орудий, в Козельске — 16, в Мосальске, Серпейске по 12, в Перемышле — 9, в Лихвине — 6. Поэтому «служилые» люди так неохотно покидали городки, где проще было отсидеться за крепкими стенами под защитой пушек [10, с. 13, 14].

Кроме всего прочего, как правило, засечные городки не имели запаса продовольствия, позволявшего бы постоянно держать там воинские силы. Так, воевода Истомин, отписывая царю о нежелании козельских и мещовских казаков идти в «сидельцы» на Кцынскую засеку, замечает: «у них (т. е. в Козельске и Мещовске) городки крепкие, ин мочно сидеть на высоких осыпях... а к нам, холопам твоим, никто не пойдет в городок, потому что хлеба нет» [10, с. 35–36].

Шесть дозоров Разрядного приказа посвящены козельским засекам. Дозоры 1632, 1656 и 1657 гг. содержат описания укрепления засек. Топографические указания находим в дозорах 1656 г. и 1657 г. [10, с. 35].

Козельские засеки, как уже говорилось, распались на четыре отдельных звена. Столпицкая засека шла от замка (городка) Слободецкой засеки на юг. С русской стороны (т. е. внутренняя сторона границы) Столпицкой засеки лежали: с. Дешовка, д. Березичи, с. Волосов, деревни Жуковка, Слободка, Марьина, Дебри, Мушкань; с польской стороны (т. е. внешняя сторона границы): деревни Гостьковка, Озерно, Грынь, с. Вейно, с. Чернышино, Хряпкина слобода, деревни Киреевская, Слаговищи, Красный Клин, Сырая Тварня, Веинка.

В 1641 году Козельская Столпицкая засека была передана козельчанам Андрею Григорьевичу Шепелеву и Борису Максимовичу Воронцову воротынцем Дорофеем Ивановичем Матовым. Отдаточная роспись содержит описание городка Столпицкой засеки.

«Козельской Столпицкой засеки город сосновой рубленой, до мосту рублен в одну стену, с быками, а на быках мощен мост; около города поверх мосту город рублен в две стены в клетку, а в клетках прорублены двери, ходить по городу... Да у города ж 4 башни рубленых: две башни проезжая с вороты, с польскою и с русскою сторону, крыты тесом. Да около города с трех сторон, с полевых стороны, да от лесного завалу, копан ров; а по мере рву 2 саж. косых, глубина рву 2 саж. без трети; а с русскою сторону ров не копан для того, что течет речка Песочна возле ров, крутоберега, топка... Да в городе две избы, да казенной погреб с выходом, обсыпан землею, покрыт дерном. Да лесной завал на Столпицкой засеки, сечен возле старого лесного завалу по большому лесу; и лесной завал крепок,

поднимаю на пеня. А полых безлесных, и рек, и ржавцов, и болот в заповедном лесу нет; а который речки есть, а те речки малы, и песчаны, и мелки, и конному переехать и пешему перейти мочно без мечтанья...А наряд, и зелье, и всякие пушечные запасы, Столпицкой засеки из города, Никита Павлов по росписи отдал в Козелску, по государеве грамоте, воеводе Ивану Кутузову в нынешнем во 149-м (1641) году» [1, с. 447–448].

Возникнув в удельный период Козельского княжества как одно из укреплений на дальних подступах к городу, козельские засеки были включены во время правления Ивана Грозного в связную и сплошную систему

обороны — Засечную черту, для охраны и поддержания которой привлекалось население Козельска, в частности, городские казаки, записанные в службу в середине XVI века. В XVI — XVII вв. козельские засеки, учетверенные, что свидетельствовало о расположении их в наиболее опасном и важном с точки зрения обороны месте, надежно защищали «украины» Московского государства от набегов татар. Восстановленная после разорения в «смутное время» царем Михаилом Федоровичем в 1638 году Засечная черта Московского государства (и козельские засеки, в частности) не потеряла своего оборонного значения вплоть до начала XIX века.

Литература:

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук / доп. и изд. Высочайше учрежденною комиссиею. Т. III: 1613–1645. — СПб.: Тип. 2-го отд-ния С. Е. И. В. К., 1836. — 518 с.
2. Бобровский, М. В. Козельские засеки (эколого-исторический очерк). Калуга: Изд-во Н. Бочкаревой, 2002. — 92 с. URL: <http://kozelskie-zaseki.narod.ru/history/kz-gl5.htm> (дата обращения 24.05.2020).
3. Боярский, В. На стороже Руси стояти. — М.: Граница, 1992. — 166 с.
4. Евгин, А. История города Козельск. — Калуга: Дар, 2010. — 671 с.
5. Кавелин, Леонид, архим. Историческое описание Перемышльского Троицкого Лютикова монастыря. — Калуга, 1862. — 146 с.
6. Новосельский, А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. — 448 с.
7. Рябов, С. А. Здесь государевым «Украинам было сбережение». — М.: Институт наследия, 2007. — 335 с.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Белгородский стол. Ст. 114. 1638 г. Устройство и охрана засек. Лл.: 6, 15–18, 43–49. Ст. 212. 1646. Документы, касающиеся управлением и состоянием городов. с. 107–111.
9. РГАДА., Ф. 210. Московский стол. Ст. 694. 1683–1689 гг. Документы, касающиеся управлением городов. Назначение Козельских воевод, стрелецких и казачьих голов. с. 185–186, 203–205, 390, 435–438.
10. Яковлев, А. И. Засечная черта Московского государства в XVII веке: очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. — М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Совко, 1916. — IX, 321 с.

Асимметричная модель деволюции Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии

Крыжановская Виктория Александровна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск)

В статье приводятся различные трактовки термина «деволюция», рассматривается отношение населения Соединенного Королевства к деволюции. Подчеркивается, что идея деволюции созрела длительное время. Отмечено, что законодательство, касающееся делегирования полномочий от центрального правительства законодательным и исполнительным органам регионов, постоянно совершенствуется, и процесс деволюции не останавливается.

Ключевые слова: деволюция, разделение властей, Великобритания, Соединенное Королевство, центральная власть, регион, Ассамблея Северной Ирландии, Национальная Ассамблея Уэльса, асимметричная деволюция.

Термин «деволюция» в различных источниках трактуется по-разному. Так большой юридический словарь В. Н. Додонова издательства «Инфра-М» в 2001 г. трактует термин так: «Деволюция — передача (делеги-

рование) центральными правительственными органами части своих полномочий органам власти административно — территориальных единиц».

Большой словарь иностранных слов издательства «ИДДК» 2007 г. раскрывает деволюцию как передачу «законодательных прав от центра отдельному графству или составной части Великобритании и придание им большей самостоятельности».

«Деволюция — передача центральными государственными органами части своих полномочий, ответственности местным административно-территориальным органам», — так термин трактует «Краткий словарь 100 современных политических терминов и понятий» под общей редакцией Ж. К. Букановой 2007 г.

Деволюция — процесс перераспределения политической власти, ее диффузия, постепенное «переливание» власти сверху вниз с созданием в регионах собственной системы политических институтов или расширением компетенций, уже существующих [1].

Современный толковый словарь русского языка Ефремовой 2000 г. определяет деволюцию как частичную передачу власти, некоторых полномочий центральным правовым местным органам власти.

Наделение регионов правами происходит вследствие усиления политической активности населения, которая наступает ввиду внутривнутриполитических факторов. Правительство оставляет за собой ответственность за основные направления политики и законодательства. Центр делегирует определенные полномочия для эффективности управления, при этом отмечается их неравномерность как для территориальных единиц, так и для их новых политических институтов.

Деволюцию можно разделить на законодательную и административную. Для первой характерно получение законодательного права по некоторым вопросам, для второй — претворение законов и политик, установленных центром для этой административно — территориальной единицы.

Деволюция не является уникальным явлением Великобритании, она характерна и для других стран, в которых отмечается тренд на регионализацию.

Тенденция к децентрализации и деволюции глобальна и основана на субнациональной легитимности, предполагает передачу все больших объемов полномочий и ресурсов центра регионам [3].

Относительно Соединенного Королевства понятие «деволюция» не предусматривает немедленное получение независимости регионов, а рассматривается как один из способов реформирования территориально-политического устройства.

Официальное название Великобритании — «Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии» — указывает на то, что оно состоит из трех крупных регионов: Англии, Шотландии и Уэльса, для которых отмечается субсидарная легитимность.

Если рассмотреть противоречия, исторически сложившиеся в Великобритании, то выделим:

1) различные официальные религии (в Англии и Шотландии), либо ее отсутствие (в Ирландии в соответ-

ствии с Законом об Ирландской церкви 1869 года, Уэльс в соответствии с Уэльским церковным актом 1914 года);

2) различные системы местного самоуправления и ответственности ведомств;

3) особенности территории в пределах Великобритании, ментальные особенности ее жителей

Впервые в Великобритании о необходимости деволюции власти упоминается во второй половине XIX — начале XX века. Умеренная деволюция рассматривается как способ сохранить единство государства, предотвратить сепаратизм без дезинтеграции единой государственности.

Если попытаться классифицировать деволюционные модели Соединенного Королевства, то определяются три основных вида:

1) административная деволюция («administrative devolution»);

2) исполнительная деволюция («executive devolution»);

3) законодательная деволюция («legislative devolution»)

В то же время, как справедливо отмечает Е. Д. Чуликова, «административная деволюция не свидетельствует о демократизации системы управления и не требует внесения сколько — нибудь существенных изменений в государственное устройство».

Деволюционная модель Великобритании демонстрирует трансформацию политического и государственного управления в рамках компромисса между политическим и национальным.

Неизбежна политическая модернизация традиций страны. Предоставление полномочий от центрального правительства происходит с учетом интересов отдельных субъектов и ограничением вмешательства центральных органов власти в дела их администраций.

С одной стороны, у регионов появляются новые инструменты претворения политической воли и стремлений населения, с другой — парламент сохраняет влияние на политическую ситуацию внутри государства, выступая источником права для новых политических институтов.

Он опирается на суверенитет Вестминстера в правовом регулировании отношений между центром и региональными органами управления.

Модели деволюции в Великобритании отличаются. В введении парламента Шотландии законодательные полномочия, право изменения налогов, Ассамблея Северной Ирландии и Национальная ассамблея Уэльса занимают вопросы, которыми ранее также занималась центральная власть. Таким образом, Шотландия имеет наибольшие полномочия, Уэльс — административные, а деволюция в Северной Ирландии существенно осложнена политической борьбой между националистами и унионистами.

Что касается отношения к деволюции населения Соединенного Королевства, то согласно данным BBC, уже в 2009 г. 41 % опрошенных шотландцев полагал, что деволюция — это положительный фактор в жизни региона, при этом 46 % считали, что она не принесла серьезных изменений, но только 9 % выступали против нее [4].

Несмотря на утверждения исследователей о том, что такая модель может привести к разным последствиям для государства, в том числе и отделению региона, вопрос независимости сложен для населения этого региона. Согласно опросам 2009 года 58 % населения поддержали идею проведения референдума о независимости, хотя при этом 54 % не желали немедленного получения независимости, а 38 % выступали за обретение независимости в течение двадцати лет [2].

Статус регионов подтверждается реакцией центра на запросы регионов, что также снимает радикализацию настроений. Тем не менее в случае расхождения представлений центра и региональной общественности

о будущем региона начинается новый виток противоречий, разрешение которых зависит, главным образом, от развития и состояния региональных политических партий, что также определяет региональные перспективы.

Проанализировав эти определения, приходим к выводу, что деволюция — это передача части полномочий центральной власти на места, субъектам федерации, областям и др. Деволюция — это процесс, а не событие. Процесс деволюции и сейчас не останавливается, законодательство постоянно совершенствуется. Модели передачи властных компетенций сверху вниз различаются не только содержательно, но и хронологически.

Литература:

1. Деволюция. — Текст: электронный // Академик.ру: [сайт]. — URL: <https://jurisprudence.academic.ru/1711/%D0%B4%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 11.06.2020).
2. Еремина, Н. В. Корни брекзита: конфликт идентичностей в соединенном королевстве / Н. В. Еремина. — текст: непосредственный // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2017. — № 1. — с. 87–105.
3. Пузаков А, В. Децентрализация власти как тенденция и признаки деволюции / А. В. Пузаков — Текст: электронный // Научный журнал «РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY»: [сайт]. — URL: <http://regionsar.ru/node/954> (дата обращения: 11.06.2020).
4. Устюжанинова, Е. А. Модели делегирования полномочий: опыт великобритании / Е. А. Устюжанинова. — Текст: непосредственный // lex russica (русский закон). — 2015. — № 9. — с. 100–109.

Наука и образование в утопиях Томаса Мора и Фрэнсиса Бэкона

Мызгина Анастасия Викторовна, студент магистратуры
Волгоградский государственный социально-педагогический университет

В исследовании анализируются взгляды на образование, воспитание и труд в произведениях утопического жанра: «Утопия» Т. Мора, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона. Определяется место и роль науки в утопических государствах.

Ключевые слова: утопия, Т. Мор, Ф. Бэкон, образование, воспитание, наука, труд.

В истории утопии возникали разные взгляды на идеальное устройство жизни человека. С момента появления «Утопии» Томаса Мора впервые были заложены традиции утопического жанра в литературе. В истории общественной мысли утопическая литература всегда привлекла внимание исследователей к проблемам государственного и общественного строя в утопиях. Однако исследователи уделяли мало внимания вопросам образования и воспитания. Усиление внимания к данной проблеме связано непосредственно с тем, что образование играет важную роль в жизни человека. Поиск идеальной системы образования и воспитания остается актуальным и в наше время.

В данном исследовании анализируются следующие английские утопии: «Утопия» Т. Мора и «Новая Атлантида» Ф. Бэкона.

Томас Мор и гуманисты эпохи Возрождения выступали против схоластики и соответствующей ей системы образования, чтобы путем просвещения сделать жизнь людей гу-

маннее и справедливее, опираясь на идеи христианства [7; 36]. В «Утопии» Т. Мора образованию и воспитанию отведено особое место. По замыслу автора, оно включает в себя духовное и физическое развитие. Так, в разделе «О занятии ремеслами» Т. Мор пишет следующее: «У всех мужчин и женщин есть только одно общее занятие — земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают» [4; 66]. Кроме земледелия, жители Утопии должны изучать ремесло. В стране, в которой отсутствует частная собственность, жители трудятся на благо общества. Утопийцы осознали необходимость добиваться личного счастья совместным трудом, следуя новому принципу коллективизма — антиподу индивидуализма. [8; 66]. Труд обязателен для всех, но разные виды труда не равны друг

другу по достоинству, так же как не равны и люди [4; 94]. Следовательно, труд в утопии обязателен для всех и труду обучают всех с детства при помощи игры.

Программа умственных занятий гармонически сочетается с физическими упражнениями и трудом. Предусматривается внешний контроль над выполнением обязанностей жителей утопии. Исключением является занятие науками в свободное время от ремесла и земледелия. «И, наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых» [4; 71]. Таким ученым автор дает возможность занимать должности «послов, духовенства, траниборов¹ и глав государства» [4; 71]. Поэтому тем, кто желает войти в сословие ученых, необходимо проявить к этому способности и талант. Также, ученые могут обучать наукам любых других желающих в специально отведенные часы отдыха в Утопии. Однако, если ученый не оправдал надежду, то он обратно возвращается к занятию ремеслом [4; 134]. Кроме того, отдельно обучением мальчиков и юношей занимаются священники, по их рекомендации производится выделение граждан «для основательного прохождения наук» [4; 136]. Английский мыслитель выражал мечту гуманистов о том, чтобы обществом управляли люди наиболее образованные и добродетельные [3; 95].

А. Л. Мортон утверждает, что образование у Т. Мора представлено в виде непрекращающейся попытки постичь мир. В ней участвует весь народ. Если и выделялись люди, специально посвятившие себя наукам, то они не составляли замкнутой касты, отгораживавшейся от народа, но были передовым отрядом, вождями движения, к которому мог примкнуть любой и каждый. Ученость ценилась и уважалась не как нечто самодовлеющее или признак особой социальной принадлежности, но как средство для полного развития человеческих способностей [5; 34].

Следовательно, для Т. Мора, справедливо, то общество, в котором, чтобы стать ученым, необходимо проявить свои способности и талант. Только ученые получают доступ к власти и решают главные проблемы в идеальном государстве. Совместный труд — это счастье для людей, он объединяет всех, «и в итоге у них получается изобилие во всем» [4; 72]. В этом обществе люди равны и имеют равный доступ к занятию наукам, все с детства обучаются, и только самые способные получают дополнительные возможности.

Другая утопия, «Новая Атлантида» Ф. Бэкона повествует об обществе, в котором образование и наука занимают центральное место. Название «Новая Атлантида» связана с трудом Платона «Атлантида», и главным ее отличием является жизненность и независимость Атлантиды от разрушительных сил природы [2; 137–138]. В этом произведении под видом описания утопического государства, излагается программа государственного колледжа экспериментальных наук [2; 144]. Сочинение Ф. Бэкона

повлияло на общеевропейское движение за создание научных академий. [2; 138].

Гуманисты Нового времени отводили науке и образованию особую роль. В огромных успехах техники производства и в способности человека подчинять себе окружающий его мир и свою собственную судьбу гуманисты черпали уверенность в будущем прогрессе человечества. Гуманисты верили в то, что человек в состоянии собственными руками и разумом добыть счастье в этом мире. Человека и природу они рассматривали не в противопоставлении друг другу, а в их единстве [6; 91].

Автор воображаемого государства описывает «Соломонов дом», в котором избранные ученые располагают различными материалами и сооружениями для научных изобретений посредством опытов и экспериментов. «Целью нашего общества является познание причин и скрытых сил вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным» [1; 263]. Замкнутость и элитарность сочетается в нем с универсальностью его функций. Общее число полноправных членов Дома невелико — 36 человек [2; 153]. Помимо основных членов Дома Соломона, имеется какое-то число новопосвященных и учеников, а также многочисленные слуги и помощники. [2; 154].

«Не каждое изобретение может быть обнародовано обществу и государству, некоторые из них должны храниться в тайне среди ученых» [1; 273]. Тем самым, разрешались социально-этические проблемы, связанные с ответственностью за последствия научных открытий [2; 162].

Как и в «Утопии» Т. Мора, труд — это основа жизни и счастья людей. Однако в работе Ф. Бэкона уделено мало внимания социальной стороне жизни в утопии. Между тем, Ф. Бэкон рассматривал поиск знания как высшую цель человеческой деятельности и как высшее наслаждение человека. [2; 156]. Наука, прогресс знания выступают в «Новой Атлантиде» как единственный врачеватель язв и пороков общества и человека, как сила, способная самостоятельно преобразовать общество, сделать его счастливым и процветающим [2; 160].

«Бэкон больше всего расходится с Мором во взглядах на воспитание. Для Мора воспитание было делом общественным и коллективным, имевшим целью умножить счастье всего народа и обогатить его интеллект. Для Бэкона это было занятием коллегии специалистов, самым щедрым образом награждаемых государством и работающих в совершенной изоляции от масс» — утверждает историк А. Мортон [5; 40]. Но, как следует из работы Т. Мора, самые способные и талантливые имеют право войти в состав ученых, которые освобождаются от физического труда и получают доступ к управлению государством.

Следовательно, в утопии «Новая Атлантида» Ф. Бэкон отводит образованию и науке высокое положение в го-

¹ Должностное лицо по общественным делам в утопическом государстве.

сударстве. Наука определяется как движущая сила в развитии государства и общества. К занятию наукой допускается ограниченное количество лиц. Однако нам ничего не известно про обучение и воспитание детей. Работа Ф. Бэкона считается незаконченной, так как не все сферы жизни затронуты в утопии.

Таким образом, образование и воспитание на примере данных утопий имеет ряд схожих идей: единство духовного и физического развития жителей утопии; самые талантливые и способные допускаются к занятию науками; образование и воспитание начинается с детства; в каждой из утопий труд в почете. В утопии Т. Мора образование представляет собой обязательный институт, через

который должны пройти все жители утопии. В то время как в утопии Ф. Бэкона доступ к образованию должны получать самые способные и талантливые. Однако авторы утопий рисуют государство, в которых наука и образование занимают почетное место. Благодаря этому в утопическом государстве процветает спокойствие и справедливость со стороны правителей. Авторы утопий не обходят вниманием детали каждой стороны жизни в утопии и описывают преимущества воображаемых ими государств. Многие из этих идей остаются полезными и необходимыми для реализации в мире равенства и справедливости, к которым всегда стремились мыслители разных эпох.

Литература:

1. Бэкон, Ф. Новая Атлантида // Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бэкон Ф. Новая Атлантида / Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Фрэнсис Бэкон; пер. с лат. А. Малеина, Ф. Петровского / пер. с англ. З. Александровой. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. с. 227–275
2. Карев, В. М. «Новая Атлантида» и «Утопия». Из истории утопической мысли в Англии в XVI-XVII вв. // Томас Мор (1478–1978). Коммунистические идеалы и история культуры. — М.: Наука, 1981. с. 133–166
3. Кудрявцев, О. Ф. Ренессансный гуманизм и «Утопия». — М.: Наука, 1991. — 288 с.
4. Мор, Т. Утопия // Мор Т. Утопия; Кампанелла Т. Город Солнца; Бэкон Ф. Новая Атлантида / Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Фрэнсис Бэкон; пер. с лат. А. Малеина, Ф. Петровского / пер. с англ. З. Александровой. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. с. 5–148
5. Мортон, А. Л. Английская утопия. — М.: Иностранная литература, 1956. — 277 с.
6. Мортон, А. Л. От Мэлори до Элиота. М.: Прогресс, 1970. — 256 с.
7. Осинковский, И. Н. Томас Мор в истории ренессансного гуманизма // Томас Мор (1478–1978). Коммунистические идеалы и история культуры. — М.: Наука, 1981. с. 7–45
8. Сапрыкин, Ю. М. О гуманистическом индивидуализме в политической мысли Англии в XV — начале XVI в. // Томас Мор (1478–1978). Коммунистические идеалы и история культуры. — М.: Наука, 1981. с. 46–67

Особенности организации и функционирования колхозов Ленинградской области в 1938 году

Пасечников Андрей Александрович, студент
Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

В статье рассматриваются различные аспекты проведения коллективизации на современной территории Ленинградской области, корректировка деятельности в организации сельского хозяйства: корректировка планов сдачи сельскохозяйственной продукции, развитие мелкого подсобного хозяйства, решение национального вопроса в колхозах, низкоуровневая административная работа. Главное внимание в статье уделено выявлению особенностей и специфики проведения курса организации и функционирования колхозов Ленинградской области в 1938 году.

Ключевые слова: коллективизация, колхозы, животноводство, пограничная полоса, Большой террор, история Ленинградской области.

Features of the organization and functioning of collective farms of the Leningrad region in 1938

The article deals with various aspects of collectivization in the modern territory of the Leningrad region, the adjustment of activities in the organization of agriculture: overstatement of plans for the delivery of agricultural products, the power withdrawal of

grain above the norm, low fees for collective farmers, low-level administrative work. The main attention is paid to the identification of features and specifics of the course of organization and functioning of collective farms of the Leningrad region in 1937.

Key words: collectivization, collective farms, animal husbandry, border strip, history of the Leningrad region.

Говоря о продолжении процесса коллективизации на территории Ленинградской области в 1938 году, необходимо отметить то наследие, которое досталось после прошлогодней политики местных властей. Также хотелось бы заметить, что ввиду обширности и объёмности темы следует сконцентрироваться на трёх основных вопросах, которые ежегодно остаются для данной территории самыми важными. А именно: хозяйственный, административно-политический и национальные вопросы.

С точки зрения эффективности ведения хозяйства были решены основные трудности. Например, область смогла решить основные организационные проблемы, в то же время наконец смогла использовать весь потенциал устава сельскохозяйственной артели в плане развития подсобного хозяйства. Таким способом была решена проблема в развитии мелкого скота и молокопоставок.

В области животноводства крестьяне в целом выбрались из предшествовавшего кризиса. Успех в выполнении плана кроется в том, что примерный план ожидаемого прироста скота на момент начала 1938 года увеличился всего на 16 %. В то время как план прироста скота 1934 и 1935 года разнятся более чем на 110 % (10,1 млн голов и 21,3 млн голов по СССР) [3, с. 37]. То есть мы видим продолжение адаптации местных планов к условиям ведения хозяйства на определённых территориях, что сильно разнится с опытом создания всесоюзных планов сдачи сельскохозяйственных заготовок конца первого пятилетнего плана.

В 1937 году начинается этап Большого террора. Точкой отсчёта начала можно считать указ НКВД № 00447 с подписью народного комиссара внутренних дел Н. И. Ежова «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» [1, с. 253]. Важно отметить, что и до принятия указа уже было оформлено более 4000 дел первой категории. Давая характеристику началу репрессивного периода, следует заметить, что он тесно связан с национальным вопросом.

Эту точку зрения подтверждают следующие факты: параллельно с репрессиями проводилась политика расселения и переселения колхозов национальных меньшинств [7, с. 4]; репрессиям подвергались и прибалтийские представители в культурно-просветительской сфере [11, с. 545]; активная русификация национальных прибалтийских школ [6, с. 7].

В конечном итоге наследие 1937 года сложно оценить как-то однобоко. С одной стороны, были достигнуты большие успехи в мелком животноводстве и сборе сельскохозяйственных культур. С другой — начало Большого террора и ухудшение положение национальных меньшинств ставило перед местной властью и жителями новые вопросы и проблемы, требующие немедленного решения.

Как было описано выше, эти три фундаментальных вопроса для Ленинградской деревни охватывают разные сферы жизни, но одинаково сильно влияют на всех жителей. Именно поэтому логичным следовало бы проследить их прогресс и регресс в 1938 году.

Говоря о репрессивной политике в Ленинградской деревне, стоит отметить, что репрессии всё так же продолжались. На территории области было арестовано 3238 человек. Более того, периодически руководство Ленобкома ВКП (б) запрашивало повышение лимита на репрессии [2, с. 69].

Справедливым было бы заметить две детали. Во-первых, количество арестованных на территории города Ленинграда было в пять раз меньше, чем в области. Во-вторых, по сравнению с предыдущим годом, конечно же, их количество очень сильно сократилось. Но всё ещё дела продолжали собираться, что говорит нам о продолжении периода «Большого террора».

Важно отметить, что помимо репрессий продолжалась и переселенческая политика. Здесь мы видим напротив — резкое увеличение переселений из приграничных районов в Сибирь и Среднюю Азию [4, с. 168]. Связано это со строением оборонительной полосы рядом с Прибалтикой и подготовкой к военным действиям в целом.

Однако ограничиваться только этими причинами будет большой ошибкой. На протяжении всего второго пятилетнего плана развития народного хозяйства мы видим изменения в образовании, культуре и даже управлении национальными районами в сторону русификации. Однако, в первом пятилетнем плане такого отношения к национальным меньшинствам не замечалось, в том числе из-за изменения курса национальной политики.

Подводя итог национальной политики, следует отметить, что, основываясь на информации всесоюзной переписи населения, можно заметить, что количество финского населения сократилось за десять лет на более чем 30 тысяч человек [5, с. 122]. Та же самая тенденция характерна и для ижорского населения. Но здесь присутствует влияние не только репрессий. Не следует воспринимать 1938 год излишне кровавым, потому что местные органы управления были нацелены, скорее, на переселенческую политику и ассимиляцию этих народов. Также справедливо будет отметить, что данная тенденция характерна для большинства малых приграничных районов всего Советского Союза. Единственное ключевое отличие — переселение, как было указано выше, в преимущественно Сибирские земли.

Лучше всего о реальном положении дел в деревне можно судить, ознакомившись с одной из докладных записок, переданных Жданову. В ней говорится об успешном искоренении контрреволюционных формирований, главной

целью которых была реставрация капитализма [8, с. 66]. Конечно, здесь напрашиваются параллели с политикой раскулачивания, но я хотел бы больше сосредоточиться на отличиях, поскольку на первый взгляд они могут быть не столь заметны.

В 1938 году мы не видим столь агрессивных по своей направленности агитационных лозунгов. В отличие от первого пятилетнего плана репрессии проводят скорее «на верхах», чем «с низов». Всё меньше мы видим расквечивание неких «группировок». Видимо, теперь шпионы на территории Ленинградской области действуют в одиночку. Например, в процессе об избииении работников избирательного пункта Красногвардейского района и подготовке террористического акта указана не группа террористов, а всего лишь один человек — Виллонен Н. А. [9, с. 150].

Исходя из сложившегося положения в областной периодической печати того же 1938 года мы видим большое количество достаточно разрушительных поджогов, которые организуют чаще всего лишь 1-2 человека. Например, 11 июня в деревне Глинка было сожжено 18 жилых колхозных домов, кладовые и 40 пудов хлеба. Виновник лишь один — Сметанов В. И. [10, с. 605]. Это лишь один из примеров, которых, конечно же, множество. Обратит внимание хотелось бы на том, что, во-первых, акцент делается именно на поджогах, а во-вторых, в печати и сводках НКВД в подавляющем большинстве случаев говорится об индивидуальных контрреволюционных действиях.

Что касается хозяйственных результатов, то здесь можно обнаружить в основном негативные тенденции. Одним из таких результатов оказывается абсолютная неготовность Леноблисполкома к весеннему севу. Область показывает худшие результаты с 1934 года [13, с. 114] и причины следует искать, конечно же, не только в 1938 году. Это целый комплекс причин, среди которых: отсутствие семян, снижение финансирования и неправильное его распределение, а также переселенческая политика. Эти негативные факторы были и раньше, но наи-

большее влияние на колхозы Ленинградской области они оказывают именно сейчас.

Большой кризис появился в сфере тягловой силы. Каждая десятая лошадь на территории области абсолютно неработоспособна [13, с. 124]. Необходимо отметить, что в 1937 году очень схожая статистика касалась крупного рогатого скота. Причины и первой, и второй ситуации схожие: климатические изменения, недостаток ветеринарной помощи, а также кадров, занимающихся уходом за животными. В исследуемом году главные болезни для Ленинградской области — эпидемия ящура и чумы свиней [12, с. 710]. Данный факт говорит нам о том, что в данный момент хозяйственные успехи деревни волнуют руководство партии гораздо меньше, нежели политические процессы.

Лучше всего эту позицию подтверждает следующий аргумент. Одним из главных положительных итогов второго пятилетнего плана развития народного хозяйства был прирост производства зерновых и даже продажа зернозаготовок в соседние районы. В 1938 году уже Ленинградская область массово закупает из других регионов зерно, пытаясь спастись от голода [4, с. 403].

В общем и целом, 1938 год для Ленинградской деревни нельзя считать успешным в хозяйственном плане. Многие достижения предыдущих лет были поставлены под угрозу из-за кадровых изменений, репрессий и переселенческой политики. Всё ещё продолжается регресс в сфере тяглогового и крупного рогатого скота. Одной из главных причин такого положения дел можно считать недостаток ветеринарного обеспечения колхозов. В конечном счёте процент освоенных посевных площадей всё ещё равнялся 98%, что повторяет прошлогодний результат. Всё ещё сохраняется победа социалистического строя в деревне.

Помимо этого, в этом году на исследуемой территории продолжался Большой террор. Его основной особенностью в рамках данного периода можно считать не только снижение количества арестов, но и продолжение переселенческой политики Приграничных земель, что было напрямую связано с возможными военными действиями.

Литература:

1. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». Приказ НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 года // История ГУЛАГа 1918-1958. М.: РОССПЭН, 2015. — 413 с.
2. «Протокол № 60 заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 25 апреля 1938 г. о дополнительных лимитах на репрессии для Ленинградской области» // Трагедия советской деревни. Т. 5. М.: РОССПЭН, 2002. — 1036 с.
3. Весник, М. В. Основные задачи по животноводству на 1937 год // Журнал Госплана и ЦУНХУ СССР. 1936. № 14. с. 37.
4. Иванов, В. А. Миссия ордена. Механизм массовых репрессий в советской России в конце 20-х — 40-х гг. (на материалах Северо-Запада РСФСР). СПб.: ЛИСС, 1997. — 461 с.
5. Колхозы во второй сталинской пятилетке. Статистический сборник. М.: Госпланиздат, 1939. — 140 с.
6. Красная искра. № 64. 1938. с. 4.
7. Крестьянская правда. № 40. 1938. с. 7
8. Мусаев, В. И. Эстонская диаспора на Северо-Западе России во второй половине XIX — первой половине XX века. СПб.: Нестор, 2009. — 345 с.

9. Сводка 9 отдела 1 Управления НКВД СССР об антисоветских проявлениях во время выборов в Верховные Советы союзных республик от 27 июня 1938 г. // Трагедия советской деревни. Т. 5. М.: РОССПЭН, 2002. — 1036 с.
10. Сводка НКВД СССР «О террористических и др. к.-р. Проявлениях на селе от 22 июня 1938 года» // Советская деревня глазами НКВД 1918-1939. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2012. — 988 с.
11. Смирнова, Т. М. Национальность — питерские. Спб.: Сударыня, 2002. — 582 с.
12. Спецсообщение НКВД СССР «о заболевании и падеже скота от 15 октября 1938 года» // Советская деревня глазами НКВД 1918-1939. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2012. — 988 с.
13. Справка 9 отдела 1 Управления УГБ НКВД СССР «О недочетах в ходе весеннего сева по ряду областей, краёв и республик Союза на 1 апреля 1938 года» // Трагедия советской деревни. Т. 5. М.: РОССПЭН, 2002. — 1036 с.
14. Справка НКВД СССР «О недочетах в ходе подготовки к весеннему севу по ряду областей, краёв и республик Союза, по данным на 25 апреля 1938 года» // Советская деревня глазами НКВД 1918-1939. Т. 4. М.: РОССПЭН, 2012. — 988 с.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Эволюция НАТО в постбиполярный период

Анохин Дмитрий Александрович, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

В статье автор рассматривает трансформацию НАТО в период после распада биполярной системы международных отношений

Вот уже 70 лет Североатлантический альянс занимает важную нишу в структуре международной безопасности. Образованный в 1949 году, он, в контексте необратимых процессов на мировой арене, показал высокую адаптивность к новым условиям. Начало этому процессу положил распад блока социалистических держав и выход из состояния биполярности, что привело к определенному кризису идентичности НАТО. Организация нуждалась в качественной трансформации, поскольку альтернативой для нее была тогда лишь судьба ОВД. Для понимания нынешнего характера НАТО необходимо рассмотреть развитие Альянса в постбиполярный период с 1990-ых по 2000-е годы и охарактеризовать процесс решения Альянсом кризиса идентичности.

Окончание Холодной войны кардинально изменило расстановку сил в мире, поскольку теперь оставался лишь один полюс силы. В этих условиях возник вопрос о целесообразности сохранения прежнего формата взаимодействия между странами Запада, а именно о сохранении НАТО. 8 июня 1990 года в Тьернбери Совет НАТО на уровне министров иностранных дел выступил в поддержку решения о реформировании ОВД в структуру политического характера и всячески приветствовал диалог с бывшим противником. Для многих подобные заявления были сигналом к готовящейся трансформации и НАТО, функции которой теперь виделись нерентабельными. Уже в июле миру была представлена так называемая Лондонская декларация, которая изменила стратегические установки Альянса. Вероятность крупномасштабного военного конфликта теперь характеризовалась как минимальная, но на место этой угрозы пришли межэтнические, территориальные и др. вызовы. Страны-члены НАТО заявляли о готовности наращивать взаимодействие со странами Центральной и Восточной Европы не только на политическом, но и на военном уровне, что впоследствии было подкреплено «Римской декларацией» 1991 года.

Больше конкретики предоставляет Стратегическая концепция 1991 года — первая «гласная» концепция Альянса. Теперь безопасность участников НАТО должна была реализовываться через «партнерство и сотрудничество с бывшими противниками», т. е. приоритет отдавался политической составляющей альянса (к традиционным «обороне» и «диалогу» добавлялось «сотрудничество»). Была разработана стратегия «управления кризисами» и начата подготовка региональной концепции, базы для дальнейшего вектора активности блока. В документе не содержится каких-либо изменений в зоне ответственности НАТО, однако включение в сферу интересов стран бывшего ОВД неизбежно вело и к расширению в этом направлении.

В декабре 1991 года был создан Совет североатлантического сотрудничества для общения со странами бывшего соцблока, который стал основой для программы «Партнерство ради мира» 1994 года, предусматривавшей индивидуальный подход к каждой стране, сотрудничавшей и желающей вступить в Альянс. Здесь начали проявляться различия в интересах стран Западной Европы и США. Первые стремились наращивать усилия по взаимодействию внутри ЗЕС как основы региональной безопасности в кооперации с НАТО, в то время как США, признавая значимость этого объединения, предлагали сохранить прежний уровень своей вовлеченности. Это, однако, подкреплялось позицией Великобритании и Франции, опасавшихся чрезмерного усиления роли Германии в Альянсе. Несмотря на это, была принята концепция «объединенных совместных оперативных группировок» для операций ЗЕС. Еще раз противоречия проявились в вопросе приема новых членов в состав организации. Европа опасалась реакции России на столь быстрое расширение Альянса, однако уже в 1993 году Польша, Чехия и Венгрия были названы в качестве основных кандидатов на вступление, а в 1996 году Совет НАТО в Брюсселе инициировал расширение.

На фоне институционального расширения к 1995 году НАТО пересмотрела возможности применения своих сил: если ранее они применялись для содействия ООН, то теперь фактически стали заменять ее миротворческие миссии (с середины 1993 года войска НАТО блокировали Югославию с моря и выполняли задачи «голубых касок» по созданию зон безопасности). От концепции коллективной обороны Альянс перешел к прямому вмешательству в напряженные ситуации, поскольку они могли создать угрозу основному принципу НАТО — безопасности стран-членов.

Во 2й половине 90х годов стало очевидно, что кризисные явления на Балканах и в других странах мира вкупе с территориальным расширением требуют окончательного оформления нового подхода к внешней политике НАТО. Эту задачу была призвана выполнить Стратегическая концепция 1999 года, которая принималась в условиях эскалации конфликта на территории Югославии. В ней главным вызовом стала «нестабильность по периметру границ альянса», что подразумевало расширение зоны ответственности и выход за рамки статьи 5 Североатлантического договора. Таким образом, компетенция НАТО превращалась в общемировую, что получило подтверждение в ходе военной операции в Косово без санкции ООН. Это также стало примером реализации принципа «гуманитарного вмешательства» как основания применения силы. Был также официально расширен список угроз путем акцентирования внимания на политической нестабильности, нарушениях прав человека и т. д.

НАТО взяла курс на преодоление «разрыва в возможностях» чисто военного характера между странами-участницами: в период конфронтации с ОВД именно США представляли экспедиционную составляющую войск Альянса, теперь же, в условиях снижения американского контингента, было необходимо нарастить схожие возможности и у стран Европы. Учитывая обеспокоенность России, представители организации также заявили о неразмещении ОМУ и ПРО на территориях будущих членов, что, однако, не было подкреплено соответствующими соглашениями. Наконец, стало очевидно, что риски будут исходить не только из европейского региона, что подтвердилось последующими событиями.

Применение статьи 5 и 6 Вашингтонского договора произошло в обстоятельствах, которые показали незавершенность процесса адаптации к специфике рисков XX века. Террористические атаки 11 сентября 2001 года, а также теракты в столицах Испании и Великобритании в 2004 и 2005 годах дали понять в первую очередь США, что терроризм окончательно стал явлением трансграничным, что в условиях поддержки тренда на глобализацию сделало его основной угрозой НАТО. США «объявили войну» мировому терроризму, однако остальные страны-члены НАТО не были столь поспешны в своих действиях в этом направлении. Это объяснялось разницей подходов к решению проблемы: страны Европы выступали за привлечение инструментов по укреплению

безопасности и превентивных мер экономического характера, в то время как США отдали предпочтение прямому политическому давлению с угрозой применения силы, что было отчасти вызвано желанием сместить неудобные режимы в странах Ближнего Востока.

В этих условиях Америка начала использовать свои структуры взамен наговских, привлекая союзников «по случаю», среди которых, например, была Россия, одна из первых предоставившая США реальную помощь в их борьбе с терроризмом. Тем не менее не стоит полагать, что США в долгосрочной перспективе собирались отказаться от НАТО, поскольку сама организация была нужна для поддержания их интересов в Европе. На момент начала тысячелетия лишь наблюдались последствия нерешенного кризиса идентичности, выразившиеся в неготовности НАТО реагировать достаточно быстро.

Встал вопрос о модернизации органов оперативного управления НАТО и интенсификации отношений в рамках СЕАП (бывш. ССАС), поскольку стала ясна повышенная вероятность угрозы распространения ОМУ и его попадания в руки радикальных террористических группировок. Теперь НАТО еще активнее выступать за количественное расширение Альянса и выстраивание отношений со всеми, кто может помочь в борьбе с новыми угрозами. Этим объясняется создание в 2002 году Совета Россия-НАТО, который был призван в первую очередь скоординировать усилия участников в Афганистане, где НАТО взяла на себя лидирующую роль вместо ISAF, имевшей санкцию ООН, и подготовка к самому большому расширению Альянса.

В этом ключе необходимо остановиться на Пражском саммите НАТО в ноябре 2002 года, который по значимости сопоставим со Стратегической концепцией. Он прошел под лозунгом «Новые члены — новые возможности — новые отношения» и стал основой для создания Сил быстрого реагирования и военной концепции борьбы с терроризмом на современном этапе. Обязательство о совершенствовании военного потенциала, принятое в рамках саммита, должно было позволить всем странам-члена и кандидатам занять свою «особую нишу потенциала», что сделало бы Альянс более единым в военном отношении. Это перекликалось с запущенной еще в 1999 году программой по подготовке к членству в НАТО (ПДЧ), в которую теперь были включены Латвия, Литва, Эстония, Словакия, Словения, Болгария и Румыния, таким образом сигнализируя бывшим постсоветским республикам о желании Альянса охватить всех желающих.

Помимо прочего, США уже тогда начинали выдвигать требования увеличения расходов стран НАТО на оборонные инициативы, что лишь усилило разногласия относительно будущего Альянса. Это выразилось в неприятии Германией и Францией планов США относительно новой войны в Ираке и планов по выделению Турции союзной помощи в 2003 году. ФРГ стремилась придать НАТО более политический характер без непосредственной гло-

бализации, о чем было заявлено на Стамбульском саммите организации в 2004 году, однако становилось ясно, что с приемом новых членов баланс силы будет смещаться в сторону позиции США из-за традиционной поддержки странами Восточной Европы американских инициатив. Также Старую Европу не устраивало фактическое установление принципа превентивного удара в отношении государств, представляющих угрозу, хоть в официальных документах этого не постулировалось. В 2005 году Германия предложила создать специальную рабочую группу по нормализации внутриорганизационных отношений, поскольку американская концепция «Большого Ближнего Востока» также не отвечала интересам ведущих европейских держав по развитию именно континентального компонента безопасности и обороны.

Очередной вехой в попытке выработать единую стратегию идентичности Альянса стал Рижский саммит 28-29 ноября 2006 года. «Всеобъемлющие политические указания», сохранив базис концепции 1999 года, максимально расширили спектр угроз и рисков для Альянса, включив туда, например, энергетическую безопасность. Видя эффективность взаимодействия (особенно в Боснии и Македонии в 2003 г.), НАТО расширяет сотрудничество с ЕС, трансформируясь в базис его безопасности, расширяя возможности доступа европейских стран к ресурсам Альянса по механизму «Берлин плюс» 2004 года. В целом теперь Альянс не только будет стремиться сотрудничать с наднациональными структурами, но и сможет проводить операции за рамками Вашингтонского договора официально. Все это свидетельствует об учете непредсказуемого характера актуальных угроз и фактора их транснациональности, который и требовал реального расширения компетенции НАТО.

В апреле 2008 года на саммите в Бухаресте было принято решение о принятии в НАТО Хорватии и Албании, что должно было еще более упрочить позиции США. Другим шагом, продвигаемым Америкой, было предоставление ПДЧ Украине и Грузии, с чем, однако, почти никто из «старых» членов Альянса не согласился, по-

скольку это не только ослабило бы их позиции в принятии решений в краткосрочной перспективе, но и вызвало бы осложнение отношений с РФ, которая рассматривала расширение на восток как угрозу своей безопасности и потерю рынков сбыта продукции ВПК. Ситуация существенно не изменилась даже после событий августа 2008 между Россией и Грузией, однако эффект от этого конфликта все же был: страны Восточной Европы стали требовать от Альянса размещения воинских контингентов на их территориях как гарантии безопасности в случае агрессии РФ, что опять шло на руку США, которым после очередных разногласий с союзниками по НАТО в Афганистане по поводу увеличения военного присутствия нужно было вновь заявить о важности военного компонента Альянса. Ситуацию с практической реализацией этих планов осложнил финансовый кризис 2008 года и сокращение оборонных бюджетов, что вместе с вышперечисленным привело к оформлению новой Стратегической концепции 2010 года.

Таким образом, на исследованном периоде из-за распада биполярного мира и вступления в эпоху глобализации НАТО столкнулась с кризисом идентичности, однако уже к середине 2000-ых годов Альянс смогу в общем преодолеть данный кризис, перенаправив свою активность из оборонительного формата в превентивный в связи с новым характером угроз, которые, как мы можем видеть по событиям 2001 года, плохо поддаются прогнозированию. Концептуальные документы НАТО последовательно расширяли сферу ее компетенции, делая организацию своеобразным аналогом ООН и ОБСЕ, количественно и качественно модернизируя структуры Альянса. Несомненно, США в этом процессе стремились приспособить НАТО к своим задачам, что вызывало противоречия со странами Европы, настаивавшими на политическом характере Альянса взамен его большей милитаризации. Несмотря на это, НАТО смогло приспособиться к новым условиям, и продолжает оперативно реагировать на возникающие вызовы, что говорит о неисчерпанном потенциале Альянса.

Литература:

1. НАТО. Официальные тексты. Стратегическая концепция Североатлантического союза: одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета в Вашингтоне 23-24 апреля 1999 г. // НАТО: официальный сайт. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm (дата обращения: 04.05.2020).
2. НАТО. Официальные тексты. The Alliance's New Strategic Concept: одобрена главами государств и правительств на сессии Североатлантического совета // НАТО: официальный сайт. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_23847.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 04.05.2020).
3. Антюхова, Е. А. Формирование Стратегии НАТО в постбиполярный период // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-strategii-nato-v-postbipolyarnyy-period> (дата обращения: 11.05.2020).
4. Яскович Дмитрий Александрович Эволюция стратегических концепций НАТО в постсоветский период: формирование стратегии продвижения на Восток // Манускрипт. 2017. № 7 (81). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-strategicheskikh-kontseptsiy-nato-v-postsovetskiy-period-formirovanie-strategii-prodvizheniya-na-vostok> (дата обращения: 11.05.2020).

5. Кучинская, М.Е. Трансформация НАТО на современном этапе: политические аспекты. Монография; ред. Е.М. Кожокина. — Москва: РИСИ, 2007. 202 с. URL: <https://b-ok. cc/book/2827983/1286с2> (дата обращения: 04.05.2020).
6. Фурне, Ж. Трансформация НАТО, 1990-2004 // АПЕ. 2004. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-nato-1990-2004> (дата обращения: 11.05.2020).
7. Уильямс, П. Ответ НАТО на вызов трансформации // АПЕ. 2004. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otvet-nato-na-vyzov-transformatsii> (дата обращения: 11.05.2020).
8. Нестеров, А. О. Модернизация НАТО: основные этапы и направления // Армия и общество. 2013. № 1 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-nato-osnovnye-etapy-i-napravleniya> (дата обращения: 11.05.2020).
9. Усубов, Ф. Д. О., Белоногов А. Л. Проблемы трансформации стратегии НАТО в начале XXI в. // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-transformatsii-strategii-nato-v-nachale-xxi-v> (дата обращения: 11.05.2020).
10. Трунов, Ф.О. Североатлантический альянс: вперед «в прошлое»? // Проблемы европейской безопасности. 2016. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/severoatlanticheskii-alyans-vpered-v-proshloe> (дата обращения: 11.05.2020).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 24 (314) / 2020

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Номер подписан в печать 24.06.2020. Дата выхода в свет: 01.07.2020.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.